

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
О Т Д Е Л Е Н И Е Л И Т Е Р А Т У Р Ы И Я З Ы К А
П У Ш К И Н С К А Я К О М И С С И Я

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград • 1974

Редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ 1972 г.

*Утверждено к печати Пушкинской комиссией
Отделения литературы и языка Академии наук СССР*

Редактор издательства Н. А. Храмцова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор М. Н. Кондратьева
Корректоры О. И. Буркова и А. Х. Салтанаева

Сдано в набор 4/VI 1974 г. Подписано к печати 22/XI 1974 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
Бумага № 2. Печ. л. 10 + 4 вкл. (1/2 печ. л.) = 10,5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 12,63.
Изд. № 5649. Тип. зак. № 1246. М-44625. Тираж 14300. Цена 77 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

В 70202-540
042 (02)-74 252-74

© Издательство «Наука» 1974

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (десятый по общему счету) сохраняет прежнюю структуру этого издания. Он посвящен итогам изучения жизни и творчества Пушкина, а также вопросам популяризации его наследия в 1972 г.

В отделе «Материалы и сообщения» публикуется статья Р. Е. Терехиной, посвященная истории автографа послания Пушкина к Э. А. Волконской. В. Б. Сандомирская в статье «К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части „Опытов“ Батюшкова» предлагает новую датировку пушкинских замечаний на полях сборника стихотворений Батюшкова. История текста стихотворения Пушкина «Надеждой сладостной младенчески дыша» рассматривается в статье К. Н. Григорьяна «Из элегической поэзии Пушкина начала 1820-х годов». М. Ф. Мурьянов в статье «Пушкин и Песнь песней» исследует историко-литературный фон двух известных антологических стихотворений поэта. В этом же отделе помещены статья Н. В. Вулих, посвященная образу Овидия в творчестве Пушкина, и статья Я. Л. Левкович о конспективных заметках Жуковского, отмечающих события, предшествовавшие дуэли, и содержащих описание дня дуэли и последних часов жизни великого поэта.

В отделе «Обзоры», как и в прежних выпусках «Временника», публикуется очередной библиографический обзор «Пушкиниана 1972 года», составленный В. В. Зайцевой.

В отделе «Мелкие заметки» собраны статьи разных авторов, касающиеся отдельных вопросов пушкинианы — творческой истории произведений Пушкина, литературных реминисценций у него. В. Э. Вацуро публикует записанный В. А. Соллогубом со слов Пушкина анекдот о Павле I — один из немногочисленных сохранившихся образов устного повествовательного мастерства Пушкина, отразивший в миниатюре его литературные и исторические интересы 1830-х годов. Истории ранних французских переводов Пушкина и необъясненным латинским текстам в его наследии уделено место в заметках В. В. Крамер и Я. М. Боровского. Р. Г. Жуйкова устанавливает, что два малоизвестных рисунка

Пушкина изображают Шарля-Луи Дидло и Н. И. Гончарову. Э. Ф. Карлова делает предположение, что на трех пушкинских пейзажных рисунках изображено Тригорское.

Д. М. Шарыпкин (статья «Шведская „Пиковая дама“») устанавливает неизвестный ранее шведский источник, открывающий аналогии к сюжету «Пиковой дамы».

Завершается десятый выпуск «Временника» отделом «Хроники», где собраны краткие информации о деятельности пушкинских музеев, открытии новых музеев и праздновании некоторых пушкинских юбилейных дат.

Как и в предыдущих выпусках «Временника», в десятом выпуске все цитаты из Пушкина даются по «Полному собранию сочинений» Пушкина (тт. I—XVI. Изд. АН СССР, 1937—1949); если цитируемое издание не оговорено особо, в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад.».

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Р. Е. ТЕРЕБЕНИНА

АВТОГРАФ ПОСЛАНИЯ ПУШКИНА К З. А. ВОЛКОНСКОЙ И ЕГО ИСТОРИЯ

Хозяйка прославленного литературно-музыкального салона в Москве, писательница, певица и композитор княгиня Зинаида Александровна Волконская (1789—1862), — дочь близкого к карамзинским кругам писателя кн. А. М. Белосельского-Белозерского и жена камергера кн. Н. Г. Волконского, брата декабриста, — уже давно вошла в биографию Пушкина.¹ По воспоминаниям современников, возвращенный из ссылки поэт был частым посетителем ее салона.² Перед отъездом из Москвы, в 1827 г., он

¹ Литература о З. А. Волконской довольно обширна. Из биографических работ о ней, не упоминаемых нами ниже, укажем: Н. Белозерская. Княгиня Зинаида Александровна Волконская. — Исторический вестник, 1897, № 3, стр. 939—972; № 4, стр. 131—164; Nadejda Gorodetzky. Princess Zinaida Volkonsky. — Oxford Slavonic papers, vol. V, 1954, pp. 93—106. Интересные сведения о княгине содержатся в публикации М. К. Азадовского, см.: Из материалов «Строгановской академии». Неопубликованные произведения Ксавье де Местра и Зинаиды Волконской. — Литературное наследство, тт. 33—34, М., Изд. АН СССР, 1939, стр. 195—214. Большинство биографов указывает, что З. А. Волконская родилась в 1792 г. в Турине, где ее отец был посланником; но в своих автобиографических записках княгиня пишет, что она родилась в Дрездене; так как кн. А. М. Белосельский-Белозерский был посланником в Саксонии до 1791 г., Н. Городецкая и приняла этот год за год рождения З. А. Волконской (Nadejda Gorodetzky. Princess Zinaida Volkonsky, p. 93). В настоящее время в архиве княгини, в альбоме ее отца кн. А. М. Белосельского-Белозерского, найдена запись Марии Дмитриевны Татищевой, согласно которой ее внучка Зинаида родилась 3 декабря 1789 г., см.: Roman Jakobson and Bajara Aroutunova. An unknown album page by Nikolaj Gogol. — Harvard Library Bulletin, 1972, July, vol. XX, № 3, pp. 236—237. Об отце княгини см.: André Mazon. Deux Russes écrivains français. Paris, 1964, pp. 9—149 («Alexandre Michailovitch Beloselski»).

² Специальной работы о Пушкине и Зинаиде Волконской до сих пор опубликовано не было. Краткие сведения об их взаимоотношениях приводятся в биографической и краеведческой литературе, посвященной пребыванию поэта в Москве по возвращении из ссылки, а также в коммента-

прислал княгине экземпляр только что вышедших «Цыган» и знаменитое послание, начинающееся словами:

Среди рассеянной Москвы
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.

Это послание было впервые напечатано в 10-м номере «Московского вестника» за 1827 г. (ч. 3, стр. 113) под заглавием «Княгине З. А. Волконской, посылая ей поэму: Цыганы» и за подписью «А. Пушкин». Поэт включил послание во вторую часть своих «Стихотворений», изданных в 1829 г., поместив его последним (VIII) в раздел стихотворений 1827 г. (стр. 103). В этом издании подзаголовок в названии при тексте послания был снят, в оглавлении же сохранен, но поправлен: «при посылке ей поэмы: Цыганы»; кроме того, в отличие от «Московского вестника» слово «гений» в 10-м стихе было напечатано со строчной буквы; разночтений в тексте не было.

В «Московском вестнике» послание было напечатано, по-видимому, по копии, снятой с автографа, поднесенного поэтом княгине вместе с экземпляром «Цыган». Рукопись второй части «Стихотворений» Пушкина издания 1829 г. не дошла до нас, но сохранившийся цензурный экземпляр третьей части «Стихотворений», изданных в 1832 г. (ПД, № 421), показывает характер подготовки поэтом своих поэтических сборников и позволяет предположить, что для издания 1829 г. был, вероятно, взят текст послания, опубликованный в «Московском вестнике», в печатном или писарском виде, в который Пушкин внес указанные нами выше мелкие поправки.

Ни черновых, ни беловых рукописей послания в бумагах поэта не сохранилось. В материалах неосуществленного издания собрания стихотворений Пушкина 1836 г. имеется лишь писарская копия его, снятая с издания 1829 г., без авторских поправок (ПД, № 850, л. 12). Автограф, поднесенный поэтом Волконской, как выяснилось позднее, она увезла с собой в 1829 г. в Италию. В связи с отсутствием автографа в посмертном и во всех последующих изданиях сочинений Пушкина, в том числе и в 16-томном академическом (1937—1949), послание печаталось по автор-

риях к его посланию княгине и письму 1829 г. к П. А. Вяземскому с упоминанием о ней. См.: Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. IV. СПб., 1910, стр. XXXV—XXXVI (прим. «Н. О. Лернера»); Пушкин. Письма, т. II. 1826—1830. М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 327—330 (ред. и прим. Б. Л. Модзалевского); В. Вересаев. Спутники Пушкина, т. 2. М., 1937, стр. 12—14; И. Р. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937, стр. 90—96; Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837). — Литературное наследство, т. 58, М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 15, 52, 98; и др.

скому изданию 1829 г. При этом в посмертном и анненковском изданиях подзаголовков в названии послания, необходимый для понимания его содержания, был опущен и в оглавлении, но начиная с исаковского издания 1859 г. он был введен в заглавие при тексте — вначале в скобках, а с венгеровского издания без скобок.³ До нахождения автографа стихотворение приблизительно датировалось апрелем—маем 1827 г. — временем выхода «Цыган» и 10-й книжки «Московского вестника».

Об автографе, подаренном Волконской, долго ничего не было известно. После смерти княгини сын ее, кн. А. Н. Волконский, сам причастный к литературе, издал за границей, частью по рукописям, сочинения своей матери на французском и русском языках; в приложении к русскому тому он поместил посвященные З. А. Волконской стихи «От разных поэтов» и открыл этот раздел посланием Пушкина. Однако ни в предисловии, ни в примечаниях издатель ни словом не обмолвился, что автограф послания и автографы стихотворений Е. Баратынского, И. Козлова и других русских поэтов находятся среди бумаг княгини.⁴ А когда издатель «Русского архива» П. И. Бартнев заинтересовал архивом княгини, то на его запрос кн. А. Н. Волконский отвечал: «...желал бы я искренно сообщить Вам кое-что новое о воспоминаниях моей покойной матушки. Она точно была в переписке со всеми политическими, литературными и артистическими знаменитостями, ей современными. К сожалению, многое затерялось: остается в моих руках немного писем, содержания частного и дружеского, назначенных более для семейного собрания автографов, чем для печати».⁵ Правда, тогда же князь послал Бартневу копию записки

³ См.: Сочинения Александра Пушкина, т. III. СПб., 1838, стр. 164; Сочинения Пушкина, т. II. Изд. П. Анненкова. СПб., 1855, стр. 426—427; Сочинения А. С. Пушкина, т. I. Изд. Я. А. Исакова. СПб., 1859, стр. 364; Пушкин и н. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. II. СПб., 1908, стр. 454; Полное собрание сочинений Пушкина в 16 томах, т. III. «Б. м.», Изд. АН СССР, 1948, стр. 54, 592.

⁴ См.: *Oeuvres choisies de la princesse Zénoïde Volkonsky, née princesse Beloselsky*. Paris et Carlsruhe, 1865; Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской, урожденной княжны Белосельской. Париж и Карлсруэ, 1865, стр. 153. Об этом издании 3/15 марта 1862 г. А. Н. Волконский писал из Рима С. П. Шевыреву: «Я намерен собрать в один томик выбор из ее (З. А. Волконской, — Р. Т.) литературных трудов, русских и французских, стихи, ей посвященные Пушкиным, Баратынским, «князем» Вяземским, тобою и проч. Все это, если удастся мне собрать, можно издать для малого числа любителей мирных и изящных воспоминаний» (ГПБ, ф. 850, ед. хр. 172, л. 92—92 об.). Книги эти были изданы в небольшом количестве экземпляров, в продажу не поступали, а были разосланы князем родным и знакомым; в настоящее время они представляют библиографическую редкость.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 46, ед. хр. 560, л. 409—409 об. (письмо от 16/28 ноября 1866 г. из Мадрида). В «Словаре русских писательниц. 1759—1859» Николая Книжника (Н. Н. Голицына), напечатанном в № 9 «Русского архива» за 1865 г., в заметке о З. А. Волконской ее матерью ошибочно была названа

мадам де Сталь к З. А. Волконской (1812 г.), а позднее напечатал несколько документов из семейного архива, но со смертью князя (в 1878 г.) эти публикации прекратились. Его приемная дочь и наследница, княжна Н. В. Волконская, вышедшая замуж за маркиза Вл. Кампанари, жила в Риме и была далека от русских литературных кругов.⁶ Выход в свет сочинений З. А. Волконской и опубликование большого количества различных мемуарно-эпистолярных свидетельств о ней способствовали росту интереса к личности этой незаурядной женщины, появлению целого ряда посвященных ей статей. Однако частный архив семьи Волконских для исследователей оставался закрытым, да и сведений о нем в это время не было. В примечаниях к посланию Пушкина и в венгерском (т. IV, 1908, стр. XXXV), и в академическом (т. IV, 1916, стр. 346) изданиях сочинений поэта по-прежнему было сказано, что его автограф «неизвестен».

Первым исследователем, получившим доступ к римскому архиву Волконских, была М. А. Гаррис (жена библиографа и историка литературы В. В. Каллаша⁷). В своей брошюре 1916 г., посвященной Зинаиде Волконской, она впервые опубликовала хранящийся в архиве писательницы автограф послания Пушкина и дала его краткое описание.⁸ Из работы Гаррис стали известны

А. Г. Козицкая, вторая жена кн. А. М. Белосельского-Белозерского (стлб. 1157). А. Н. Волконский в письме к издателю журнала от октября 1866 г., положившем начало их знакомству, исправил эту неточность («Княгиня Зинаида Александровна родилась от первой жены князя А. М. Белосельского — княгини Варвары Яковлевны, рожденной Татищевой, скончавшейся в Турине в 1792 году») и послал ему сочинения княгини (ЦГАЛИ, ф. 46, ед. хр. 560, лл. 378—379). В связи с этим П. И. Бартеев в «Русском архиве» (1867, № 2, стр. 311—313) поместил новую заметку о З. А. Волконской.

⁶ Единственная дочь кн. А. Н. Волконского от его брака с Луизой Леопольдовой фон Лилен — Зинаида скончалась 4 лет; после этого князь удочерил свою дальнюю родственницу Надежду Васильевну Ильину (родная сестра М. Д. Татищевой, урожденной Еропкиной, — бабки З. А. Волконской по матери, — вышла замуж за Ильина, см.: Род князей Волконских. Материалы, собранные и обработанные княгиней Е. Г. Волконской. СПб., 1900, стр. 766; В. Ильин. Воспоминание о князе А. Н. Волконском. — Русский архив, 1878, № 10, стр. 253). По выходе в свет статьи Н. А. Белозерской о З. А. Волконской в «Новом времени» (1897, № 7595) появилась заметка, что живущая в Риме маркиза Кампанари, урожд. княжна Волконская, оспорила утверждение Белозерской (со слов Джуковской), что княгиня якобы расточила свои богатства на нужды католической церкви и скончалась в нищете; маркиза сообщила, что она является наследницей имений княгини и что вилла З. А. Волконской в Риме находится теперь в ее владении. Но это сообщение почему-то не привлекло внимания к архиву Волконской.

⁷ На это указал хорошо осведомленный А. Г. Фомин в «Puschkinian'e» 1911—1917 гг. (М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 452; см. также стр. 244, 304, 372—373).

⁸ М. А. Гаррис. Зинаида Волконская и ее время. (Русская история в культурно-бытовых очерках). Издание К. Ф. Некрасова. М., 1916, стр. 27.

Среди развальной Москвы,
При толкании Визы и башни,
При балканской лепетке коновы
Ты могилок ищи Анонимов.
Царица муръ и армяны,
Ружою плутою держишь ты
Вашинский скипетр браконский,
И назъ забудешь лишний,
Добровый утварамский венок,
И восток и пеллазъ Рений.
Клеца пикашиного тобой
Не отвергай имперской гани,
Вонюхи в чашечкой аполон мой —
Кавъ, лимондула, Катанам
Могутъ вышклеръ коновы...

6 мая

1824

Автограф стихотворения Пушкина «Княгине З. А. Волконской».

Э. А. Волконская. Портрет работы Луи Берже. 1828. Акварель.

местонахождение автографа послания и точная дата его создания, проставленная Пушкиным под текстом: «6 мая 1827». Эта дата была сразу введена в советские издания собраний сочинений поэта. Но эта публикация военного времени оказалась неизвестной парижскому литератору и библиофилу Я. Б. Полонскому. В статье «Литературный архив и усадьба кн. Зинаиды Волконской в Риме. Новые материалы» он писал: «Это стихотворение до сих пор печаталось не с рукописи, а по единственно известному тексту, появившемуся в „Московском вестнике“ в 1827 году <...> Я рад возможности сообщить, что подлинная рукопись этого послания найдена; она находится в римском архиве Волконской. На нем рукою Пушкина точная дата написания: *6 мая 1827 года*».⁹

Я. Б. Полонский заметил, что эта дата находится в противоречии с датой цензурного разрешения на книгу «Московского вестника», в которой было напечатано послание, — «25 апреля 1827 г.», и справедливо объяснил это тем, «что обычно редакторы получали сперва разрешение на печатание основного, готового к набору материала, а затем по мере поступления новых рукописей <...> таковые представлялись дополнительно на просмотр цензуры». Но Я. Б. Полонский не обратил внимания, что дата цензурного разрешения — 25 апреля — относится не к 10-му номеру «Московского вестника», где было напечатано послание Пушкина, а к третьей части журнала, в которую входили №№ 9—12. 9-й номер поступил в продажу 5 мая, объявление о продаже 10-го — появилось только 25 мая.¹⁰ Очевидно, что послание было помещено в ближайшем номере журнала, и с этим, вероятно, было связано некоторое опоздание с его выходом (журнал двухнедельный). Противоречие в датах, как мы видим, действительно формальное.

Я. Б. Полонский рассказал в статье о трагической судьбе римского архива, библиотеки и коллекции художественных материалов семьи Волконских. В 1921 г. маркиза Кампанари продала виллу Волконской в Риме германскому посольству (теперь там помещается посольство Великобритании) и переехала на скромную городскую квартиру, куда перевезла и запакованные в ящики семейные реликвии. В 1923 г. она скончалась, и ящики с мате-

⁹ Временник общества друзей русской книги, IV, Париж, 1938, стр. 167. Я. Б. Полонский допустил неточность: в проставленной Пушкиным дате года нет. Эта статья ввела в заблуждение И. С. Зильберштейна. В публикации «Новое письмо М. И. Глинки к З. А. Волконской» он вслед за Полонским писал: «Авторская рукопись этого стихотворения считалась утраченной, и до последнего времени оно публиковалось по первоначальному тексту „Московского вестника“. Находящийся в первом альбоме автограф Пушкина интересен, в частности, тем, что на нем имеется дата написания стихотворения — „6 мая 1827 г.“» (Сборник памяти Глинки. 1857—1957. Исследования и материалы. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 446).

¹⁰ Пушкин в печати. 1814—1837. Составили Н. Спнявский и М. Цявловский. Изд. 2-е, испр. М., Соцэргиз, 1938, стр. 43.

риалами, безотносительно к их содержанию, были поделены между пятью наследниками. Части собрания, доставшиеся детям, вскоре расплылись. По свидетельству Полонского, в 1925—1929 гг. в римских антикварных магазинах и на аукционах продавались документы, книги с экслибрисами и картины русских художников из собрания З. А. Волконской. Они оказались рассеянными по всему свету, попали в частные коллекции, некоторые, быть может, безвозвратно пропали. Восстановить первоначальный состав распыленного собрания теперь, видимо, уже невозможно. Печальной участи избежала лишь часть его, доставшаяся Вл. Кампанари — мужу Н. В. Волконской. Незадолго до смерти (в 1931 г.) он продал ее русскому антиквару в Риме, в прошлом выпускнику Александровского лицея, — барону В. С. Леммерману. В этой части собрания оказался и автограф послания Пушкина. Обзор уцелевшей части архива З. А. Волконской дал в своей статье Я. Б. Полонский. В советской печати о его судьбе и составе в 1958 г. рассказал И. С. Зильберштейн при публикации (по фотокопии) письма М. И. Глинки к З. А. Волконской из ее архива.¹¹ Из его статьи стало известно, что после второй мировой войны В. С. Леммерман перевез материалы из Рима в Нью-Йорк. Там в 1967 г. архив кн. З. А. Волконской был приобретен у него американским коллекционером Б. Л. Килгуром для библиотеки Гарвардского университета, где и хранится ныне.¹²

В 1966 г. в Риме вышла книга «*La princesse Zénaïde Wolkonsky. De la Russie impériale à la Rome des Papes*». Она написана по материалам архива княгини, находившегося тогда во владении В. С. Леммермана. В этой книге впервые факсимильно воспроизведен автограф послания Пушкина к кн. З. А. Волконской.¹³ По этому изданию он воспроизводится и в нашей статье.

Описания автографа в книге, к сожалению, нет. По свидетельству М. А. Гаррис, послание написано «на большом почтовом листе крупным и размашистым почерком поэта». По сообщению Я. Б. Полонского, «это обыкновенный лист почтовой бумаги, какие употребляются для писем; на одной стороне пятна — не то от небрежного хранения, не то от времени». По-видимому, это бумага № 204 или № 205 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, которой Пушкин пользовался в это время: белая, без водяных знаков, с обыкновенным обрезом (водяной знак и золотой обрез если не Гаррис, то Полонский оговорили бы),

¹¹ Сборник памяти Глинки. 1857—1957, стр. 441—456.

¹² См.: *Harvard Library Bulletin*, 1972, July, vol. XX, № 3, p. 237.

¹³ В списке находящихся за границей автографов А. С. Пушкина, составленном покойной хранительницей Пушкинского фонда О. С. Соловевой, мы нашли указание на воспроизведение автографа послания Пушкина к З. А. Волконской, но при просмотре оказалось, что там воспроизведены лишь последние пять строк послания.

размером приблизительно 202×253 мм.¹⁴ Размер факсимиле в книге меньше — 117×160 мм: очевидно, автограф воспроизведен в несколько уменьшенном виде. По воспроизведению видно, что лист был сложен вчетверо; при этом линии продольного и поперечного сгибов не центрированы, а несколько сдвинуты влево и вниз, — это свидетельствует, что лист автографа воспроизведен не полностью, а только часть его с текстом. Пятен — наверное, от сырости — не только на левой стороне, но и по всему листу уже довольно много.

В автографе послание не имеет заглавия. Это было известно из публикации М. А. Гаррис, и мы остановимся на этом ниже. Различий с текстом «Московского вестника» в автографе нет, но отличия в тексте все же есть. Несколько слов написаны в автографе с заглавной буквы: кроме слова «Гений», воспроизведенного в журнале, еще слова «Виста» и «Муз»; последнее неотчетливо, но то, что парное к слову «Виста» слово «бостона» написано со строчной буквы, не позволяет сделать никаких выводов. Подобные написания отдельных слов с заглавной буквы (при олицетворениях) не редки у Пушкина, особенно в стихах, но в печати он их почти никогда не сохранял. Более существенное значение имеют красная строка в 11-м стихе и пунктуация последнего пятистишия (пунктуация с некоторыми неточностями воспроизведена у Гаррис, красную строку она опустила). Вопрос об авторской пунктуации не прост; у Пушкина он осложняется тем, что сам поэт при печатании своих произведений старался следовать установленным правилам. Пунктуация послания к княгине Волконской в печати от них тоже не отступает (ошибочная запятая после «молвы» и лишние тире после «красоты» и «гений», имеющиеся в «Московском вестнике», в издании 1829 г. были опущены). Сравним же последнее пятистишие в автографе и в издании 1829 г.:

Издание 1829 г.

Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Автограф

Певца плененного тобой
Не отвергай смиренной дани;
Внемли с улыбкой голос мой —
Как мимоездом, Каталани
Цыганке внемлет кочевой...

Пунктуация в автографе несколько отличается от печатной, и на этих отличиях, при всей их незначительности, стоит остановиться.

Известно, что в письмах Пушкин «приспосабливался» к своим адресатам; то же можно сказать о его стихотворных посланиях

¹⁴ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 332.

разным лицам, своим современникам — собратьям по перу, друзьям и врагам, женщинам, которыми он увлекался, просто знакомым. Тон и характер этих посланий всецело определяются людьми, к которым они направлены, и взаимоотношениями с ними поэта. Это более всего и придает им неповторимую индивидуальность. По-видимому, это обстоятельство прежде всего имел в виду В. Г. Белинский, когда в пятой статье о Пушкине писал, «что он, взявшись за перо, по воле или по неволе, уже не мог не быть художником даже в светском комплименте, в приветствии, возложенном приличием». Среди произведений, приведенных в доказательство «преобладания в Пушкине художнического элемента над всеми другими», Белинский назвал и послание поэта «Княгине З. А. Волконской».¹⁵

Пятнадцать стихов послания четко делятся на три части, отражая развитие поэтической мысли. В первых четырех стихах поэт определяет положение адресата в обществе, в последующих шести дает его характеристику, в заключительном пятистишии говорит о своем отношении к адресату и просит его благосклонно принять дар. Точность кратких пушкинских характеристик, как всегда, удивительна. Она нашла подтверждение в многочисленных эпистолярно-мемуарных свидетельствах о Волконской и, вероятно, даже повлияла на них.¹⁶ В конце двух первых частей стоит точка, в конце последней — многоточие. В каждой части свои рифмы и своя схема их чередования, соответствующая движению мысли (так, в центральном шестистишии в 1-м и 2-м стихах рифмуются подлежащее и приложение к нему, в 4-м и 5-м — обстоятельство с относящимся к нему причастным оборотом, а в 3-м и 6-м — прямое дополнение первого трехстишия с вытекающим из него по смыслу подлежащим второго трехстишия). Развивающаяся мысль связывает все части в единое целое; показателем незаконченности первых частей являются женские рифмы, их замыкающие; мужская рифма в конце последнего отрывка, удвоенная блестящим сравнением, придает стихотворению гармоническую законченность.

Четкий, хотя и сдержанный, отражающий нежно-почтительное отношение поэта к адресату, интонационный рисунок четырехстопного ямба, которым написано послание, определяется

¹⁵ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 342. Интересно отметить следующее: 6 июня 1827 г. по прочтении только что появившегося в журнале послания Пушкина к кн. З. А. Волконской М. Ф. Орлов писал к кн. П. А. Вяземскому, что «стихи к Зинаиде прелестны» (Литературное наследство, т. 58, М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 66; письмо на франц. языке).

¹⁶ Многие из современников отмечают, что салон Волконской был в Москве единственным, где не играли в карты; о постоянной задумчивости княгини вспоминал А. Н. Волконский в предисловии к ее сочинениям и другие биографы; многообразие ее талантов отмечали все ее современники.

не только чередованием рифм, но и сменой ударений внутри стихов. В третьей стопе в 11 стихах из 15 пиррихий; вторая стопа везде ударная, кроме стиха 10-го, где неполное ударение; в первой стопе в двух стихах пиррихий, в двух — неполное ударение, но она всегда ударная в стихах, несущих главную смысловую нагрузку, а, например, в 4-м стихе, замыкающем интонацию перечисления трех начальных стихов, усилена еще спондеем; только два стиха (6-й и 13-й) имеют ударения на всех четырех стопах. Для усиления выразительности отдельных слов и стихов (и их смыслового выделения) Пушкин часто прибегает в послании к инверсии, применяет анафору, вводит обращение. Преобладающие в звуковом рисунке сонорные придают посланию особую звучность.

Последнее пятистишие тематически и интонационно заключает послание. Перед этим речь шла только о Волконской, здесь же с первого стиха, с первого слова поэт говорит о себе. Появление в пятистишии красной строки и связано, как это обычно у Пушкина, с введением новой темы — темы певца. Красная строка, увеличивая паузу перед стихом, отделяла его от предыдущего и способствовала смысловому выделению в нем слова «певца», а инверсия («Певца плененного тобой Не отвергай...») придавала стиху интонационную выразительность. Снятие запятых в причастном обороте после слова «певца» в этих условиях (инверсия в инверсии) могло означать некоторое ослабление ударения (более ровное произношение) внутри стиха.

В 14-м стихе два пиррихия — в первой и третьей стопах. Выделение запятыми слова «мимоездом», увеличивая паузы до и после слова и сильнее акцентируя его, должно было восполнить образуемые пиррихиями пустоты. Это связано, по-видимому, и с желанием подчеркнуть содержание слова, обратить на него внимание. Дело в том, что в послании Каталани и цыганка корреспондируют между собой не только как певицы, но и как находящиеся в движении: «мимоездом» и «кочевой» (излюбленный пушкинский образ, который он часто применяет и к себе). С подчеркиванием этого момента, очевидно, связано и многоточие в конце послания, после слова «кочевой».¹⁷ Проставленные Пушкиным знаки препинания придают отрывку несколько иную интонацию, вносят несколько иные смысловые акценты. Хотя до нас дошло немало свидетельств современников о том, как поэт читал свои стихи, Пушкин — чтец своих собственных произведений все же для нас навсегда утрачен. Но, как мы видим, авторская пунктуация несколько восполняет этот пробел.

¹⁷ В опубликованном в 1966 г. французском переводе послания Пушкина к З. А. Волконской — переводе поэтическом, но петочном, — этот момент, к сожалению, совершенно пропал (La princesse Zénaïde Wolkonsky, pp. 78—79).

И. Р. Эйгес о стихе «Двойным увенчанным венком» пишет: «Идет ли здесь речь о музыке и поэзии, которыми так успешно занималась З. Волконская, или о поэзии и красоте З. Волконской? Это остается не совсем ясным».¹⁸ В ряде комментариев тоже говорится, что Волконская увенчивается двойным венком — «поэтессы и певицы».¹⁹ Но нам кажется, что Пушкин, учитывая разнообразие дарований Волконской, в ее характеристике не выделяет ни одного искусства в особенности; он называет ее «царицей муз и красоты» и за эти два качества, т. е. за художественные дарования и за красоту, и увенчивает ее двойным венком. Называя себя в послании певцом, Пушкин, конечно, говорил о себе как о поэте (как во многих случаях о себе и о других поэтах), но именно двусмысленность слова «певца» и то, что Волконская являлась певицей, и позволили ему привести блестящее сравнение, раскрывающее смысл первого сопоставления. Каталани и цыганка противостоят друг другу как мастер, прошедший великолепную школу, и простая певица из народа. В такие же параллельные отношения сравнение ставит Волконскую и Пушкина. И это была не обычная для поэта поза преуменьшения своих достоинств в сношениях с менее одаренными собратьями. В салоне Волконской царил атмосфера «высокого искусства», столь импонирующая участникам «Московского вестника», и в этих условиях уподобление с цыганкой было со стороны Пушкина утверждением своего особого пути в искусстве — простого и безыскусственного показа действительности, т. е. реализма.²⁰

Многие комментаторы произведений Пушкина говорят, что поэт посвятил своих «Цыган» З. А. Волконской и что его послание — это посвящение. Но ни к одному прижизненному изданию «Цыган» послание не было приложено, да и его заглавие говорит, что оно было просто сопроводительным при подарке, как послание к кн. Голицыной при посылке ей оды «Вольность» или послание к Д. В. Давыдову при посылке «Истории Пугачева». Кажется, никто из исследователей не утверждал, что Пушкин посвятил им посланные произведения.

Вместе с автографом послания в архиве Волконской хранится и поднесенный поэтом княгине печатный экземпляр первого из-

¹⁸ И. Р. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., Музгиз, 1937, стр. 92—93.

¹⁹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах, т. II. М., ГИХЛ, 1959, стр. 694 (комментарий Т. Г. Цявловской).

²⁰ Об отношении Пушкина к цыганам см. в статье: Н. Лернер. Пушкин и цыганы. — Столица и усадьба, 1915, № 48, стр. 13—14. О пребывании знаменитой итальянской певицы Анжелики Каталани в России см.: М. П. Алексеев. Из музыкальной жизни русской провинции первой половины XIX в. — В кн.: История русской музыки в исследованиях и материалах, вып. I. Под ред. проф. К. А. Кузнецова. М., 1924, стр. 34—39. По преданию, Каталани слушала однажды в Москве цыган, и ей очень понравилось пение цыганки Стеши.

дания поэмы «Цыганы» (1827 г.). Они подклеены к л. 10 первого альбома. Мы не знаем, вручил ли Пушкин книгу с автографом послания лично Э. А. Волконской или послал их ей. Я. Б. Полонский при характеристике автографа высказал предположение, что, «написавши стихи, Пушкин, вероятно, в тот же день отправил их с посыльным на Тверскую. Через три дня на очередном *понедельнике* за академическим обедом послание к Волконской было прочитано вслух». В автографе послание не имеет заглавия, имя адресата должно было в этом случае находиться или на книге, или на пакете, в который были вложены книга и автограф, или, возможно, в сопроводительном письме к ним, но сведений об этом мы не имеем.

В. Б. САНДОМИРСКАЯ

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПОМЕТ ПУШКИНА ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ «ОПЫТОВ» БАТЮШКОВА

В критическом наследии Пушкина его пометы на полях сборника стихотворений Батюшкова (Акад., XII, 257—284) занимают особое, своеобразное место. Пометы на полях представляют собой один из характерных для Пушкина способов выражения критической оценки как художественных, так и публицистических произведений. Известны его пометы на полях статей кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (XII, 213—242) и М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Дмитрия» (XII, 243—256), на рукописи книги Вяземского «Биографические и литературные записки о Д. И. Фонвизине».¹ Кроме того, упоминания о подобных «надстрочных» критиках (XIV, 129) неоднократно встречаются в переписке Пушкина. Так, например, известно о кропотливом построчном разборе «Войнаровского», проделанном Пушкиным для Рылеева. «Сейчас получил я Войнаровского и Думы с письмом Пуштина» (XIII, 160), — сообщил Пушкин Вяземскому 7 апреля 1825 г., а в начале мая он спрашивал в письме к брату: «Каковы мои замечания? Надеюсь, не скажешь, что я ему кажусь — а виноват: Войнаровский мне очень нравится. Мне даже скучно, что его здесь нет у меня» (XIII, 174). Следовательно, Пушкин с уехавшим 24 апреля из Михайловского Дельвигом вернул Рылееву его поэму со своими замечаниями. Подтверждением этого служит и ответ Рылеева, который, благодаря Пушкина за его «прямодушные замечания на Войнаровского», сообщил: «Войнаровского (т. е. новый, чистый экземпляр книги, — В. С.) вышлю со следующей почтою» (XIII, 183).

Столь же подробно Пушкин разобрал драму Погодина «Марфа Посадница». В письме из Болдина от конца ноября 1830 г., сообщая Погодину свое впечатление после двукратного прочтения

¹ См.: Новонайденный автограф Пушкина. Подготовка текста, статья и комментарии В. Э. Вацуры и М. И. Гиллельсона. М.—Л., «Наука», 1968.

драмы, он добавлял: «Для вас же пришло я подробную критику, на д е с т р о ч н у ю» (XIV, 129; разрядка моя, — В. С.). Подобного же рода построчного разбора своей «Эды» просил у Пушкина Баратынский, писавший ему: «Дельвиг <...> тотчас доставит тебе экземпляр и пожалуй два, ежели ты не полениться сделать для меня, что сделал для Рылсева» (XIII, 253). Можно предположить, что таким же образом, с пером в руке, прочел Пушкин в 1825 г., после отъезда Дельвига из Михайловского, сочинения Державина; отчет об этом чтении мы находим в письме его к Дельвигу, датированном началом июня 1825 г. (XIII, 181—182).

Но если до нас дошло несколько образцов такого изучения прозаических произведений, то пометы на «Опытах» Батюшкова представляют пока единственный пример его работы над поэтическими, стихотворными текстами — пример особенно ценный, потому что пометы Пушкина к стихотворениям Батюшкова отразили многогранность восприятия им творчества своего старшего современника, зафиксировав не только труд критика, но и «изучение» мастерства Батюшкова, и «наслаждение» взыскательного художника художественными открытиями своего предшественника.²

Вопрос о датировании замечаний на «Опытах» Батюшкова существен прежде всего как вопрос о времени, когда твердо определилось суждение Пушкина о поэзии Батюшкова и его месте в истории русской поэзии, мало в чем изменившееся в дальнейшем. Но вопрос этот значителен также и потому, что пометы в батюшковском сборнике стихотворений представляются нам первым опытом столь глубокого изучения Пушкиным творчества одного из своих учителей в поэзии, началом огромной работы по критическому освоению и оценке достижений русской поэзии конца XVIII—начала XIX в.

1

Первое решение вопроса о времени возникновения пушкинских помет было предложено их публикатором Л. Н. Майковым, в его статье «Пушкин о Батюшкове».³ Майков не ставил своей целью точную публикацию пушкинских помет, в их последовательности и в соотносительности с поэтическим текстом, их вызвавшим. Он использовал их как первоклассный материал в исследовании избранной темы, а вопрос датировки решал лишь

² Именно так, как «изучение и наслаждение», характеризовал эти «штудии» сам Пушкин в письме к Погодину о его «Марфе Посаднице» (XIV, 128).

³ Л. Н. Майков. Пушкин о Батюшкове.— Русский архив, 1894, № 4, стр. 528—555. Далее цит. по кн.: Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 284—317.

попутно, не стремясь исчерпать все аргументы pro и contra. Им предложена такая датировка помет: «Не ранее второй половины 1826 года и, может быть, не позже 1828 г.»⁴ Мотивированы обе эти даты следующими соображениями. Отмечая содержащиеся в пушкинских заметках ссылки на суждения самого Батюшкова, а также Вяземского и Дмитриева о тех или иных стихах в «Опытах», Майков писал: «Пушкин вообще мало знал Дмитриева, а до 1826 года, кажется, вовсе не был знаком с ним; с самим Батюшковым знакомство Пушкина было не особенно короткое и притом очень непродолжительное. Поэтому можно предполагать, что мнения Дмитриева и самого автора „Опытов“ не лично слышаны от них Пушкиным, а сообщены ему другим лицом, вероятнее всего Вяземским. С Вяземским же Пушкин хотя подружился очень рано, но до 1826 года видался очень редко. Как ни мелки эти обстоятельства, они достаточны для того, чтобы навести на мысль, что замечания на рассмотренном нами экземпляре „Опытов“ сделаны Пушкиным не ранее вышеозначенного (т. е. 1826, — В. С.) года».⁵ Вторым аргументом, по мнению Майкова прочно подкрепляющим эту дату, было стихотворение Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов» (1819), написанное позже выхода «Опытов» и вписанное Пушкиным в конце книги, на чистом листе перед задней крышкой переплета. В печати оно появилось, указывал Майков, «только в 1828 году в „Северных цветах“; впрочем, еще года за два перед тем оно стало известно друзьям большого поэта: Вяземский вписал его, как свежую новость, в свою записную книжку в июле 1826 г. Что же касается Пушкина, он мог узнать эту пьесу лишь несколько позже, то есть уже по своем приезде в Москву из деревенской ссылки, следовательно, не ранее сентября того же года <...> и, может быть, не позже 1828 года, когда вышеупомянутая пьеса Батюшкова появилась в печати».⁶ Таким образом, по мнению Майкова, работа Пушкина над «Опытами» Батюшкова относится ко времени его пребывания в Москве, после возвращения из ссылки, т. е. не ранее второй половины 1826 г. и не позже 1828 г. С этой датой пометы Пушкина были впервые включены и в собрание сочинений поэта под редакцией С. А. Венгерова.⁷

Майковым была отмечена еще одна возможность для датировки. Он указал, что суждение Пушкина о малой требовательности издателя «Опытов» Гнедича в отборе стихотворений, содержащееся в письме поэта к Плетневу (15 марта 1825 г. — XIII,

⁴ Л. Н. Майков. Пушкин, стр. 291.

⁵ Там же, стр. 290.

⁶ Там же.

⁷ Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. IV. СПб., 1910, стр. 490—500. Здесь пометы Пушкина были напечатаны в составе отрывка из статьи Л. Н. Майкова «Пушкин о Батюшкове», с сохранением его комментариев и избранной им группировки заметок.

153), совпадает с прямым упреком Гнедичу, записанным Пушкиным на полях батюшковского послания к А. И. Тургеневу в «Опытах»: «Охота печатать всякий вздор! Б<атюшков> — не виноват» (XII, 275); это совпадение позволяло «предположить, что и все эти замечания набросаны им около 1825 года».⁸ Но это соображение, о котором нам предстоит еще говорить, не получило дальнейшего развития — ни у Майкова, ни в позднейшей работе В. Л. Комаровича.

Майков опубликовал пушкинские замечания о стихотворениях Батюшкова по подлиннику: он располагал пушкинским экземпляром «Опытов», предоставленным ему А. А. Пушкиным, сыном поэта. Однако позднее, уже после 1910 г.,⁹ эта книга, содержащая подлинные пометы Пушкина, бесследно пропала, и не претендовавшая на текстологическую точность публикация Майкова оказалась единственным источником текста помет.

2

В начале 1930-х годов Л. Б. Модзалевским в библиотеке Л. Н. Майкова был найден экземпляр второй части «Опытов» Батюшкова, в который рукой Майкова были скопированы пушкинские заметки в их подлинном размещении, последовательности и написании, карандашом и чернилами, в соответствии с оригинальными записями. Эта находка дала возможность не только проверить и уточнить наблюдения и выводы Майкова, но и подготовить новую, текстологически точную публикацию пушкинских помет. Работа эта была выполнена В. Л. Комаровичем. В 1934 г. он напечатал сообщение «Пометы Пушкина в „Опытах“ Батюшкова»,¹⁰ а затем им же была подготовлена для академического издания сочинений Пушкина новая публикация помет поэта в полном их составе (не только суждения и оценки, но и все другие пометы: отчеркивания, подчеркивания и зачеркивания, знаки вопроса, восклицания и пр.) и в последовательности, определенной последовательностью стихотворений Батюшкова в «Опытах» (XII, 257—284).

Сообщение Комаровича во многом дополнило статью Майкова в плане стилистического анализа не учтенных последним помет Пушкина. Но основным вопросом, занимавшим исследователя,

⁸ Л. Н. Майков. Пушкин, стр. 291.

⁹ В 1910 г., по словам Б. Л. Модзалевского, описавшего библиотеку Пушкина, книга Батюшкова еще хранилась у А. А. Пушкина. См.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. Пб., 1910, стр. X, XII, XVIII (приложение III: Книги из библиотеки Пушкина, сохранившиеся в других библиотеках, № 4).

¹⁰ Литературное наследство, т. 16—18, М., Изд. АН СССР, 1934, стр. 885—904.

было уточнение их датировки. Анализируя пометы, Комарович установил разновременность записей Пушкина, сделанных чернилами и карандашом, и определил их последовательность. Если Майков отметил только вероятность того, что «заметки писались не в один прием: по крайней мере одни из них, и притом большая часть, писаны карандашом, другие — пером»,¹¹ то Комарович установил, что записи чернилами — более ранние и датировал их концом 1817 г., т. е. временем вскоре после выхода сборника из печати. Что касается второй группы помет, карандашных, то и для них он не принял датировки, предложенной Майковым. Майков определил время записи Пушкиным батюшковского стихотворения «Есть наслаждение и в дикости лесов» на последнем, чистом листе книги как 1826—1828 гг., между тем Комарович считал, что эта запись могла быть сделана еще до высылки Пушкина, в 1819—1820 гг.,¹² т. е. вскоре после того, как были вписаны чернилами заметки, относящиеся к четырем последним по времени стихотворениям Батюшкова.

Отвергая датировку Майкова, Комарович предложил другую, более позднюю дату карандашных помет Пушкина — «после 20 августа 1830 года», т. е. конец 1830 г.

Основанием такой датировки послужила психологическая трактовка пометы, относящейся к элегии Батюшкова «Умиравший

¹¹ Л. Н. Майков. Пушкин, стр. 291.

¹² Эта датировка пушкинской записи, как и датировка Майкова, не имеет бесспорных доказательств и основана на ряде интересных, но гипотетических умозаключений. Так, исходя из того, что пушкинская копия стихотворения Батюшкова имеет разночтения с копией Вяземского 1826 г. и с публикацией этого стихотворения в «Северных цветах» на 1828 г. (разночтения отмечены еще Л. Н. Майковым, скопировавшим в свой экземпляр «Опытов» не все стихотворение, а именно эти разночтения в стихах первом и шестом, отличающие пушкинскую копию), Комарович утверждал, что пушкинская запись — самая ранняя и что Пушкиным был записан первоначальный авторский вариант стихотворения, измененный в дальнейшей работе: «...элегия Батюшкова могла быть скопирована Пушкиным с рукописи, полученной от Батюшкова вскоре после написания элегии кем-нибудь из друзей, например Александром Тургеневым» (Литературное наследство, т. 16—18, стр. 889). Против этой ранней датировки копии говорит следующее соображение: если бы Пушкин так издавна знал это стихотворение Батюшкова, оно несомненно появилось бы в «Северных цветах» не на 1828 г., а ранее, или на 1826 г. — вместе с двумя другими, прежде не публиковавшимися стихотворениями Батюшкова (которые Пушкин узнал от Дельвига, в его приезд в Михайловское, и которые тогда же, в апреле 1825 г., переписал для Вяземского — см.: ПД, ф. 244, оп. 1, № 932₂), или же в следующем выпуске, на 1827 г. В связи с этим более близкой к истине представляется майковская датировка копии. Здесь следует отметить, что Пушкин дважды копировал это стихотворение Батюшкова. Вторая копия (ПД, № 699) вполне совпадает с текстом «Северных цветов» на 1828 г. (Рукописи Пушкина. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 249; см. также: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 507).

Тасс», точнее — одна фраза этой пометы, в которой Тассо в изображении Батюшкова охарактеризован следующим образом: «Это умирающий В. <асилий> Л. <ьвович> — а не Торквато» (XII, 283). По мнению исследователя, «психологически едва ли допустимо, чтоб Пушкин стал сравнивать героя Батюшкова с „умирающим Васильем Львовичем“ до того, как последний действительно умер».¹³ А определив таким образом дату — «после 20 августа 1830 г.», т. е. после дня смерти В. Л. Пушкина, он ссылкой на ряд других заметок Пушкина поддерживает это определение. Так, по мнению Комаровича, новая датировка подтверждается и упоминанием Пушкина о мнении И. И. Дмитриева в заметке о стихотворении «Тень друга» («Дмитриев осуждал цезуру двух этих стихов. Кажется несправедливо» — XII, 262), ибо только в марте—июне 1830 г., в период дружеского общения Пушкина с Дмитриевым, «а никак не раньше, мог он от самого Дмитриева услышать попавший потом на поля „Опытов“ отзыв о Батюшкове».¹⁴ Указано Комаровичем и еще одно сближение фактов, поддерживающее его датировку: в письме к Е. М. Хитрово от 21 января 1831 г. Пушкин цитирует ту самую эпиграмму Лебрена — «on n'est pas seul, on n'est pas deux», перевод которой он угадал в одной из эпиграмм «Опытов».¹⁵

Датировка, предложенная Комаровичем, была принята академическим изданием Пушкина и используется в целом ряде исследований. Между тем она представляется небезупречной, по крайней мере в двух весьма существенных отношениях. Во-первых, неубедительна основная мотивировка даты. Предположение Комаровича, что для Пушкина будто бы было невозможно сравнивать кого-либо с умирающим В. Л. Пушкиным, прежде чем его дядюшка действительно умер, кажется нам ничуть не более допустимым, чем предположение совершенно противоположное: что сразу же после смерти В. Л. Пушкина подобная шутка, легкомысленная и озорная, была бы еще более невозможна. Последнее подкрепляется свидетельством П. А. Вяземского о настроении Пушкина во время болезни и смерти его дяди. Вяземский, видевший его 19 и 20 августа в доме умирающего, записал в своем дневнике в день смерти Василия Львовича: «Пушкин был однако же очень тронут всем этим зрелищем и во все время вел себя как нельзя приличнее».¹⁶ Это же впечатление, и почти в тех же самых словах, передано и в письме Вяземского к жене, писанном в тот же день, 20 августа: «Я приехал быть свидетелем кончины бедного Василия Львовича <...> Пушкин был тут во

¹³ Литературное наследство, т. 16—18, стр. 894.

¹⁴ Там же, стр. 895—896.

¹⁵ Там же, стр. 896.

¹⁶ П. А. Вяземский. Старая записная книжка. — В кн.: П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 9. СПб., 1884, стр. 138.

все время, благопристойно и тронут».¹⁷ С этим свидетельством не расходятся, а, напротив, подтверждают его и слова самого Пушкина в письме к Плетневу от 9 сентября 1830 г. (на которые ссылается Комарович): «Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытии, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчал: как скучны статьи Катенина! и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, *le cri de guerre à la bouche!*» («с боевым кличем на устах») (XIV, 112).

Можно еще заметить, что в словах об «умирающем В. Л.», которыми Комарович придавал столь большое значение, для Пушкина было важно не то, что он «умирающий», а то, что он — «Василий Львович», т. е. определенный тип характера, противоположный Тассо. Именно в сопоставлении характеров Тассо исторического и Тассо в изображении Батюшкова, в котором видны лишь «славолюбие и добродушие», делающие его похожим на простосердечного В. Л. Пушкина, и состоит суть упомянутой заметки Пушкина в ее полном объеме, а формула «умирающий В. Л.» появилась здесь как параллель к заглавию батюшковской элегии (а, может быть, отчасти и как пародия на него) — «Умирающий Тассо». «Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь кроме славолюбия и добродушия ничего не видно. Это умирающий В. Л. — а не Торквато» (XII, 283), — эти слова Пушкина в отношении к В. Л. Пушкину могли быть написаны уже в начале 1820-х годов (в пору сильнейшего увлечения творчеством Байрона и сугубо романтического восприятия идеи героической личности), поскольку они имели в виду общий характер дяди-поэта, а не его предсмертные слова о стихах Катенина.

Следует отметить также, что отмеченные Комаровичем слова Пушкина об «умирающем» Василии Львовиче — не единственное упоминание о последнем на полях «Опытов». Помету с его именем мы находим также возле батюшковского «Послания к Тургеневу»; здесь по поводу стихов 37—39 Пушкин заметил: «стихи, достойные В. <асилия> Л. <вловича>»; и далее, возле стиха 50-го: «опять!» (XII, 275). Обе эти пометы, так же как и та, которая послужила важнейшим основанием для датировки в доказательствах Комаровича, характерны одной общей особенностью: они имеют в виду Василия Львовича-поэта, его творчество, его стихи. Это сближает их с целым рядом упоминаний о В. Л. Пушкине, содержащихся в письмах его племянника 1822—1825 гг. к П. А. Вяземскому, Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу (XIII, 35, 58, 91, 96, 111, 113, 125, 136, 137, 165, 185). Все они в той или иной степени отражают арзамасскую традицию подшучивания над простодушным и добродушным старостой «Арза-

¹⁷ П. А. Вяземский. Письма к жене за 1830 г. — В кн.: Звенья, т. VI. М. — Л., «Academia», 1936, стр. 312.

маса». Но в 1822 г. этому подтруниванию был дан новый повод: в этом году вышла в свет книжка стихов В. Л. Пушкина, изданная П. А. Плетневым.¹⁸ Василий Львович послал экземпляр книжки в подарок своему племяннику, о чем Пушкин писал в письме к П. А. Вяземскому 6 февраля 1823 г.: «... дядя прислал мне свои стихотворения — я было хотел написать об них, кое-что, более для того, чтоб уцлигнуть Дмитриева, нежели чтоб порадовать нашего старосту; да не возможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его» (XIII, 58). Эти слова представляются лучшим объяснением того, что имя Василия Львовича так часто попадало под перо Пушкина в 1823—1825 гг., и позволяют связать пометы в «Опытах», касающиеся дяди-поэта, со свежими впечатлениями от чтения его произведений, а время появления помет — с временем получения Пушкиным сборника Василия Львовича.

Главное же, почему датировка Комаровича представляется неудовлетворительной, это то, что, основав ее на частных определениях биографического характера, исследователь совершенно не коснулся более общих вопросов: почему эти пометы в книге Батюшкова могли появиться в 1830 г.; чем было вызвано позднее пристальное внимание к поэзии Батюшкова, художественный опыт которого был усвоен Пушкиным еще в молодые годы; отразились ли эти штудии в последующем творчестве Пушкина; внесли ли они что-то новое в пушкинское понимание поэзии Батюшкова? Все эти вопросы оставлены исследователем без ответа, и вследствие этого большая проделанная Пушкиным работа над поэтическими текстами Батюшкова предстает как прихоть, отнюдь не объяснимая фактом свидания Пушкина с большим Батюшковым в апреле 1830 г. и разговорами о нем с московскими друзьями. Обращаясь к творчеству, критическим высказываниям и переписке Пушкина в 1830-м и следующих годах, мы не находим в них отражения этих штудий или упоминаний о них; в 1830 г. имя Батюшкова дважды появляется под пером Пушкина, но оба раза вне связи с изучением «Опытов».¹⁹

3

Целый ряд фактов в творчестве Пушкина конца 1810-х—начала 1820-х годов свидетельствует, что еще долгое время по выходе из Лицея Пушкин относился к Батюшкову как к учителю и образцу, находя в его творчестве опору для своих новых замыс-

¹⁸ В. Л. Пушкин. Стихотворения. Пб., 1822.

¹⁹ В письме к Вяземскому от марта 1830 г. короткая приписка: «Батюшков умирает» (XIV, 74); в статье о Баратынском — сопоставление последнего с Батюшковым («выше певца Пенатов и Тавриды» — XI, 186), которое характерно для пушкинского восприятия творчества Баратынского уже в 1822 г. (см. XII, 191; XIII, 34). В 1830-е годы Пушкин

лов, черная в нем новые размеры, ритмы, необычные запоминающиеся образы и выражения.²⁰ Не касаясь здесь пушкинского творчества до 1817 г. (времени выхода «Опытов» и окончания Лицея), ни работы над поэмой «Руслан и Людмила», воздействие на которую поэзии Батюшкова особенно ощутимо, укажем лишь следы несомненного воздействия Батюшкова в творчестве Пушкина начала 1820-х годов, соотносимые с пометами Пушкина на страницах «Опытов».

И критикой начиная с Белинского, и исследователями неоднократно отмечалось значение поздних элегий Батюшкова для развития элегической поэзии Пушкина в период южной ссылки. Но о значении для Пушкина исторических элегий Батюшкова не сказано почти ничего, хотя есть все основания для постановки этого вопроса. Все эти элегии так или иначе были отмечены Пушкиным в анализируемых пометах.

Элегия «Гезиод и Омир соперники» заслужила самую высокую оценку Пушкина: «Вся элегия превосходна — жаль что перевод»; ряд стихов выделен пометой «Прекрасно». Но чтение ее вызвало в Пушкине не просто чистое восхищение, но и, как это часто бывало у него, дух соревнования, стремление усвоить себе и использовать для своих собственных художественных целей находки Батюшкова. Так, размер и некоторые образы вступительной части батюшковской элегии использованы им в 1822 г. в «Песни о вещем Олеге». Вот стихи, отмеченные Пушкиным в этой элегии словом «прекрасно»:

Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите;
Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
При пламени светлом вздохните,
Внемлите народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!

Пушкина привлек в них прежде всего их размер, сравнительно редкий у Батюшкова и особенно редкий у самого Пушкина. Вступление элегии написано четырех- и трехстопным амфибрахийем, с ослабленной рифмовкой (рифмуют преимущественно четные стихи, 9 стихов из 22 оставлены без рифмовки). Пушкин, используя этот размер в своей «Песни», принял, однако, четкий и повторяющийся рисунок рифмовки, избрав строфу

в связи со своими переводами из античных поэтов вновь обратился к Батюшкову, но уже не к собственным его стихам, а к переводам из греческой апологии, вышедшим в свет в 1820 г.

²⁰ См. об этом: П. Морозов. Пушкин и Батюшков. — В кн.: Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. I. СПб., 1907, стр. 144—154; Н. М. Элиаш. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIX—XX. Пгр., 1914, стр. 1—39; Б. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 57—61, 69—71, 88—91; см. также по указателю.

из шести стихов со схемой рифмовки аВаВсс, в которой преобладают четырехстопные стихи с мужской рифмой:

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хозарам,
Их селы и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в царградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

(II, 243)

Гораздо подробнее был разработан Пушкиным и образ, содержащийся в первых двух стихах приведенного отрывка из батюшковской элегии, — «Коней отрешите от тягостных уз И в стойлы прохладны ведите». Этот образ развит им в целый эпизод, отражающий заботу князя о своем коне, которого он отсылает на покой:

«... Вы, отроки-друзи, возьмите коня,
Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под узцы отведите;
Кушайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

(Там же)

Вторая историческая элегия Батюшкова, «Умиравший Тасс», вызвала отзыв Пушкина, примечательный своей резкостью. «Эта элегия конечно ниже своей славы. — Я не видал элегии, давшей Батюшкову повод к своему стихотворению, но сравните Сетования Тасса Байрона с сим тощим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолюбия и добродушия, ничего не видно. Это умирающий В. <асилий> Л. <ьвович> — а не Торквато» (XII, 283). В отзыве можно выделить моменты, гораздо более характерные для времени, в которое появилась эта запись: во-первых, то, что элегия Батюшкова подвергается в нем критике с точки зрения романтического идеала; во-вторых, то, что «Умиравшему Тассу» противопоставлено действительно близкое по теме и композиции произведение Байрона «Жалоба Тассо» — как образец совершенства в этом роде, как глубоко поэтическая разработка характера, в сравнении с которым герой Батюшкова по глубине характера оказывается сопоставим лишь с добродушным Василием Львовичем. Из истории отношения Пушкина к Байрону известно, что после сравнительно краткого периода безусловного увлечения творчеством и личностью английского поэта (1820—1823) Пушкин уже вскоре оказался способен критически отнестись к своему кумиру. Представляется наиболее вероятным, что приведенная оценка элегии Батюшкова, в которой столь сильно проявилось это увлечение Пушкина, была занесена на страницы «Опытов» именно в начале 1820-х годов.

Размышления об «Умиравшем Тассе», неудовлетворенность этим произведением Батюшкова оказались плодотворными

для собственного творчества Пушкина; в результате возникло стремление к творческому соревнованию, к самостоятельному решению подобной темы, которое вскоре и осуществилось. Историческая элегия Пушкина «Андрей Шенье», написанная им в 1825 г., это не только полемика с Рылеевым, но и соревнование с Батюшковым.

Можно думать, что с элегией «Умиравший Тасс» соотносится еще одно значительное произведение Пушкина — его стихотворение «К Овидию» (1821), в котором батюшковская тема судьбы поэта в мире дана в характерно пушкинском преломлении. Взяв тему Батюшкова, Пушкин отказался здесь от тяготеющей к искусству классицизма условности ситуации (обращенная к друзьям речь героя перед смертью), отказался от внешней объективности «Умиравшего Тасса». Его стихотворение, отражающее размышления о судьбе гонимого поэта древности, открыто субъективно и лирично. Этому соответствует и характер избранного Пушкиным жанра — послания.

Оба названных произведения Пушкина, возникновение которых мы связываем с размышлениями над элегией Батюшкова, созданы в пределах первой половины 1820-х годов.

Некоторые хронологические указания можно извлечь и из пометы Пушкина, относящейся к стихотворению «Вакханка»: «Подражание Парни, но лучше подлинника, живее» (XII, 277). Батюшковские переводы и подражания Парни Пушкин поверял с подлинником — об этом говорят его многочисленные мелкие замечания, относящиеся к элегии «Мщение» (перевод девятой элегии из IV книги «Poésies érotiques» Парни) и к «Источнику». Перечитывая Парни, Пушкин нашел у него сюжет и для себя: в 1824 г. он отослал Дельвигу свое стихотворение «Прозерпина» — переработку XXVII картины «Превращений Венеры», — первый набросок которого был сделан им в 1821 г.

Удачный опыт Батюшкова показал Пушкину возможность соревнования с Парни в обработке заимствованного у него сюжета, и, работая над переводом «Прозерпины», он шел тем же путем. Он воспринял от Батюшкова не только стихотворный размер (четырёхстопный хорей), но и характер переработки картин и образов, замену картинности действием; к «Прозерпине» вполне могут быть отнесены его собственные слова о «Вакханке»: «Подражание Парни, но лучше подлинника, живее». Это сопоставление вновь свидетельствует о предпочтении датировки пушкинских помет первой половиной 1820-х годов.

Ряд творческих параллелей закончим указанием на несколько случаев включения Пушкиным в свои произведения стихов Батюшкова или использования заимствованных у него образцов. Так, стих Батюшкова из «Песни Гаральда Смелого»:

И море и суша покорствует нам —

Пушкин, лишь слегка изменив его, включил в прорицание волхва о судьбе князя в «Песни о вещем Олеге» (1822):

И волны, и суша покорны тебе.²¹

(II, 224)

В послании Батюшкова «К Н.» («Как я люблю, товарищ мой») находим такой колоритный образ:

... киверами

Вино некупленное пьем.

Пушкин воспользовался им в поэме «Цыганы» (1824), создав по его типу свой, в описании быта цыган:

Варят нежатое пшено.

(IV, 188)

Батюшковский образ «И нежны первенцы полей» встречаем в стихотворении Пушкина 1825 г.:

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.²²

(II, 423)

И наконец целую неизмененную строку из стихотворения Батюшкова «Беседка муз» находим мы в шестой главе «Евгения Онегина» (1826), в строфе VII, посвященной Зарецкому:²³

Как я сказал, Зарецкий мой,
Под сень черемух и акаций
От бурь укryвшись наконец,
Живет как истинный мудрец.

(VI, 120)

И эти, и другие случаи сознательных (как последний) или невольных заимствований, отмеченных исследователями, также приходятся на 1820-е годы, преимущественно на их первую половину, когда Пушкин неоднократно возвращался к батюшковскому сборнику.

4

Одной из причин, заставлявших Пушкина обращаться ко второму тому «Опытов», была подготовка задуманного им собрания стихотворений.

Еще в 1820 г. Пушкин начал готовить собрание своих стихотворений, намереваясь издать его по подписке. Ссылка помешала

²¹ Это наблюдение сделано еще П. В. Владимировым, см.: П. В. Владимиров. Пушкин и его предшественники в русской литературе. — В кн.: Памяти Пушкина. Научно-литературный сборник. Киев, 1899, стр. 27.

²² См.: Н. М. Элиаш. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина, стр. 32.

²³ См.: Литературное наследство, т. 16—18, стр. 893.

осуществлению этого замысла, и первый сборник пушкинских стихотворений вышел в свет только в 1826 г.²⁴ Сборник 1826 г. значительно отличался от замысла издания 1820 г. не только по составу, но и по своему построению; последнее обстоятельство существенно для наших рассуждений.

Композиция сборника 1820 г., каким мыслил его себе Пушкин, отражена так называемой «тетрадью Всеволожского». Анализ ее позволяет думать, что в сборнике предполагалось всего два отдела — «элегии» и «мелкие стихотворения».²⁵ В издании 1826 г. жанровое членение намного сложнее, но определялось оно в основном издателями. Пушкин же представлял себе композицию сборника несколько иначе, причем его представление вполне определено было высказано им уже в ноябре 1824 г., когда он практически стал хлопотать об издании (в октябре 1824 г. было написано письмо Н. В. Всеволожскому).

В ответ на предложение Вяземского издать элегии («Собери все свои элегии и пришли мне их; можно их отдельно напечатать» — XIII, 118) Пушкин, рассказав историю неосуществившегося издания 1820 г. и проигранной Всеволожскому рукописи, писал далее: «Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси» (XIII, 125; разрядка моя, — В. С.). Эта же формула повторяется в письме от 14 марта 1825 г. к брату, получившему наконец от Всеволожского тетрадь пушкинских стихов: «Переписали же мне проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать <...> Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом благословясь и в цензуру» (XIII, 151; разрядка моя, — В. С.). Но эта формула — элегии, послания, смесь — соответствует построению батюшковского сборника и несомненно из него воспринята Пушкиным. Это подтверждается и прямой ссылкой на «Опыты» в письме Пушкина к брату и П. А. Плетневу от 15 марта 1825 г., которым он предоставлял самые широкие полномочия в подготовке своих «Стихотворений»: «Только не подражайте изданию Батюшкова — исключайте, мажьте с плеча» (XIII, 153).

Ссылка на книгу Батюшкова подтверждает, что к этому времени «Опыты» были уже тщательно проштудированы Пушкиным; приняв за образец схему построения «Опытов», он стремился из-

²⁴ В сентябре 1822 г. кн. А. Лобанов-Ростовский через Я. Н. Толстого предложил Пушкину издать его мелкие стихотворения в Париже. Издание не состоялось, но предложение это заставило Пушкина приступить за обдумывание нового плана издания, как о том свидетельствует его письмо к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г.: «... в числе моих стихотворений иные должны быть выключены, многие переправлены, для всех должен быть сделан новый порядок» (XIII, 46—47).

²⁵ См. об этом: Б. В. Томашевский. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.). I. «Тетрадь Всеволожского». — Литературное наследство, т. 46—48, стр. 825—842.

бежать недостатков этого сборника, важнейшим из которых он считал стремление к полноте в ущерб общему художественному уровню. Как явствует из помет Пушкина, причиной этого он считал нетребовательность Гнедича как издателя («... охота печатать всякий вздор! Б<атюшков> — не виноват» — XII, 275); он поощрял своих издателей к более строгому отбору материала.

Но строже всего судил созданное им он сам. Критическое изучение «Опытов» показало ему, что наиболее уязвимы для критики первые, ранние произведения поэта. «Писано в первой молодости поэта», «Писано в первой молодости поэта. Самое слабое из стихотворений Батюшкова», — записал он возле стихотворений «Воспоминание» и «Мечта» в объяснение их слабости, растянутости и «невыдержанности». Поэтому так строг оказался Пушкин в отборе своих ранних стихотворений. Так, из пятнадцати стихотворений, составлявших отдел элегий в «тетради Всеволожского», в издании 1826 г. не было включено больше половины — восемь стихотворений; при этом из тетради 1820 г. были оставлены только четыре элегии — «Пробуждение», «Выздоровление», «Мечтателю» и «Друзьям» (последняя сильно сокращена по сравнению с текстом 1820 г.).

Характеризуя изучение батюшковского сборника как существенный момент в подготовке Пушкиным издания своих стихотворений, необходимо отметить также его размышления об эпиграмме. Из двенадцати пьес, объединенных в «Опытах» общим заголовком «Эпиграммы и надписи», пять перечеркнуты редакторским карандашом Пушкина и три сопровождаются краткими пометами (XII, 279—280). Запись «Какая плоскость!», относящаяся к «Мадригалу Мелине, которая называла себя нимфою», отражает в ряду других суждение Пушкина о батюшковском чувстве юмора, или, скорее, о неспособности его к юмору.²⁶ Две другие записи, относящиеся к эпиграмме «Всегдашний гость, мучитель мой» («Это не Батюшкова, а Блудова, и то перевод») и к «Мадригалу новой Сафе» («Переведенное острословие — плоскость»), характеризуют в известной степени те требования, которые Пушкин предъявлял к эпиграмме. Ранние представления его об эпиграмме (конца 1810-х—начала 1820-х годов) были сформированы поэтикой французского классицизма. Формула «Поэтического искусства» Буало — «Un bon mot de deux rimes orné» («острота, украшенная двумя рифмами»), которую Пушкин привел в наброске статьи 1830 г. о Баратынском (XII, 186), фиксировала важнейшие особенности этого жанра. Как правило, эпиграмма XVIII в. — это своего рода экспромт, острота по поводу конкрет-

²⁶ Уже в отделе посланий Пушкин после нескольких помет, касающихся этой стороны послания Висльборскому и послания к Тургеневу, вынужден был заметить: «Как неудачно почти всегда шутит Батюшков!..» (XII, 276).

ного события или лица в стихотворной форме. Характерные черты ее — малый объем и свежесть, неизбежность остроты. Недолговечность такой эпиграммы как бы predetermined: она, «как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении» (XI, 186). Поэтому переводы широкоизвестных эпиграмм французских мастеров или подражания им, которые он встретил у Батюшкова, представлялись Пушкину обреченными на неудачу: эпиграмма в переводе лишается своей остроты, превращается в нечто проти воположное («переведенное острословие — плоскость»).²⁷

Отзвуком этих размышлений явилось сожаление Пушкина в письме к Вяземскому о невозможности включить в собрание стихотворений свои эпиграммы: «Из всего, что должно было предать забвению, более всего жалею о своих эпиграммах — их всех около 50 и все оригинальные...» (XIII, 160). Первостепенная важность этого обстоятельства — своего оригинального, незаимствованного острословия (*bon mot*) — для жанра эпиграммы особенно ощутимо предстала Пушкину при чтении эпиграмм Батюшкова.

Итак, сопоставление размышлений Пушкина о композиции своего будущего сборника с планом «Опытов» и с некоторыми из пушкинских помет в них позволяет заключить, что к началу работы по составлению первого издания своих стихотворений, т. е. к концу 1824 г., у Пушкина существовал уже отчетливый план его, на формирование которого наряду с изучением поэтических сборников Парни, Шенье и других оказало влияние также и штудирование поэтического сборника Батюшкова — второй части его «Опытов».

5

Особую группу среди пушкинских помет составляют несколько приведенных Пушкиным суждений самого Батюшкова и его друзей — П. А. Вяземского, И. И. Дмитриева, П. А. Катенина — о стихах «Опытов». Часть их — суждения Дмитриева — была использована Комаровичем как факт в пользу датирования помет 1830 г.: он считал, что суждения Дмитриева о стихах Батюшкова Пушкин мог слышать лишь в марте—июне 1830 г., когда состоялось их личное знакомство и установились, после длительного периода неприязни со стороны Пушкина, их дружеские отношения.

Представляется полезным рассмотреть — с точки зрения времени сделанных записей — не одну только, а все записи этой группы.

²⁷ Однако мысль Пушкина, справедливая в частности по отношению к Батюшкову (поскольку чувство юмора, способность к шутке ему не были свойственны, что и сказалось в его переводах), не права в своем обобщении, и доказательством тому могут служить некоторые эпиграммы самого Пушкина, являющиеся подражаниями сюжетам известных эпиграматистов XVIII в.

Наиболее существенны среди них записи, относящиеся к мнению самого Батюшкова. Их три. В «Тавриде» Пушкиным отчеркнуты стихи 21—24, сопровождаемые ремаркой «любимые стихи Батюшкова самого» (XII, 263); по поводу названия стихотворения «Сон могольца» записано: «Монгольская басня, как называет ее Батюшков сам» (XII, 278); наконец, по поводу «Ответа Тургеневу» Пушкин заметил от себя: «Как неудачно почти всегда шутит Батюшков! Но его Видение умно и смешно» (XII, 276). Общей чертой этих помет является употребление в них настоящего грамматического времени: «как называет ее Батюшков», «как неудачно <...> шутит Батюшков». При всей нечеткости этого показателя для датировки можно, однако, с уверенностью сказать, что Пушкин мог употребить настоящее время в подобных выражениях в 1820-х годах и не мог в 1830-х. В 1822 г. Батюшков для него — безусловно действующее лицо в современной поэзии: «быть нельзя; уничтожь это вранье», — пишет он Льву Пушкину 21 июля 1822 г. (XIII, 42) по поводу вести о помешательстве поэта. К началу 1825 г. Батюшков-поэт в сознании Пушкина — уже в прошлом, уже завершившееся явление поэзии; именно к этому времени принадлежит его слова: «Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастья и не созревшие надежды» (XIII, 135); однако и в это еще время, в 1824 г. например, он мог в силу привычки записать: «как называет <...> Батюшков сам» свое стихотворение. Но к 1830 г. имя Батюшкова уже слишком далеко отошло в прошлое, восемь лет тяжелой душевной болезни заживо вычеркнули его из настоящего русской жизни и русской поэзии. Для Пушкина, который к тому же в апреле 1830 г. навещал больного, не узнавшего его Батюшкова, уже невозможно было сказать в настоящем времени: «Как неудачно почти всегда шутит Батюшков!». Это рассуждение позволяет отнести указанные три пометы к 1820—1824 гг.

Наш вывод, основанный на соображениях грамматических и психологических, был бы, вероятно, недостаточен как единственный аргумент в пользу нашей датировки, но вполне может быть назван в ряду наблюдений, подтверждающих эту датировку.

Такому выводу не противоречит и ни одно из имен, названных Пушкиным в своих примечаниях. Конечно, нет ничего невозможного в том, что Пушкин в 1830 г. разговаривал с Дмитриевым о стихах Батюшкова и что «Дмитриев осуждал цезуру» двух первых стихов в «Тени друга». Но тогда приходится предположить подобный же разговор и с Вяземским, назвавшим Пушкину свои «любимые стихи» (XII, 265) в «Опытах», и с Катениным, который указал ему два стиха Батюшкова (в «Мечте»), «достоинные Баркова» (XII, 270). Такой общий интерес известных литераторов 1810-х годов к стихам Батюшкова в начале 1830-х годов необъясним, он ничем не вызван и ничем и никем не отражен. Между тем датирование помет 1820—1824 гг. объясняет этот

общий интерес к «Опытам». Сборник Батюшкова, выпущенный в конце 1816 г., был важной новостью и событием для русской поэзии, всеобщий интерес к нему и разговоры о нем в среде русских литераторов были естественны в конце 1810-х годов. В начале 1820-х годов, к которому относим мы пометы в «Опытах», эти разговоры и мнения были живы и ярки в памяти Пушкина, ассоциации с ними невольно возникали при чтении соответствующих стихов Батюшкова, и записи появлялись не в результате новых разговоров о Батюшкове, а как воспоминание о когда-то бывших суждениях и спорах. Характерны в этом отношении и имена литераторов, упоминаемых Пушкиным: друзья Батюшкова кн. П. А. Вяземский и В. Л. Пушкин, являющиеся, как и он, членами «Арзамаса»; П. А. Катенин и И. С. Барков; москвич И. И. Дмитриев, суждение которого могло быть известно Пушкину от самого Батюшкова. Этот круг имен, столь естественно воспринимаемый как воспоминание Пушкина о времени, предшествующем ссылке, представляется слишком нарочитым для времени после 1830 г., о котором говорит В. Л. Комарович.

6

В заключение необходимо остановиться на пометах, выражающих высокую оценку некоторых произведений Батюшкова в целом. В. Л. Комарович цитирует их избирательно, приводя отзывы Пушкина лишь о «Переходе через Рейн», о «Тавриде» и «Моих пенатах». По мнению Комаровича, отзыв Пушкина о «Переходе через Рейн» как о «лучшем», «сильнейшем» стихотворении в книге мог быть сделан «только сгоряча, только под первым от него впечатлением», и сам поэт несколько позже «далеко не разделяя этого преувеличенного отзыва». Свидетельством этого исследователь считал высокую оценку «Тавриды» и «Пенатов», якобы отменяющую восторженные слова поэта о «Переходе через Рейн».²⁸ Говоря о заметках к «Тавриде» и «Пенатам», Комарович акцентировал, что они «высшие», выделяющие эти два стихотворения из числа всех прочих; рассматривая хвалебный отзыв о «Переходе через Рейн» как некое противоречие с уже существующей «высшей» оценкой, Комарович на этом основании считал помету к данному стихотворению относящейся к гораздо более раннему времени — к 1817—1818 гг.; с другой стороны, сопоставление этих двух «высших» оценок — «Тавриды» и «Пенатов» — с позднейшим отзывом Пушкина о Батюшкове, в котором последний назван «певцом Пенатов и Тавриды» (в статье 1830 г. о Баратынском — XI, 186), явилось для Комаровича одним из аргументов его датировки.

²⁸ Литературное наследство, т. 16—18, стр. 893.

Однако, выделяя оценки «Тавриды» и «Пенатов» как «высшие», Комарович не был точен. Пометы в «Опытах» Пушкин делал «для себя» и не стеснял себя отчетливой градацией формулировок; поэтому среди стихотворений Батюшкова, кроме одного или даже двух, отмеченных Комаровичем, нашлись еще несколько «лучших», «совершенных», «блистательных» стихотворений. В числе последних Пушкин считал «Выздоровление» («одна из лучших элегий Б—ва» — XII, 260), «Тень друга» («прелесть и совершенство — какая гармония!» — XII, 262), «Разлука» («Прелесть» — XII, 263), «Таврида» («По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова» — XII, 263), «Гезиод и Омир соперники» («Вся элегия превосходна — жаль, что перевод» — XII, 267), «К другу» («Сильное, полное и блистательное стихотворение» — XII, 268), «Мои пенаты» («Это стихотворение дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна» — XII, 272), послание «К Жуковскому» («Прекрасно, достойно блестящих и небрежных шалостей французского остроумия — и везде язык поэзии» — XII, 276), «Радость. Подражание Касты» («Вот батюшковская гармония» — XII, 279). Длинный ряд названий (девять стихотворений) опровергает оба утверждения Комаровича.

Во-первых, этот перечень объясняет, почему и после высказанных уже Пушкиным суждений о «Тавриде» или послании «К другу» он мог сказать об элегии «Переход через Рейн»: «Лучшее стихотворение поэта — сильнейшее и более всех обдуманное» (XII, 283). По-видимому, в этих пометах «для себя», делаемых по мере чтения, превосходная степень в оценке какого-либо стихотворения не означала невозможности столь же высокой оценки какого-то другого стихотворения, способного вызвать столь же сильное удовольствие и восхищение мастера. Предыдущая высокая оценка в этом ряду не только не делает невозможной последующую, а, напротив, придает последней еще большее значение, и представляется, что слова «лучшее», «сильнейшее», «более всех обдуманное», относящиеся к стихотворению, стоящему в оглавлении третьим от конца, выделяют это стихотворение как совершенное, как лучшее среди лучших.²⁹

²⁹ В. Л. Комарович относил эту помету к числу сделанных вскоре по выходе сборника на том основании, что пометы, выписанные на полях чернилами, а не карандашом (как остальные), относятся к стихотворениям «Страннователь и домосед», «Переход через Рейн», «Умиравший Тасс» и «Беседка муз», которые объединяет в книге Батюшкова 1817 г. один общий признак — новизна, «и притом если только взглянуть на нее глазами современного изданию читателя» (Литературное наследство, т. 16—18, стр. 890). Однако сам же он указал, что из этих четырех действительной новостью была только элегия «Умиравший Тасс», нигде до того не печатавшаяся. Нам представляется более правдоподобным иное объяснение помет чернилами, правда меняющее датировку их,

Во-вторых, десять выделенных Пушкиным стихотворений сборника не дают возможности говорить о прямом совпадении «высших» оценок, отраженных пометами, с отзывом о Батюшкове 1830 г., как это утверждал Комарович. Сопоставление их свидетельствует на первый взгляд о противоречии суждений начала 1820-х годов с суждением 1830 г. и требует пояснений. Среди особо отмеченных Пушкиным стихотворений всего два, написанных Батюшковым в первый период творчества, до 1812 г., — послания «Мои пенаты» и «К Жуковскому». Но и в произведениях, созданных после 1814 г., Пушкин естественно отмечал черты, составляющие отличительную особенность поэтического почерка Батюшкова: «чудотворную» музыкальность, гармоническую стройность и звучность поэтической речи, красоту и изящество образа (то, что Пушкин обозначал так часто встречающимся в пометах словом «прелесть»), «роскошь и небрежность воображения». И лишь постепенно в таких произведениях, как «Гезиод и Омир», «К другу», «Тень друга», Пушкин почувствовал новые, развившиеся свойства поэзии Батюшкова — не только силу и «роскошь» воображения, но и способность поэта властвовать и управлять им, работу мысли, «обдумывание» замысла, сообщавшие его новым произведениям силу и глубину мысли, цельность и единство и делавшие их образцом художественного «совершенства». Таких стихотворений (среди которых «сильнейшим» и обдуманнейшим назван «Переход через Рейн») в книге немного, но именно они служили основанием надежд на дальнейшее развитие и совершенствование батюшковского таланта — надежд, которым не суждено уже было осуществиться. Только что пережитое ощущение крепнущего поэтического таланта, ощущение больших надежд и в то же время понимание обреченности этих надежд в связи с болезнью Батюшкова отразились в известных словах Пушкина в его

предложенную В. Л. Комаровичем. Дело в том, что перечисленные стихотворения Батюшкова находятся не в разных местах сборника, а в одном — это последние стихотворения в книге. Всего вероятнее, что замена карандаша чернилами означает перерыв в работе, более или менее длительный, как это часто можно наблюдать в рукописях Пушкина. Такое объяснение позволяет думать, что Пушкин штудировал сборник последовательно страницу за страницей, а не на выборку, и что пометы чернилами суть позднейшие, а не ранние, и относятся к 1823—1824 гг. Это предположение подкрепляется и изменением характера помет к концу сборника — увеличением (и даже преобладанием) числа помет, отражающих как бы редакторскую работу Пушкина над текстом, направление которой выражено пометой к «Посланию Т—ву»: «...охота печатать всякой вздор!..». К концу книги мы встречаем все больше зачеркиваний целых стихотворений (особенно в отделе эпиграмм и надписей) или частей их, слабых или «лишних» с художественной точки зрения (например, в сказке «Странствователь и домосед»). Именно этот опыт показал Пушкину необходимость строгой требовательности в отборе пьес для сборника, что и проявлено им в работе над книгой своих стихов.

письме к Рылееву от 25 января 1825 г. по поводу бестужевского обзора русской литературы в «Полярной звезде» на 1825 г. Возражая против односторонности и несправедливости «строного приговора» Бестужева по отношению к Жуковскому и Батюшкову и указывая на «решительное» и плодотворное влияние Жуковского «на дух нашей словесности», Пушкин добавлял: «Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастья и несозревшие надежды» (XIII, 135).

Подлинным вкладом Батюшкова в русскую поэзию остались для Пушкина его дружеские послания и элегии, постепенно утрачивавшие черты поэтической условности и все более становившиеся выражением души поэта. Лучшие, совершенные образцы того и другого жанра и соединил Пушкин в характеристике Батюшкова, «певца Пенатов и Тавриды» (XI, 186), в статье 1830 г., посвященной творчеству Баратынского — поэта, в котором он видел преемника Батюшкова.

Подытоживая сказанное, можно сделать следующий вывод: ряд соответствий между произведениями Батюшкова и творческими замыслами Пушкина 1821—1824 гг., а также несомненная связь помет в «Опытах» с работой Пушкина по подготовке собрания своих стихотворений, план которого вполне сформировался в его сознании к концу 1824 г., позволяют нам датировать пушкинские пометы в «Опытах» Батюшкова 1821—1824 гг.

К. Н. ГРИГОРЬЯН

**ИЗ ЭЛЕГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ПУШКИНА
НАЧАЛА 1820-х ГОДОВ**

(К истории текста стихотворения «Надеждой сладостной
младенчески дыша»)

1

Рукописи Пушкина давно стали предметом специального изучения. На разных этапах пушкиноведения исследовательская мысль не раз обращалась к ним как к первоисточнику с целью уточнений, установления подлинного текста поэта.

Одним из интересных эпизодов в изучении рукописей Пушкина является более чем вековая история прочтения чернового автографа элегии 1823 г. «Надеждой сладостной младенчески дыша». До сих пор многое остается здесь неясным и спорным.

Текст элегии, а также другой черновой отрывок, следующий за ним («Придет ужасный миг...»), были впервые опубликованы П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» в качестве черновых вариантов ко второй главе «Евгения Онегина», как «пародия на тяжелые шестистопные элегии, бывшие некогда в моде, и вместе лукавая насмешка над туманными произведениями Ленского».¹

Долгое время обоим отрывкам не придавалось самостоятельного значения, и издатели сочинений поэта, доверяясь «Материалам» Анненкова, помещали их в приложениях ко второй главе «Онегина» как «образчики» элегии Ленского. Эта традиция была нарушена П. О. Морозовым при работе над третьим томом академического издания сочинений Пушкина. Редактор тома не согласился с Анненковым, указал на самостоятельность этих отрывков, совершенно случайно оказавшихся между черновыми строфами

¹ Сочинения Пушкина, Изд. П. В. Анненкова, Т. I, СПб., 1855, стр. 328.

второй главы «Онегина» и не пмевших, по его словам, «ничего общего ни по форме, ни по содержанию» с пушкинским романом в стихах; он подчеркнул, наконец, что тема стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша» «не допускает и мысли о пародии, о насмешке», что это сочинение по замыслу и настроению тесно соприкасается с элегиями Пушкина начала 1820-х годов.²

Доводы П. О. Морозова хотя и были убедительными, но тем не менее не получили полного признания, и некоторые из издателей и исследователей сочинений поэта продолжали рассматривать эти отрывки как черновые варианты ко второй главе «Онегина». Причина этого заключалась в том, что выводы П. О. Морозова были «слишком бегло и случайно аргументированы и, правильные по существу, легенду могли только поколебать, но не до конца уничтожить», как справедливо отмечено еще полвека назад.³ Тогда же было вполне объяснено и происхождение «ошибки» Анненкова.

Выдающийся знаток Пушкина, чуткий и осторожный редактор и издатель сочинений поэта, каким несомненно был Анненков, не мог не заметить очевидную самостоятельность этих черновых отрывков.⁴ Он приписал их к «образчикам» «туманных элегий» Ленского не «просто по недоразумению или потому, что они не отвечали требованиям его эстетического вкуса», как предполагал П. О. Морозов.⁵ В своей статье П. В. Анненков указывал на условия того времени, когда он готовил к изданию «Материалы для биографии Пушкина». Цензура проявляла особую суровость к каждой строке поэта. При этом отличался начальник штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельт, который «пользовался репутацией тонкого эксперта по части отгадки тайных авторских намерений». В статье приводились места, которые были «приговорены» цензором А. Фрейтагом к исключению. Специальное возражение встретил текст стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша», в котором цензор усмотрел сомнение в «бессмертии души».⁶

Именно эти внешние обстоятельства заставили П. В. Анненкова изобразить дело так, якобы эти стихи отражают не настроение и

² В. Я. Брюсов был единственным из редакторов сочинений Пушкина, который согласился с доводами П. О. Морозова и напечатал оба отрывка как наброски самостоятельных стихотворений. См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Со сводом вариантов. Под ред., со вступит. статьями и объяснительными примечаниями Валерия Брюсова. Т. I, ч. 1. М., ГИЗ, 1920, стр. 210.

³ См. об этом: Пушкин и его современники, вып. XXXVII. Л., Изд. АН СССР, 1928, стр. 52—55.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ Сочинения Пушкина, т. III. СПб., Изд. Акад. наук, 1912, стр. 359.

⁶ П. Анненков. Любопытная тяжба. — Вестник Европы, 1881, № 1. стр. 17—19.

мысли самого Пушкина, что это лишь «пародия», «насмешка» над «подобными философствованиями» одного из действующих лиц романа.

В защиту первого биографа Пушкина и издателя его сочинений следует добавить еще одно соображение.

П. В. Анненков в «Материалах для биографии Пушкина» представлял читателям эти отрывки как черновые записи ко второй главе «Онегина», но в то же время настойчиво подчеркивал «сочувствие», «живое участие» автора романа к Ленскому. «Пушкин, — писал Анненков, — любил своего Ленского <...> Иногда кажется, будто Пушкин ставит Ленского неизмеримо выше настоящего героя романа». Здесь же указывалась связь этих черновых отрывков по содержанию с элегиями Пушкина. «Замечательно, однако ж, — писал Анненков, — что точно в таком же духе есть несколько лицейских стихотворений самого Пушкина <...> Читатель, вероятно, уже заметил, что поэт наш сообщил отрывкам Ленского — полагаем, не без намерения, — искру чувства и души и тем отличил их от подражаний другого рода <...> Не без удивления видим мы вместе с тем, что Пушкин гораздо позднее возвратился к стихам Ленского и взял от них отчасти мысль, которая является в знаменитой пьесе „Безумных лет угасшее веселье“:

Но не хочу, о други, умирать...
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,

но уже какое необъятное пространство лежит между первым опытом Ленского и последней формой, данной его мысли Пушкиным в 1830 году».⁷

Всем ходом суждений здесь опровергалось то, что автор комментариев вынужден был сказать под давлением цензуры. В них проводилась мысль о том, что эти стихи не «насмешка», не «пародия» на элегии Ленского, а имеют вполне серьезное содержание — они отражают раздумья самого автора. Основная тема стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша» нашла свое развитие в элегической поэзии Пушкина последующих лет.

2

Текст стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша» впервые был опубликован П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» в следующей редакции:

⁷ Сочинения Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Т. I, стр. 328—329.

- 1 Надеждой сладостной младенчески дыша,
- 2 Когда бы верил я, что некогда душа,
- 3 Могилу пережив, уносит мысли вечны,
- 4 И память, и любовь в пучины бесконечны —
- 5 Клянусь! давно бы я покинул *грустный* мир...
- 6
- 7 Узнал бы я предел восторгов, наслаждений,
- 8 Предел, где смерти нет, где нет предрассуждений,
- 9 Где мысль одна живет в небесной чистоте;
- 10 Но тщетно предаюсь пленительной мечте...
- 11
- 12 Мне страшно... и на жизнь гляжу печально вновь
- 13 И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
- 14 Таился и пылал в душе моей унылой.⁸

Надо полагать, что П. В. Анненков восстановил текст элегии по черновому автографу в «кишиневской» тетради и что других источников у него не было. Тогда непонятно, на чем основано чтение отдельных слов, которых нет в рукописи Пушкина.

В пятой строке никак не читается «грустный мир». Черновик дает, и то предположительно, два других варианта — «мрачный» и «смертный» мир. В седьмой строке ясно читается «предел свободы» и лишь зачеркнутое недописанное слово можно предположительно читать как «восторгов». П. В. Анненков избрал второй, спорный вариант, возможно, по цензурным соображениям. Наконец, уже совсем непонятно, откуда появилась в двенадцатой строке фраза «мне страшно», которой в автографе вовсе нет. Там полностью сохранилась незачеркнутая строка: «Меня ничтожеством могила ужасает».

Анненковский текст элегии некоторое время печатался без изменений, в том виде, в каком он был опубликован в «Материалах для биографии Пушкина» и в первом томе сочинений поэта. В 1874 г. в «Русском архиве» М. В. Юзефович напечатал без каких бы то ни было пояснений новый, до того неизвестный вариант элегии «Надеждой сладостной младенчески дыша», текст которого по сравнению с анненковским давал существенные различия.⁹

Спустя несколько лет в том же журнале «Русский архив» М. В. Юзефович выступил с воспоминаниями о Пушкине, где были приведены сведения и об источнике новой редакции опубликованного им пушкинского стихотворения. Он рассказал о встрече с поэтом в 1829 г. на Кавказе и о том, как попали к нему бумаги Пушкина из походного чемодана. «Там же мы нашли неизвестную тогда, — писал М. В. Юзефович, — прекрасную элегию „На-

⁸ Там же, стр. 328.

⁹ Русский архив, 1874, № 7, стр. 222.

деждой сладостной младенчески дыша“, которую Анненков — не знаю почему — припаял за стихотворение, назначавшееся для *Онегина*, как написанное Ленским. Но размер элегии несколько не подходит к строфам *Онегина*; да и Пушкин, вероятно, указал бы нам на такое ее назначение, так как он объяснял нам довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».

М. В. Юзефович, указывая на неточности первой публикации текста пушкинской элегии, писал: «В издании Анненкова в числе многих прочих сделана и в этой элегии большая ошибка: лучший в ней стих

И мысль одна плывет в небесной чистоте
напечатан:

И мысль одна течет в небесной чистоте.

Может быть, в какой-нибудь черновой Пушкина и было так; но в том экземпляре, который был у меня в руках и с которого я списал себе копию, сказано *плывет*, а не *течет*. Разница в смысле этих слов, особенно в художественном выражении мысли, большая.¹⁰

М. В. Юзефович, видимо, цитирует текст Анненкова по памяти и допускает существенную неточность. Указанная им строка действительно исключительно важна в понимании художественной концепции стихотворения. Но она была дана Анненковым как в «Материалах» (дважды), так и в первом томе «Сочинений Пушкина» только в одной редакции: «Где мысль одна живет в небесной чистоте».

Анненковское прочтение этой строки было принято всеми последующими редакторами вплоть до первого академического издания сочинений Пушкина.¹¹

¹⁰ Там же, 1880, № 3, стр. 443.

¹¹ См.: Приложение к сочинениям А. С. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым. Библиографический список всех произведений А. С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст, и примечания. Сост. Григорий Геннадий. СПб., 1860, стр. 55—57; Полное собрание сочинений А. С. Пушкина. Изд. 2-е, Я. А. Исакова. Т. III. СПб., 1869, Приложение, стр. IX; Сочинения А. С. Пушкина. Изд. 3-е, испр. и доп. Под ред. П. А. Ефремова. Т. III. СПб., 1880, стр. 192; Сочинения А. С. Пушкина. Изд. восьмое, испр. и доп. Под ред. П. А. Ефремова. Т. III. М., 1882, стр. 428—429 (даются оба варианта: «живет» и «плывет»); А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. Под ред. П. А. Ефремова. Т. III. СПб., 1887, Приложение, стр. 4 (здесь Ефремов отвергает второй вариант — «плывет» и печатает только первый — «живет»); Сочинения Пушкина. Под ред. П. О. Морозова. Т. III. СПб., 1887, стр. 268; Сочинения А. С. Пушкина. Изд. Льва Поливанова. Т. IV. М., 1887, стр. 31; А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Под ред. В. Якушкина. М., 1887, стр. 247 (эта строка дана в анненковском варианте); Сочинения А. С. Пушкина. Под ред. П. А. Ефремова. Т. IV.

В 1882 г. в «осьмом» издании сочинений поэта П. А. Ефремовым была предложена другая редакция чернового наброска «Надеждой сладостной младенчески дыша» с дополнением некоторых его недостающих строк.¹²

В наше время виднейшим советским пушкинистом и текстологом Б. В. Томашевским был окончательно установлен текст элегии в следующей редакции:¹³

- 1 Надеждой сладостной младенчески дыша,
- 2 Когда бы верил я, что некогда дупа,^а
- 3 Могилу пережив, уносит мысли вечны,^б
- 4 И память, и любовь в пучины бесконечны,
- 5 Клянусь! давно бы я покинул мрачный мир:^в
- 6 Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир.
- 7 Узнал бы я предел свободы, наслаждений,^г
- 8 Предел, где смерти нет, где нет предрассуждений,^д
- 9 Где мысль одна живет в небесной чистоте.^е
- 10 Но тщетно предаюсь пленительной мечте.^ж
- 11 Мой ум упорствует, не верит, жить желает,^з
- 12 Меня ничтожеством могила ужасает.^и
- 13 Как! ничего? — ни мысль, ни первая любовь...^к
- 14 Мне страшно, — и на жизнь гляжу печально вновь,^л
- 15 И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
- 16 Таился и пылал в душе моей упылой!

Текст элегии «Надеждой сладостной младенчески дыша», принятый Б. В. Томашевским, стал каноническим. Он неоднократно перепечатывался в сочинениях Пушкина, вошел в сознание читателей именно в такой редакции. И вот в 1947 г. в основном корпусе II тома академического издания полного собрания сочинений поэта появляется ранее известная, по отвергнутая подавляющим

СПб., 1903, стр. 47; Сочинения и письма А. С. Пушкина. Под ред. П. О. Морозова. Т. IV. СПб., 1904, стр. 308—309; Сочинения Пушкина, т. III. СПб., Изд. Акад. наук, 1912, стр. 354—360.

¹² Сочинения А. С. Пушкина, Изд. осьмое, испр. и доп. Т. III. М., 1882, стр. 428.

¹³ Пушкин. Сочинения. Редакция, биограф. очерк и прим. Б. Томашевского. Л., Гослитиздат, 1935, стр. 362. Б. В. Томашевский располагал тремя основными источниками текста: 1) черновой автограф в «кншиневской» тетради; 2) текст, опубликованный М. В. Юзефовичем в «Русском архиве» (далее: Ю); 3) список в альбоме В. Ф. Щербакова (далее: Щ). Ниже приводим разночтения по Ю и Щ.

^а Когда бы *думал* я, что некогда душа Щ. ^б *От тленья убежав*, упосит мысли вечны Ю. ^в Клянусь! — давно бы я покинул *смертный* мир Щ; Клянусь, давно бы я *оставил этот* мир Ю. ^г *И убежал* в предел свободы, наслаждений Щ; *И улетел* в страну свободы, наслаждений Ю. ^д *Туда*, где смерти нет, где нет предрассуждений Щ; *В страну*, где смерти нет, где нет предрассуждений Ю. ^е Где мысль одна *плывет* в небесной чистоте Щ, Ю. ^ж Но тщетно предаюсь *обманчивой* мечте Ю. ^з Мой ум упорствует, *надежду презирает* Щ, Ю. ^и *Ничтожество меня* за гробом ожидает Щ, Ю. ^к Как...? Ничего...? Ни мысль — ни первая любовь?... Щ; Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь! Ю. ^л Мне страшно! И на жизнь гляжу *печален* вновь Ю.

большинством редакторов текстов поэта редакция интересующей нас строки (II, 295):

Где мысль одна *плывет* в небесной чистоте.¹⁴

После академического издания эта строка в искаженном виде давалась во всех советских изданиях Пушкина, включая десяти-томник сочинений поэта. Исключение составляет трехтомник в малой серии «Библиотеки поэта», в котором редактор (Б. С. Мейлах) без мотивировки в примечаниях вернулся к прежней традиции, напечатав эту строку в том виде, в каком она была в первой публикации элегии.¹⁵

Что могло служить основанием редактору академического издания для пересмотра анненковского текста этой строки, ставшего капопическим?

Пушкинская строка «Где мысль одна плывет в небесной чистоте» впервые в такой редакции напечатана в публикации М. В. Юзефовича. Второй раз она встречается в этой же редакции у П. И. Бартенева на основе нового прочтения чернового автографа элегии.¹⁶ Впоследствии В. Е. Якушкин убедительно доказал на множестве примеров неавторитетность текстов П. И. Бартенева: неточность, пропуски, серьезные ошибки, допущенные им при прочтении черновых автографов Пушкина. «Рукописи не всегда оправдывают те отличия, — писал В. Е. Якушкин, — которые внес г. Бартенев».¹⁷

М. В. Юзефович ссылается на то, что у него якобы на руках был автограф, с которого он «списал себе копию». Прошло сто лет после его публикации, но ни автографа, ни копии пушкинской элегии исследователями до сих пор не обнаружено. «В отношении фактических данных, относящихся к Пушкину, — пишет Т. Г. Цявловская, — воспоминания Юзефовича вполне достоверны».¹⁸ Может быть, он располагал когда-то неизвестным, другим вариантом элегии? Но его нет. Остается единственный достоверный источник текста элегии — черновой автограф,¹⁹ который дает следующую картину эволюции данной строки:

¹⁴ В текстологических комментариях сказано: «Печатается по публикации Юзефовича».

¹⁵ А. С. Пушкин. Стихотворения, т. I. Л., «Сов. писатель», 1949 (Библиотека поэта. Малая серия. Изд. 2-е), стр. 149. К сожалению, в последующем (третьем) издании механически воспроизводится текст академического издания, см.: А. С. Пушкин. Стихотворения, т. I. Л., «Сов. писатель», 1954 (Библиотека поэта. Малая серия. Изд. 3-е), стр. 234.

¹⁶ П. Бартенев. 1) Рукописи А. С. Пушкина. — Русский архив, 1880, № 3, стр. 227; 2) Бумаги А. С. Пушкина, вып. 1. М., 1881, стр. 137.

¹⁷ В. Е. Якушкин. Рукописи поэта, хранящиеся в Румянцевском музее. — Русская старина, 1884, № 4—6, стр. 552—563.

¹⁸ Т. Г. Цявловская. Автограф стихотворения «К морю». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 189.

¹⁹ ПД, ф. 224, оп. 1, № 834 (первая масонская тетрадь), л. 30.

- а) где мысль одна горит свободна,
- б) где мысль одна горит — в свободе чистоте,
- в) где мысль одна живет в свободе чистоте,
- г) где мысль одна живет в небесной чистоте.

Если оставить в стороне эстетический критерий, который вполне уместен при решении текстологических проблем, когда речь идет о поэтических текстах, то нет достаточных объективных оснований для иного чтения интересующей нас строки.²⁰

Первоначально Пушкиным было написано: «мысль одна горит в небесной чистоте». Слово «горит» не удовлетворило поэта, и он избрал более спокойную форму: «мысль одна живет в небесной чистоте».²¹ Эта форма больше отвечает образной системе элегии, где преходящая земная жизнь противостоит миру, «где смерти нет».

И черновой автограф, и логика поэтического мышления Пушкина дают основание читать и печатать пушкинскую строку только и только так: «Где мысль одна живет в небесной чистоте».

3

В новейших исследованиях о Пушкине авторы редко обращаются к элегии «Надеждой сладостной младенчески дыша», а если и касаются ее, то лишь мимоходом. В мрачном чувстве, овладевшем поэтом, они обычно ищут отражение его «политической неудовлетворенности», опираясь на зачеркнутые в черновом автографе строки:

Узрел бы я предел свободы, наслаждений,
[страву] где [нет] [оков, цар]кей, где нет предрассуждений...²²

Б. С. Мейлах, следуя в этом направлении, пришел к крайним выводам: «Перед нами, — пишет он, — произведение исключительной трагической силы. В нем речь идет о самоубийстве».²³

²⁰ См. фототипическое воспроизведение чернового автографа и транскрипцию текста элегии на стр. 44—46.

²¹ Так расшифровали эту строку в черновом автографе все редакторы текстов Пушкина. Так прочитано и редактором текста элегии во втором томе академического издания поэта, но при выборе текста в основном корпусе тома дано предпочтение публикации Юзефовича с испорченной строкой: «Где мысль одна плывет в небесной чистоте».

²² А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах, т. II. М., Гослитиздат, 1969, стр. 663 (прим.). См. также: В. П. Городецкий. Лирика Пушкина. Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 272; Т. Г. Цявловская. Поэт Ю. в «Путешествии в Арзрум». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 355.

²³ Б. С. Мейлах. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 220—221. В толковании текста элегии «Надеждой сладостной младенчески дыша» о теме самоубийства «из страха не перед „ничтожеством“, а перед загробными „сповидениями“» см.: Сочинения Пушкина, т. II. СПб., Изд. Акад. наук, 1912, стр. 358—359 (прим.).

Более правильный путь был намечен Б. В. Томашевским, связавшим элегию «Надеждой сладостной младенчески дыша» с раздумьями поэта, навеянными крымскими впечатлениями, с «жаждой продления воспоминаний о пережитой любви». Исследователь определял элегию как следующий после «Тавриды» этап «в развитии романтической темы посмертного небытия».²⁴

В «Тавриде», написанной за год до элегии, тот же характерный для пушкинского романтизма строй раздумий о тленности «мира земного», которому противостоит «мир иной».

... где все блистает
 Нетленной славой и красой,
 Где чистый пламень пожирает
 Несовершенство бытия...

Ниже приводится транскрипция чернового автографа элегии.

сладостной
 [небеса] младенчески
 Надеждою а [пр] [и веро] дыша
 Когда бы верил я что некогда душа
 [земное] б уносит [В пустыне бесконечной]
 Могилу [пережив] [хранит] [бесконечной] мысли вечны
 [разум] [вечной]
 И память и любовь [в] в пучины бесконечны
 [смертный] в
 Клянусь! давно бы я покинул [мрачн] г мир
 [ра] [я сам разбил] бы
 [И жизнь] [был] жизнь — уродливый кумир
 я сокрушил
 [Но тщетно]
 [Но] [сердце] [гордый д ум] [жить] желает
 [меня] [ничтожеством могила] ужасает
 Как ничего <прзб.>
 узнал предел [восторг] свободы
 [узрел] бы я [страны] наслаждений
 предел [нет] смерти нет
 [страну] где [оков, цар], где нет прерассуждений
 живет е [в свободе] небесной

²⁴ Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 496—497. См. также: Б. В. Томашевский. «Таврида» Пушкина. — Ученые записки ЛГУ, серия филолог., № 122, Л., 1949, стр. 123.

а Вероятно, было «надеждой», исправлено на «надеждою».

б Восстановлено Пушкиным.

в Чтение «смертный» под вопросом, хотя логически оно вполне допустимо; другое чтение — «живый» (II, 809) — никак не читается.

г Чтение тоже под вопросом.

д Приблизительное, предположительное чтение.

е Другое чтение (только у одного П. И. Бартенева) — «плывет».

Согласно распоряжению... ~~...~~

доп. 20
part 2. 40.

Куда ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~
и ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~

Куда ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~
и ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~

Куда ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~
и ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~

доп. 20
part 2. 40.

Куда ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~
и ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~

Где мысль одна [горит] [свободн] чистоте
тщетно предаюсь
Но [верить мечту] пленительной мечте,
[Мой ум упорствует] ж
[ум устр]^з [не верит]
[Ничтожество зовет — невольником могилы] —
Меня ничтожеством могила ужасает
ни мысль — ни первая любовь...
Как [?] ничего — [ни память ни любовь]
И на жизнь — ... Гляжу печально вновь
И долго жить хочу — чтобы долго образ милой
Таился и пылал в душе моей унылой.

ж Вся строка восстановлена Пушкиным.

з В автографе после «устр» еще одна буква.

М. Ф. МУРЬЯНОВ

ПУШКИН И ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Пушкинские стихотворения 1825 г. «В крови горит огонь желанья» и «Вертоград моей сестры» навеяны, как известно, библейской Песнью песней. Обычно они печатаются рядом, но их успех оказался неодинаковым: только первое стихотворение широко известно, оно стало романсом Глинки. С. А. Венгеров провел противопоставление: «„В крови горит“ и „Вертоград“ вовсе не составляют такого неразрывного целого. По жгучести настроения первое стихотворение заметно разнится от гораздо менее страстного „Вертограда“». ¹

Как прозвучали эти стихотворения среди современников? То, что они написаны по мотивам Ветхого завета, говорит о многом, но этот идеологический фон в его конкретных условиях места и времени не обращал на себя внимания историков русской литературы; из их скупых высказываний получается, что Библия в XIX в. — некий неизменный фактор,² причем Песнь песней — «та книга Ветхого завета, которая всегда смущала христианских богословов» и «является прямым вызовом церковной морали»; «это побуждало представителей официальной церкви по возможности обходить Песнь песней трусливым молчанием или толковать ее аллегорически».³ Отмечалось, что из русских поэтов «глубже всех духом Библии проникся Лермонтов»⁴ и вели его к этому Гердер, Гете, Гюго, де Виньи, Байрон.⁵ Остались незаме-

¹ Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. II. СПб., 1908, стр. 580.

² М. С. Беленький. Библия. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия, т. 1. М., 1962, стр. 610—611; М. И. Занд. Песнь песней. — Там же, т. 5. М., 1968, стр. 710.

³ См. вступительную статью Г. М. Фридлендера в кн.: Л. А. Мей. Избранные произведения. М.—Л., «Сов. писатель», 1962 (Библиотека поэта Малая серия, Изд. 3-е), стр. 19—20.

⁴ Л. П. Семенов. Лермонтов и Лев Толстой. М., 1914, стр. 330.

⁵ Л. П. Гроссман. Лермонтов и культуры Востока. — Литературное наследство, т. 43—44. М., Изд. АН СССР, 1941, стр. 680.

ченными внутренними обстоятельствами русской литературной жизни, повлиявшие на характер восприятия Ветхого завета Пушкиным и Лермонтовым.

Русского перевода Ветхого завета в эту эпоху не существовало, а церковнославянская Библия отнюдь не была книгой для мирян. Русское отделение международного Библейского общества, организованное в 1813 г. во главе с обер-прокурором синода А. Н. Голицыным с целью перевода Библии на русский язык и ее широкого внецерковного распространения, было в 1824 г. ликвидировано по обвинению в масонстве, когда оно успело осуществить свои планы только в отношении Нового завета и Псалтыри. Митрополит Серафим Глаголевский, еще недавно в качестве вице-президента Библейского общества публично скорбевший, что существует «великое зло, зло неведения закона божия, сея единственные узды буйных страстей наших»,⁶ а негласно вместе с идеологом архаистов президентом Российской Академии А. С. Шишковым готовивший уничтожение Библейского общества, теперь стал поспать: «Священное писание предано богом не народу, а сословию пастырей и учителей, и уже чрез них народу».⁷ Придерживавшийся иного мнения митрополит Филарет Дроздов усугубил, чтобы предотвратить новый раскол церквей. Положение действительно было чревато такой опасностью: перевод на русский язык текстологически очень неисправной и мало кому понятной церковнославянской Библии⁸ редакции 1751 г. неизбежно привел бы к ревизии текста, подлежащего переводу, но, как известно, при аналогичных обстоятельствах ревизии богослужебных текстов и разразился в середине XVII в. раскол, настолько запугавший церковную власть, что она с тех пор навсегда прекратила попытки исправления даже самых вопиющих ошибок в богослужебных книгах.⁹ В 1853 г., когда по поручению синода был составлен научный каталог рукописей синодальной древлехраннища,¹⁰ цензурный комитет в секретном отзыве возражал против его опубликования, так как в нем «раскрываются весьма важные недостатки рукописных текстов, каковы, например, разночтения в списках одних и тех же мест Священного писания <...> и мно-

⁶ Речь, произнесенная в годичном генеральном собрании московского отделения Российского Библейского общества. М., 1820, стр. 8.

⁷ См.: И. Н. К о р с у н с к и й. Филарет... о переводе Библии на русский язык. М., 1886, стр. 69—70.

⁸ Единственным пособием для ее прочтения был «Церковный словарь, или Истолкование славянских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном писании» академик П. Алексеева, выдержавший 4 издания: М., 1773—1776; изд. 4-е. СПб., 1817—1819.

⁹ См.: Б. И. С о в е. Проблема исправления богослужебных книг в России. — В кн.: Богословские труды, т. 5. М., Изд. Московской патриархии, 1970, стр. 25—68.

¹⁰ См.: А. В. Г о р с к и й. К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1855.

гие другие несовершенства, обнаруживающие точное состояние рукописных книг Священного писания в нашей церкви».¹¹ О том, чтобы произвести сверку синодального Ветхого завета с греческим оригиналом Семидесяти толковников, оксфордское издание которого завершилось в 1827 г., не могло быть и речи.¹²

Одним из сопутствующих признаков европейской культуры в русских дворянских семьях было пользование католическими и протестантскими Библиями на западных языках (среди личных книг Пушкина был только французский Ветхий завет, издавшийся Библейским обществом в 1817 г. в Петербурге¹³). Их распространение в России наносило серьезный ущерб престижу православия как государственной религии, но синод смотрел на это как на меньшее из возможных зол. Впрочем, и в латинском мире библейский вопрос был далеко не простым. В ходе восстановления церковной дисциплины, распатанной наполеоновскими войнами, в 1836 г. папа Григорий XVI считал нужным возобновить старое правило, согласно которому мирянин, по роду своих занятий наукой или искусством нуждающийся в чтении Библии, должен на это испрашивать разрешение епископа.^{13а} Основным источником знания Библии для народа должно быть звучащее в церкви слово священнослужителя; авторитетность этой формы традиции признавалась всеми, в том числе филологически наиболее взыскательной протестантской церковью. Так, последние строки, написанные Лютером, гласят: «Пусть никто не думает, что он в должной степени узнал Священное писание по той причине, что он, читая Писание, побывал с такими пророками, как Илья и Елисей, с Иоанном Предтечей, Христом и апостолами <...> Мы без церкви — нищие. Это — истинно».¹⁴ Запрет читать Библию не подвергался в России капопической разработке, но в 1838 г. синод впервые опубликовал православный вселенский документ 1723 г., установивший, что «не всякому позволено без руководства читать некоторые части Писания, особенно ветхозаветного. Без разбору позволять неискусным чтение Священного писания то же значит, что и младенцам предложить употребление крепкой пищи».¹⁵ Подписавшие его патриархи константинопольский, антиохийский и иерусалимский подчеркнули, что Писанию нужно верить беспрекословно, «и притом не как-нибудь по-своему,

¹¹ Мнения, отзывы и письма Филарета. М., 1905, стр. 182—185.

¹² Septuaginta. Ed. R. Holmes, J. Parsons. Oxford. 1798—1827.

¹³ См.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 158.

^{13а} Ph. Hofmeister. Bibellesen und Bibelverbot. — Österreichisches Archiv für Kirchenrecht, 17. Bd., Wien, 1966. SS. 298—355.

¹⁴ См.: Г. Кречмар. Предание древней церкви в церкви евангелической. — В кн.: Богословские труды, т. 4. М., Изд. Московской патриархии. 1968, стр. 227.

¹⁵ Царская и патриаршие грамоты о учреждении святейшего синода. с изложением православного исповедания. СПб., 1838, стр. 58—59.

но именно так, как изъяснила и предала оное кафолическая церковь. Ибо и суетумудрие еретиков принимает божественное Писание, только превратно изъясняет оное, пользуясь иносказательными и подобнозначущими выражениями и ухищрениями мудрости человеческой, сливая то, чего нельзя сливать, и играя младенчески такими предметами, кои не подлежат шуткам».¹⁶

Приятый после роспуска Библейского общества новый курс синодальной политики выдерживался неукоснительно. Находившийся на складе только что отпечатанный тираж Пятикнижия Моисея целиком сожгли в топках кирпичного завода; в 1828 г. Серафим не позволил выдать экземпляр этой книги московскому губернскому предводителю дворянства П. Х. Обольянинову; в начале 1829 г. главный директор пажеского и кадетских корпусов генерал Н. И. Демидов, отличавшийся умением учитывать обстановку, запретил своим воспитанникам чтение Библии.¹⁷

Песнь песней мирянам знать во всяком случае не полагалось, поскольку в православном богослужении ее не читают. Эта исключительность обусловлена особым характером Песни песней, совершенно непохожей на все остальные библейские книги. Бог в ней не упоминается и говорится только о любви, причем в таких образах, что присутствие этой книги в составе Библии не раз вызывало возражения.¹⁸ Еще в первые века христианства Песнь песней, представляющая собой конгломерат любовных и свадебных песен фольклорного характера, сложившийся в его нынешней форме в IV—III вв. до н. э.,¹⁹ подверглась аллегорическому переосмыслению и стала толковаться как изображение любви между богом и народом или между церковью и Христом либо как эпиталама дева Марин. В личной библиотеке Петра I есть немецкий сборник гравюр на библейские темы, миниатюрного формата, в ювелирном серебряном окладе, где на листе 102, иллюстрирующем Песнь песней, беседуют Христос и дева в образе аптичной статуи, обнаженная до бедер, но с ореолом, и это описано припиской от руки:

Невеста с книгою церковь знаменает,
Ю же жениха Христа ублажает.²⁰

¹⁶ Там же, стр. 21—22.

¹⁷ См.: И. Н. Корсунский и Филарет... о переводе Библии на русский язык, стр. 74—75.

¹⁸ Против них решительно высказался рабби Акиба (около 100 г.): «Весь мир не стоит того дня, в который дана была Песнь песней»; он же проклял тех, кто распевал ее на мирских попойках, см.: O. Eissfeldt. Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1964. SS. 654—664.

¹⁹ См.: C. Carniti. L'unità letteraria del Cantico dei cantici. — *Bibbia e Oriente*, t. 13, Fossano, 1971, pp. 97—106; J. Maritain. *Le Cantique des cantiques*. — *Nova Vetera*, t. 47, Genève, 1972, pp. 5—15.

²⁰ См.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки АН СССР, вып. 1. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 413.

В 1730 г. Феофан Прокопович написал после спора с В. Н. Татищевым, отрицавшим божественный характер Песни песней, свое «Разсуждение о книзе Соломоновой», но напечатано оно 44 года спустя, а в 1787 г. сочинение было конфисковано.²¹ Все, что было доступно в эту эпоху русскому читателю, который пожелал бы найти в книгах разъяснения Песни песней и фресок русских храмов, ее иллюстрировавших,²² заключалось в лаконичном высказывании митрополита Амвросия Подобедова: «Песнь же есть речь изрядная по словам, страстовозбудительная по вещам <...> содержит из всех песней, когда-либо писанных, самое превосходящее изрядством сложение, и изобилием таин все другие превосходит <...> Тот только к чтению книги сея способен, который, погасивши внутри себя безстыдной любви пламя, весь любовию Иисуса Христа горит».²³

Лишь в 1808 г. синод издал единственный памятник патристики, доступный русскому читателю, — перевод греческого толкования Феодорита Кирского.²⁴

В том же 1808 г. Песнь песней была введена в русскую литературу: Г. Р. Державин опубликовал кантату «Соломон и Суламита» (1807), где любовь предстает в земном, лишенном всякой религиозности облике.²⁵ Это было неслыханным новшеством. Русская церковь не имела возможности помешать нарастанию далеких от благочестия настроений в светской литературе, но библейская тематика оставалась заповедной областью, и суверенитет церкви в этих пределах безусловно уважался государством и его цензурой. То, что было невозможным для всех, стало возможным для старого поэта-вельможи, литературный

²¹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. 3. М., «Книга», 1966, стр. 294.

²² Роль иконописного подлинника для этих фресок принадлежала гравюре Мартена де Воса из голландской Библии Пискатора, см.: Е. П. Сахаров — Федорович. Ярославские стенописи и Библия Пискатора. — В кн.: Русское искусство XVII в. Л., «Academia», 1929, стр. 85—108; A. Zweite. Studien zu Marten de Vos. Göttingen, 1968. Традиция эта продолжалась и в XVIII в., см.: Н. Троицкий. Песнь песней в фресках тульского Успенского собора [1765—1767]. — Светильник, 1914, № 8, стр. 13—34. Обратим внимание, что картинные галереи, изобилующие полотнами на ветхозаветные сюжеты, не содержат произведений на тему Песни песней, см.: A. Pigler. Barockthemen, Bd. 1. Budapest, 1956, SS. 537—540.

²³ Краткое руководство к чтению книг Ветхого и Нового завета... тщанием и трудами митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Естляндского и Финляндского и разных орденов кавалера Амвросия. М., 1781, стр. 122—123; изд. 2-е, 1803; изд. 3-е, 1811; изд. 4-е, 1826.

²⁴ Блаженного Феодорита епископа Кирского толкование на Песнь песней. М., 1808. Произведение имело в русском переводе и ранее, см., например, рукопись 1801 г. в Государственном Историческом музее в Москве (Воскресенское собр., № 96).

²⁵ Возможно, кантата исполнялась в домашних концертах вельмож державинского круга, она «обладает ясно выраженными признаками жанра, зависящими от музыки»; см.: Т. Н. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII в., т. I. М., Музгиз, 1952, стр. 166.

авторитет которого стоял выше всякой критики. Том сочинений Державина, куда вошла кантата,²⁶ имел посвящение Александру I. Много лет спустя, когда Державина уже не было в живых и цензура рассматривала приписывавшуюся ему поэму «Иисус Христос», цензор сумел найти в ней несоответствия учению церкви и наложить запрет,²⁷ но живой Державин был сильнее цензуры, и тогда церковная власть предпочла не заметить случившегося.

В преобразованных по уставу 1808—1814 гг. русских духовных академиях Ветхий завет должен был преподаваться «соответственно современному уровню на Западе библейской науки и на одной линии с последними открытиями науки».²⁸ В Петербурге это было поручено бакалавру Филарету, будущему митрополиту московскому; он читал свои лекции по библейской герменевтике на латинском языке, хотя греческий знал не хуже. Конспект его лекций 1811 г. в отношении Песни песней лаконичен: «Должно, однако ж, сознаться, что тайна книги еще не совершенно раскрыта». Перечислив различные точки зрения, Филарет присоединился к мнению, что Песнь песней означает «единственно и собственно союз Иисуса Христа с церковью вообще и в частности с душою верующею», а «ее дух и цель — возложение любви божией, приспособленное к разумению человека, и возбуждение человека к той же святейшей любви».²⁹

В начале 1820-х годов, т. е. как раз в период, когда у Пушкина появился устойчивый интерес к этим событиям, тесно связанным с цензурной обстановкой в литературном мире, над Библейским обществом стали сгущаться тучи. Появилось на свет сочинение С. К. Сабинина «В каком смысле должно разуметь книгу Песнь песней и что она содержит», где говорится: «Книга Песнь песней давно уже сделалась камнем преткновения для христиан слабых. Еще в IV столетии Феодор Момпвестен преткнулся о него и стал утверждать, что в Песни песней воспевается чувственная, плотская любовь <...> Поелику все св. отцы первенствующей церкви согласно признавали ее за книгу богодухновенную и послыку никто из святых последующего времени никогда

²⁶ Сочинения Державина, ч. 3. СПб., 1808, стр. 184—190.

²⁷ См.: А. Котович. Духовная цензура в России. СПб., 1909, стр. 408.

²⁸ П. А. Юнгеров. Очерк истории толкования ветхозаветных книг Священного писания. Казань, 1910, стр. 45.

²⁹ Филарет. О Песни песней. — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1874, № 2, стр. 180—185. В Библиотеке АН СССР имеется анонимный конспект на бумаге с водяным знаком 1835 г. из собрания акад. Н. К. Никольского (№ 233), где наряду с текстуальными совпадениями с конспектом 1811 г. имеется следующее любопытное по тону пояснение Песни песней: «Совершенно напрасно другие ищут в сей книге строгого систематического порядка. Песнь любви не есть система любви. Любовь, как быстрое, пламенное излияние сердца, не может строго повиноваться законам, предписываемым ей холодным рассудком. Она идет к своей цели своим обыкновенным путем, едва ли ею самою примечаемым».

при чтении сей Песни не чувствовал в ней зловония плотской любви, то несомненно, что люди, которые в сей Песни находят плотскую любовь, обоняют свой собственный смрад <...> Кто при чувственной оболочке сей книги падает в чувственные мысли, тот лучше не читай ея. В Библии много других книг, в которых можно найти все нужное к спасению. Книга сия писана, конечно, не для начинающих». ³⁰ Именно в это время Пушкин приступил к работе над Песнью песней.

Не лишено интереса, что слова о «смрадности» плотской любви написаны не каким-то темным изувером, и даже не монахом, а обязанным состоять в браке молодым священником, только благодаря своим блестящим филологическим дарованиям вошедшим в столичное общество несмотря на самое скромное происхождение. Он стал духовником великой княгини Марии Павловны, его дочь Марфа была ученицей Ференца Листа, а старший сын — первым переводчиком на немецкий язык пушкинских «Повестей Белкина», вышедших в Иене в 1840 г.

Показательна и двухлетняя задержка выпуска «Избранных сочинений» французской квиетстки де ла Мот Гион: ³¹ прежде ее книги широко издавались в России и по предписанию обер-прокурора синода рассылались в обязательном порядке по церквям и монастырям, а впоследствии синод циркулярно распорядился о возвращении их в синод с целью уничтожения. То, что сказано в «Избранных сочинениях» по поводу Песни песней, вполне соответствовало духу времени. Так, отмечено, что уже в древности иудеи «не дозволяли чтения сей святой книги, которую они всегда почитали делом св. Духа, как людям уже старым и совершенно зрелого разума. Сие чистое и тайное обхождение Жениха и Невесты не предоставлено суждению тех, кои погружены еще в блато грехов». Далее приводятся слова папы Григория Великого: «Когда в сей Песни говорится о лобзаниях, объятиях, ланитах, сосцах, ногах, бедрах, о ложе и браке, то из сего не только не должно брать повода к кощунству над Священным писанием, но, напротив, должно удивляться милосердию божию, которое благоволило явить нам толикую благость, что, дабы возвысить нас к испытанию его любви божественной, он унизился до того, что употребляет слова и выражения нашей плотской, нечистой любви». ³² Здесь же цитируются слова св. Бернарда Клервосского:

³⁰ Некоторые опыты упражнений воспитанников СПб. духовной академии. СПб., 1821, стр. 101—140. Вторичная публикация в журнале: Христианское чтение, ч. 3, СПб., 1821, стр. 181—218.

³¹ Избранные сочинения госпожи де ла Мот Гион. М., 1823 (цензурное разрешение И. Тимковского от 12 декабря 1821 г.). Ср.: Jeanne Marie Bouvier de la Mothe Guyon. Le Cantique des cantiques, interpreté selon le sens mystique. Lyon, 1688.

³² Избранные сочинения госпожи де ла Мот Гион, стр. 159—160. Ср.: Sancti Gregorii Magni in Canticum canticorum et in Librum I Regum. Ed. P. Verbraken. Turnhout, 1968 (Corpus Christianorum, Series Latina, t. 144).

«Берегись воображать себе, чтоб мы думали, что в сем соединении Слова и души есть что-нибудь телесное».³³

Острастка подействовала — Песнь песней исчезла из учебного плана Петербургской духовной академии.³⁴ Именно в этот период Пушкин закончил свои стихотворения на тему Песни песней.

9 сентября 1825 г. лицейский законоучитель Пушкина профессор Г. П. Павский завершил перевод с древнееврейского на русский язык Песни песней как одно из пособий для занятий по древнееврейской грамматике со слушателями Петербургской духовной академии. Если свои переводы других ветхозаветных книг он предоставлял слушателям для внеклассных занятий, то с рукописью Песни песней он это сделать не рискнул, несмотря на свое положение члена Петербургского духовного цензурного комитета, законоучителя и духовника цесаревича. Этот перевод он сопровождал пояснением: «Изображено парение благочестивой души к богу — источнику чистейших радостей. Душа, быв завлечена в суеты мирские, воспоминает о прежней райской жизни и снова желает возвратиться к ней, чтобы быть близкой к богу и в нем блаженствовать».³⁵

В начале 1830 г. «Литературная газета» Дельвига и Пушкина предоставила свои страницы для выступления П. А. Катенина о библейской поэзии. Отметив, что «в Песни песней много сладости и блеска» и что «еврейская Суламита» ни в чем не уступает «индийской Саконтале», Катенин излагает свое отношение к проблеме русского перевода Библии сообразно с эстетическими принципами арханстов шишковского закала. По его убеждению, величавый и мягкий церковнославянский язык наилучшим образом передает дух Библии, а русский язык не подходит для этой цели: «... язык общества, сказочек и романов, песенок и посланий достоин ли высоких предметов Библейских? Обезобразенные им, они теряют и наружную важность, и внутреннее достоинство: это пастырь холмов Ливанских во фраке».³⁶

В 1835 г. ссыльный Кюхельбекер, не имевший возможности следить за меняющейся обстановкой в цензурном мире и не слиш-

³³ См.: Избранные сочинения господи де ла Мот Гион, стр. 159. Ср.: Li sermon saint Bernart sur les Cantiques. Traduction en ancien français des «Sermones super Cantica canticorum», publié par R. Taylor. Toronto University, 1965 (параллельное издание латинского и старофранцузского текстов).

³⁴ См.: Введение в священные книги Ветхого завета. Из лекций, читанных бакалавром перомонахом Арсением (ныне митрополитом Киевским и Галицким) студентам СПб. духовной академии в 1823—1825 гг. — Труды Киевской духовной академии, 1873, № 6, стр. 75—101.

³⁵ Песнь песней, или Превосходная песнь. Перевод Г. П. Павского. СПб., 1838—1839, стр. 3.

³⁶ П. А. Катенин. Размышления и разборы. — Литературная газета, 1830, 21 января, № 5, стр. 37.

ком рассчитывавший на скорое появление в печати своих произведений, упоминает Песнь песней в «Агасвере»:

Внимал я трелям соловья Сарона
И душу обонял саронских роз,
Родных мне, славных в песнях Соломона.

К этим строкам он дает авторское примечание: «См. книгу Песнь песней, гл. 2, стих 1 и следующие».³⁷ Этот же библейский стих вдохновил автора знаменитого «Конька-Горбунка» П. П. Ершова — его стихотворение «Зеленый цвет», присланное Пушкину, содержит строфу:

Прелестна лилия долины!
В одежде брачныя четы,
Как кроткий ангел красоты,
Цветет в пустынях Палестины.
Все так! но мне милей
Зеленый цвет полей.³⁸

После этого некоторое время нового в данной области было мало, что можно видеть хотя бы из полного отсутствия русских публикаций по библеистике; знаменательно, что в 1836 г. «Энциклопедический лексикон» Плюшара, где богословские материалы служили предметом особых забот синода, вынужден в статье о Библии рекомендовать только западноевропейскую библиографию, а о Библейском обществе здесь пишется так, как будто в России филиала этой международной организации никогда и не существовало. «Энциклопедический лексикон» дает единственную за всю историю русской церкви официальную характеристику Песни песней, но эта статья дана без подписи, т. е. ответственность за нее лежит не на каком-либо отдельном авторе, какое бы иерархическое положение он ни занимал, а на синоде, контролировавшем догматическую чистоту «Лексикона» и по требованию Николая I обязанном выносить по вопросам догматики единогласные решения. Песнь песней — «это пламенная песнь любви. Личный предмет этой любви, по мнению лучших, опытейших и благороднейших толкователей Писания, есть Христос и его церковь, или в частности каждая душа благочестивая <...> Тем меньше заслуживает вероятия (!) мнение тех, которые книгу Песнь песней представляют эротическим отрывком, эклогою пастушескою».³⁹

Но публикации по библеистике или их отсутствие — только одна сторона дела. Не меньший интерес представляют события, о которых современники узнавали не из печати.

³⁷ В. К. Кюхельбекер. Избранные произведения, т. 2. М.—Л., «Сов. писатель», 1967 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 88, 93.

³⁸ Современник, 1837, т. 7, стр. 292 (цензурное разрешение от 2 мая 1837 г.).

³⁹ Энциклопедический лексикон, т. V. СПб., 1836, стр. 523. Поразительно, что речь идет о вероятии в догматическом вопросе; иными словами, не исключается и противоположное допущение, что Песнь песней — произведение эротическое.

В феврале 1835 г. Пушкин записал в дневнике: «Филарет сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин. — Павский отставлен от великого князя. Митрополит и синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия, но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят» (Акад., XII, 336—337).

Новость была основана на следующих событиях. Филарет, давно ждавший случая избавиться от Павского, написал ложный донос, но Павскому была предоставлена возможность дать свои объяснения, и он доказал несостоятельность предъявленных обвинений. Инцидент был исчерпан, но в последний момент, 16 декабря 1834 г., престарелый митрополит Серафим пришел к Николаю I, повалился ему в ноги и от имени церкви просил прекратить «сблэзны»: «Я по старости своей не могу вникать в богословские вопросы, но Филарет находит, что Павский преподает наследнику престола неправославное учение». В результате Павский был немедленно отставлен от царского двора, уволен из духовной академии, из лица и университета.⁴⁰

Однако авторитет Павского уничтожить не удалось. М. П. Погодин называл его образованнейшим человеком своего времени, а В. Г. Белинский находил, что Павский стоит целой Академией наук.⁴¹ Его перевод «Слова о полку Игореве» получил в наше время такую высокую оценку, какой не имел ни один из предшествующих,⁴² а переводы книг Ветхого завета расходились по рукам в сотнях списков; в 1838—1839 гг. они были размножены литографским способом, но без цензурного разрешения. По этому поводу разразился небывалый скандал. Инспектор Московской духовной академии Агафангел Соловьев послал анонимный донос трем членам синода, где переводы Павского, «произведение сего нового Марксона», характеризуются как «злоречие древнего змия» и утверждается, что до сих пор «на русском языке едва ли являлось такое богохульство».⁴³ Доноситель признает неудовлетворительность текста церковнославянской Библии, «которого темнота и неверность по местам закрывают истину», и подтверждает, что «люди, получившие светское образование, давно уже не читают славянского перевода Ветхого завета и прибегают к иностранным переводам».⁴⁴ Следствие велось высшими иерархами церкви, о нем докладывалось царю. Тщетно Павский подавал объяснительные

⁴⁰ См.: А. Родосский. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов СПб. духовной академии. СПб., 1907, стр. 343—349.

⁴¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IX. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 231.

⁴² В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Перевод сделан довольно близко и осторожно, с разделением на стихи» (В. П. Адрианова-Перетц. Слово о полку Игореве. Библиография. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, стр. 18).

⁴³ И. А. Чпстович. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899, стр. 136, 140.

⁴⁴ Там же, стр. 138.

записки, где настаивал, что его работа над переводом Ветхого завета имела целью лингвистическую подготовку студентов и он как профессор строго отграничивал свою задачу от библейской герменевтики и догматического богословия. Зная, что в глазах следствия его особенно компрометирует Песнь песней, он показал: «Я перевел все книги, кроме Песни песней. Сию книгу я перевел для себя собственно, и как она дошла до учеников, я не знаю».⁴⁵ Соборные решения синода 1842—1844 гг. определили переводы разжалованного богослова как нечестивое творение, вредное православию, и подчеркнули необходимость «всемерно охранять неприкосновенность Священного писания от самонаименнейших нововведений».⁴⁶ Так закончилась интрига против Павского, ее тайной пружиной на этот раз был архимандрит Афанасий, сделавший на этом свою карьеру ректора Петербургской академии.⁴⁷ Когда со сцены сошли все лица, занимавшиеся в этой истории сведением личных счетов, то не оказалось действительных препятствий богословского порядка к опубликованию перевода Песни песней, выполненного Павским,⁴⁸ и его использованию при подготовке синодального русского текста учительных книг Ветхого завета, изданного в 1872 г.

Незадолго перед расправой с Павским закончилась еще одна неудачная попытка в библеистике. Ученик Павского архимандрит Макарий Глухарев, миссионерствовавший на Алтае, с 1834 г. обращался в церковные инстанции и к царю с просьбой об издании его переводов Ветхого завета на русский язык, подготовленных для обращения в христианство и русификации местных жителей Алтая, решительно не понимавших церковнославянского языка. При рассмотрении ходатайства Макария в синоде в 1841 г. митрополит Серафим внес предложение заточить переводчика в монастырь. Синод наложил на Макария строгое взыскание,⁴⁹ но после смерти последнего его материалы были использованы при подготовке синодального перевода Библии. Не оказал влияния на русскую библеистику только один — и, может быть, филологически самый интересный — полный перевод Библии на русский язык, осуществленный в 1823—1837 гг. упоминавшимся выше участником полемики о Песни песней С. К. Сабининым, тоже учеником Павского. Особенностью этого труда был обширный научный аппарат; при его составлении Сабинин, находясь в Германии, имел возможность учитывать все достижения западной филологии, в том числе текстологической школы Карла Лахмана, издавшего в 1831 г. Новый завет и в 1842—1850 гг. всю Вульгату. Многие

⁴⁵ Там же, стр. 154; ср. стр. 169, 194.

⁴⁶ Там же, стр. 143; ср. стр. 205.

⁴⁷ См.: И. А. Чистович. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894, стр. 340.

⁴⁸ Русская старина, 1881, № 3, стр. 467—486.

⁴⁹ См.: И. А. Чистович. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899, стр. 207—240.

из трудов Сабинина осталось ненапечатанным — вероятно, для синода он был слишком европейским человеком. В 1885 г. рукопись его перевода Библии сгорела при пожаре.

Как видим, выступление Пушкина на столь опасную тему, причем буквально на следующий день после прекращения возбужденного митрополитом Серафимом и грозившего Сибирью дела о «Гавриилнаде» (амнистирующая резолюция Николая I о поэме имеет дату 31 декабря 1828 г., а «Московский вестник» с пушкинскими стихотворениями на тему Песни песней получен подписчиками 1 января 1829 г.⁵⁰), было связано с немалым риском. С одной стороны, не могла не сказываться инерция читательского восприятия, проявившаяся в точке зрения Катенина. Для литературного вкуса современников требовалось какое-то время, чтобы «привыкнуть» к звучанию библейской поэзии в новой инструментровке.⁵¹ А главное, у поэта были недоброжелатели, способные использовать обстановку цензурного террора для обвинения его в профанации Библии. Требовались искусное маневрирование и неустрашимость, чтобы выступить в печати с такими стихотворениями. Проследим, как развивались события.

После возвращения из ссылки Пушкин резко изменил свое поведение в обществе, стал сдержанным в политических высказываниях, осторожным в поступках. Конформизм в условиях николаевского режима означал, между прочим, соблюдение норм церковной жизни; разумеется, от молодых поэтов, враждавших в высшем свете, не требовалось становиться усердными богомолами, но все же существовали вполне определенные понятия о благонадежном поведении. Полагалось не реже, чем раз в год, исповедываться;⁵² порядок в этом был по-николаевски жестким, как видно из строгого подтверждения, сделанного синодом по царскому указу в 1835 г., чтобы приходские священники следили за дисциплиной своей паствы, «над кем же таковые увещания не будут иметь желаемого действия, особенно же если заметят, что сие происходит от охлаждения к православию, о таковых неупустительно доносили бы по команде, для принятия надежнейших мер к удержанию их в православии».⁵³

⁵⁰ 19 декабря 1828 г., в день цензурного разрешения этого номера журнала, газета «Московские ведомости» опубликовала объявление, что подписчики получают его «испременно 1 января».

⁵¹ Нечто подобное произошло и при появлении повести Куприна «Суламифь» (1908). М. Горький, ценивший талант автора, отозвался: «Совсем незачем было ему трогать Песнь песней — это и без него хорошо». См.: А. И. Куприн. Собрание сочинений, т. 5. М., «Худож. литература», 1972, стр. 484.

⁵² См.: А. Алмазов. Тайная исповедь в православной восточной церкви, т. 2. Одесса, 1894, стр. 388.

⁵³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование Николая I, т. I. Пгр., 1915, стр. 884—885.

Пушкин был приписан к приходу села Михайловского; его духовник о. Иларион Раевский был покладистым и материально зависимым от владельца поместья, как это было повсеместно в Российской империи. Но такое положение вещей не устраивало Николая I, желавшего иметь в лице духовенства надежный инструмент политического надзора. Как раз с начала 1828 г. система экономического обеспечения приходских священников быстро перестраивалась, с тем чтобы они выполняли свои обязанности, «не препинаясь заботами жизни и безбедного своего содержания».⁵⁴ Иными словами, ослабела их зависимость от помещичьих пожертвований, и они свыкались со своим новым положением состоящих на государственной службе жандармов в рясах.

1828 год складывался для Пушкина особенно трудно. Он тяжело переживал утрату многих друзей, ставших жертвами декабристской трагедии, недоумение в демократических кругах по поводу его стансов Николаю I, недреманную опеку учтивого и саркастического Бенкендорфа — первого читателя произведений «царя скудного царства родной поэзии и литературы». В мае он пишет горестные строки к своему дню рождения (Акад., II, 104):

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Обратим внимание на деталь, ускользнувшую от наблюдательности историков литературы, писавших об этом стихотворении: «кто», вопрошаемый во второй строфе, — это не библейский бог, а его антипод; только власть последнего является в р а ж д е б н о й, он сотворил первое сомнение, причину первородного греха. Известно, что художественный интерес Лермонтова к демоническому началу имел последствием то, что поэму «Демон» не пропускали в печать в течение всего царствования Николая I, и это вполне соответствовало букве и духу цензурного устава. Если богоборческое стихотворение Пушкина не встретило цензурных препятствий, то только потому, что на него решил ответить в печати сам Филарет, в молодости преподававший поэзию и высшее красноречие в Троицкой лаврской семинарии и знавший Пушкина лично со времени лицейского экзамена. Подписанный ни-

⁵⁴ П. Знаменский. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873, стр. 819.

циалом «Ф.» ответ «московского Златоуста», недавно получившего мантию доктора философии Дерптского университета, выглядел так:

ПУШКИН, ОТ МЕЧТАНИЙ
ПЕРЕШЕДШИЙ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.
Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Гобюю
Сердце чисто, светел ум.

Идея ответа, опубликованного почти одновременно со стихами Пушкина,⁵⁵ — утверждение свободы воли как основного принципа христианской философии, из которого вытекает полнота ответственности человека за свои поступки. Жизнь каждого отдельного человека не является следствием игры слепого случая (этой игрой и обосновывающей ее теорией вероятностей интересовались сторонники безбожного свободомыслия, она упоминается в протоколах следствия над декабристами), а имеет с точки зрения христианской философии высший смысл, который человеку знать не дано.

Пушкин оценил возникшую опасность и ответил великолепными «Стансами митрополиту Филарету», давшими поэтической дуэли мирный исход. А могло быть и хуже: знаменитый историк С. М. Соловьев заметил однажды, что «русская церковь могла с похвальбою выставить пред западною Филарета, которой мог превзойти самого ловкого иезуита».⁵⁶ Свалить Павского, имевшего безупречный послужной список, было совсем не просто, но Филарет своего добился. Он умел быть беспощадным; участие в подавлении мятежа декабристов принесло ему сан митрополита; эту награду он получил в день коронации Николая I, который пожелал венчаться на царство не иначе как руками Филарета.

В июне 1828 г. Сенат и Государственный совет рассматривают дело о пушкинском стихотворении «Андрей Шенье», и за поэтом учреждается секретный надзор. В июле Россия прочла пушкинского «Пророка», открывающего третий помер «Московского

⁵⁵ См.: Русский биографический словарь. Фабер—Цявловский. СПб., 1901, стр. 90.

⁵⁶ С. М. Соловьев. Записки. Пгр., 1915, стр. 15—17. Это единственная в русской историографии книга с оценкой Филарета, писавшейся без оглядки на духовную цензуру; советские историки Филаретом не занимались.

вестника», — произведение, в котором поэт ставится в положение, неподсудное всей сословной иерархии, полностью независимое от царей и первосвященников, дающее право клеймить, жечь глаголом неправду, от кого бы она ни исходила. Филарет писал свое стихотворение, уже зная о «Пророке», и тем самым ответил и на него — фигурой красноречивого умолчания.

В августе 1828 г. начались вызовы к военному губернатору для дачи показаний об авторстве «Гавриилиады» — то ли она только сейчас (через семь лет после написания!) дошла до правительства, то ли именно этот момент сочли подходящим, чтобы заставить покраснеть нового «пророка» и увидеть его растерянное запырительство. В этом же месяце с Пушкина взяли полицейскую подписку о соблюдении цензурного режима на общих основаниях. Поэт, конечно, знал, что своего рода привилегия, по которой он подавал рукописи самому царю через Бенкендорфа, стала переальной на период отъезда Николая I и шефа жандармов в действующую армию, но все же полицейская подписка его ошеломила:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

К этому добавилась и сердечная неудача — родители А. А. Олениной объявили Пушкину, что в качестве претендента на руку их дочери он неприемлем: «он был велтопуах (вертопрах), не имел никакого положения в обществе и, наконец, il n'était pas riche».⁵⁷ Три подряд неудачных сватовства имели в числе своих причин и ту, которая вскоре открылась при четвертом предложении, когда родители Н. Н. Гончаровой выразили желание иметь доказательство политической благонадежности жениха.

Стихотворения на тему Песни песней, законченные еще в Михайловской ссылке, продолжали лежать без движения. 1 июля 1828 г. Пушкин пишет из Петербурга их будущему издателю М. П. Погодину: «Простите мне долгое мое молчание, любезный Михайло Петрович; право, всякой день упрекал я себя в неизвинительной лени, всякой день собирался к Вам писать и все не собрался. По сему самому не присылал Вам ничего и в *Московский Вестник*. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку — осень у ворот; я заберусь в деревню и пришлю Вам оброк сполна. Надобно, чтоб наш журнал издавался и на следующий год» (Акад., XIV, 21).

В деревне Пушкин оказался нескоро. Следствие о «Гавриилиаде» продолжалось, 2 октября был последний допрос поэта, па

⁵⁷ См.: Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 271.

котором он написал закрытое письмо царю. Николай I прибыл в Петербург из действующей армии 14 октября, через день Пушкин получил его ответ. Оба документа не сохранились, но не без основания полагают, что Пушкин признался в авторстве и мог теперь рассчитывать либо на Сибирь, либо на снисхождение самодержца. Пока положение оставалось неопределенным: для принятия решения Николай I должен был снестись с истцом по делу — первоприсутствующим членом синода митрополитом Серафимом, который в свою очередь тоже не имел причин торопиться.

19 октября 1828 г. в Петербурге лицеисты первого выпуска отпраздновали свою очередную годовщину, протокол вечера вел Пушкин⁵⁸ и отметил в нем пение «Песни о царе Соломоне» Дельвига:

Друзья, поверьте, не грешно
Любить с вином бокал,
Вино на радость нам дано,
Царь Соломон сказал.
Свят, свят его закон,
Солгать не смел бы так Библия дерзко
Мудрец и певец Соломон.⁵⁹

После этого в ночь на 20 октября с разрешения полиции Пушкин уехал в имение Вульфов в село Малинники Тверской губернии, где отдыхал и работал около шести недель. Обещание «оброка», данное М. П. Погодину, было выполнено — в новогодней книжке «Московского вестника» находятся семь произведений Пушкина: «В крови горит огонь желанья», «Вертоград моей сестры», «Утопленник», «Нельзя, мой толстый Аристип», «Стих каждый в повести твоей», «Сто лет минуло, как тевтон», «Поэт и толпа». Два первых стихотворения объединены общим названием — «Подражания». Таким образом, нет никакого упоминания о Песни песней.

Какого числа «оброк» был отправлен в Москву и посылался ли он вообще или был доставлен самим автором, остается неизвестным. Неожиданно для своих друзей Пушкин появился в Москве 6 декабря,⁶⁰ и вряд ли случайно он выбрал для этой цели государственный праздник, «высокопраздничный день тезоименитства» Николая I. Если это так, то цель была достигнута, под Новый год досье о «Гавриилиаде» закрывается резолюцией царя: «Мне это дело известно и совершенно кончено». Свои намерения и действия поэт скрывал от ближайших друзей, П. А. Вяземский

⁵⁸ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 733—736.

⁵⁹ А. А. Дельвиг. Полное собрание стихотворений. Л., «Сов. писатель», 1959 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 130.

⁶⁰ 12 декабря П. А. Вяземский писал из Москвы В. Ф. Вяземской: «Здесь Александр Пушкин, я его совсем не ожидал» (Литературное наследство, т. 58. М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 85).

заметил в частном письме: «Он что-то во все время был не совсем по себе. Не умею объяснить, ни угадать, что с ним было или чего не было, mais il n'était pas en verve».⁶¹ О каких-либо встречах поэта с цензором «Московского вестника» С. Н. Глинкой сведений нет, но несколько месяцев спустя по другому поводу Пушкин пишет о Глинке похвалу в явно преувеличенных выражениях: «Пылкость и неустрашимость его духа обнаружилась в его речах, письмах и деловых записках. Он увлек сердца красноречием сердца и<...> мы желали победы храброму» (Акад., XI, 80).

Верный расчет скрывался и в предпочтении Москвы Петербургу: сейчас установлено по ряду других литературных фактов, что в эти годы московская цензура была либеральнее петербургской.⁶²

Удачно сформулированное заглавие помогло обойти главную опасность, отпала необходимость обращаться в духовную цензуру. В противном случае это было бы неизбежно, как можно видеть на примере Федора Глинки, представившего в 1825 г. свой сборник «Опыты священной поэзии» в петербургский духовный цензурный комитет со следующей мотивировкой: «Большая часть стихотворений, составляющих сию книгу, были уже напечатаны в разных повременных изданиях с одобрения светской цензуры. Я подвергнул бы и всю книгу той же цензуре, но послы, при совокуплении всех стихотворений вместе, дал я всему заглавие несветское, то и представляю сие мое сочинение в цензуру духовную».⁶³ Цензурное разрешение на книгу Ф. Глинки дал Павский, и она вышла в 1826 г. Существовала практика выборочного цензурования церковью отдельных произведений, помещаемых в гражданских периодических изданиях, как это имело место в альманахе «Северные цветы» на 1829 г., где намечалось поместить «Видение Иоанна» А. Г. Ротчева. Главный цензурный комитет не взял на себя ответственности за это произведение и переслал его в духовную цензуру с просьбой «буде можно в непродолжительном времени уведомить, может ли помянутое стихотворение быть дозволено к напечатанию в духовном отношении», на что последовало вето: «Не может быть дозволено к напечатанию, потому что сочинитель не чистым и точным языком, а более своевольным отступлением от смысла слов богодухновенного писателя искажает высокие и таинственный предмет, содержащийся в X главе Апокалипсиса».⁶⁴

⁶¹ Литературное наследство, т. 58, стр. 86.

⁶² См.: В. М. Жирмунский. Гете в русской литературе. Л., ГИХЛ, 1937, стр. 128—130.

⁶³ ЦГИАЛ, ф. 807, оп. 1, д. 182.

⁶⁴ Там же, д. 301. В деле стихотворение и имя автора отсутствуют; что им является А. Г. Ротчев, нам сообщил В. Э. Вацуро, см.: Поэты 1820—1830-х годов, т. I. Л., «Сов. писатель», 1972, стр. 436—439.

У Пушкина названо «Подражания», но не указано — кому и чему. Ревнители православия, если бы выступили с нападками, рисковали оказаться перед неопределенным противником, а это наихудшая исходная позиция в любом споре. К тому же это именно подражания, а не переложения, как иногда называют рассматриваемые нами произведения современные литературоведы,⁶⁵ — в словоупотреблении пушкинской эпохи между этими понятиями вкладывалась вполне определенная разница. Когда в марте 1829 г. петербургская духовная цензура рассматривала поступившую из Академии наук рукопись «Преложение псалмов 8, 113 и 144», то было принято решение: «В первом из сих стихотворений встречаются мысли, коих нет в подлиннике, почему приличнее было бы назвать оное подражанием, а не преложением».⁶⁶

Удавшийся маневр с цензурной терминологией Пушкин наметил заблаговременно. Еще в конце апреля—августе 1827 г., составляя список своих произведений, он обозначает стихи, навеянные Песнью песней, как «Подр. Восточн. стих.», а в другом списке, в конце мая—июне 1828 г., как «Подр. вост.».⁶⁷ Сокращение дошло до предела при переиздании обоих стихотворений в сборнике 1829 г., где они воспроизведены без названия.⁶⁸ В первом посмертном издании стихотворения отнесены в раздел «Подражаний восточным стихотворцам».⁶⁹ Лишь в 1880 г. стало возможным назвать вещи своими именами — в ефремовском издании Пушкина они впервые названы редактором «Подражаниями Песни песней», с обозначением соответственных стихов по Библии.⁷⁰ По времени это совпало с выходом в свет капитальной монографии о Песни песней, принадлежащей перу гебраиста и археолога А. А. Олесьницкого, — единственной в русской науке. Как заметил автор, «между книгами Священного писания Песнь песней обращает на себя особенное внимание ввиду окружающего ее необыкновенного волнения и шума критики».⁷¹

Таким образом, на протяжении полувека казуистические «правила игры» допускали любопытную ситуацию: стихотворения на тему Песни песней имели право на существование, популярность, концертное исполнение, но при условии, что ссылки на Библию не будет, даже если истина для всех очевидна. Этим неписанным правилам подчинился и В. Г. Белинский, высказав-

⁶⁵ См.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М., «Сов. писатель», 1967, стр. 17.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 807, оп. 1, д. 319.

⁶⁷ Рукою Пушкина, стр. 238—240.

⁶⁸ Стихотворения Александра Пушкина, ч. II. СПб., 1829, стр. 56—57.

⁶⁹ Сочинения Александра Пушкина, т. III. СПб., 1838, стр. 217—218.

⁷⁰ Сочинения А. С. Пушкина. Под ред. П. А. Ефремова. Т. II. СПб., 1880, стр. 49, 409.

⁷¹ А. А. Олесьницкий. Книга Песнь песней и ее новейшие критики. Киев, 1882, стр. 1—2.

ший о стихотворениях «В крови горит огонь желанья» и «Вертоград моей сестры» ряд глубоких соображений и при этом лаконично заметивший, что их антологическая подоплека взята не из эллинского, а «совершенно из другого мира поэзии».⁷² Позже этим приемом воспользовался Фет, включавший стихотворение на тему Песни песней «Не дивись, что я черна» (1847) в раздел «Подражаний восточному» своих поэтических сборников 1850, 1856 и 1863 гг., а также Мей, назвавший свой лирический цикл на тему Песни песней «Еврейскими песнями» (1856—1859). Последние были высоко оценены Н. А. Добролюбовым, который тоже счел необходимым обойтись в своем отзыве без упоминания Песни песней.⁷³

⁷² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 258.

⁷³ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, т. II. М.—Л., ГИХЛ, 1962, стр. 160.

Н. В. ВУЛИХ

ОБРАЗ ОВИДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Овидий, как неоднократно указывали исследователи творчества Пушкина, был одним из особенно любимых им античных авторов.

Тема «Пушкин и Овидий» не раз привлекала к себе внимание ученых, и ей посвящена обширная научная литература. К ставшим уже «классическими» работам на эту тему (статьи А. И. Малейна,¹ М. М. Покровского,² Д. П. Якубовича³) в настоящее время прибавился ряд новых исследований: З. А. Бориневич-Бабайцевой,⁴ В. В. Ванслова,⁵ Л. М. Черфас,⁶ С. Я. Лурье,⁷ М. Йыэсте,⁸ Д. П. Костелло.⁹ Авторы отдельных статей уделяют много внимания анализу той общественно-политической обстановки, в которой создавалось стихотворение «К Овидию». В де-

¹ А. И. Малейн. Пушкин и Овидий. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. IV. Пб., 1916, стр. 8 и сл.

² М. М. Покровский. Пушкин и античность. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. М.—Л., 1939, стр. 39—40.

³ Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., 1941, стр. 139—140.

⁴ З. А. Бориневич-Бабайцева. Овидиев цикл в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкин на юге. Труды пушкинских конференций Кишинева и Одессы, вып. I. Кишинев, 1958, стр. 164.

⁵ В. В. Ванслов. А. С. Пушкин о «золотом веке» римской литературы. — Ученые записки Калининского пед. института им. М. И. Калинина, т. 36, 1963, стр. 8.

⁶ Л. М. Черфас. «Тристии» Овидия о причинах и первых годах его ссылки. — Ученые записки Латвийского гос. университета им. П. Стучки, т. XXIX, Рига, 1958 (о Пушкине на стр. 239).

⁷ С. Я. Лурье. Пушкин и русские революционные демократы о Вергилии и Овидии. — В кн.: Публий Овидий Назон. (К 2000-летию со дня рождения). Львов, 1960.

⁸ М. Йыэсте. Заметки к теме «Пушкин и Овидий». — В кн.: Сборник студенческих научных работ Тартуского университета. Русская филология. Вып. 2. Тарту, 1967, стр. 171.

⁹ D. P. Costello. Pushkin and Roman literature. — Oxford Slavonic papers, vol. XI, 1964, p. 48.

кабристских кругах римского поэта считали жертвой «предрас- суждений века».¹⁰ Одна из масонских лож, членом которой стал 4 мая 1821 г. Пушкин, носила имя Овидия («Овидий № 25»). Как справедливо указывают исследователи, судьба Овидия представлялась и русскому поэту в известной степени символичной для общества, в котором господствует режим деспотии.¹¹ С другой стороны, ученым в последнее время удалось показать, что Пушкин шире использовал овидианский материал, чем это представлялось до сих пор пушкинистам. Так, например, молодой эстонский ученый М. Йыэсте отметил, что, создавая как бы два контрастных образа Овидия — римского гражданина («Златой Италией роскошный гражданин») и изгнанника («В отчизне варваров безвестен и один»), русский поэт берет у Овидия многочисленные детали, на которые авторы прежних исследований, посвященных Овидию и Пушкину, не обратили внимания (Trist., III, 4, 63—66; II, 574—578; IV, 1, 69—74, и др.).¹² Вместе с тем М. Йыэсте справедливо замечает, что русский поэт избегает прямых цитат и точного перевода.¹³ По-видимому, в широко распространенное среди ученых-пушкинистов мнение, что Пушкин читал произведения Овидия лишь во французских переводах, следует внести некоторые коррективы. Русский поэт, который, как утверждал еще М. М. Покровский,¹⁴ знал латынь на уровне «хорошего гимназиста», несомненно сверял французский перевод с латинским подлинником, тем более что поэзия Овидия живо интересовала его.

Много внимания в последние годы уделялось учеными и вопросу об использовании Пушкиным молдавских легенд о римском изгнаннике, которые сыграли существенную роль при создании образа Овидия в поэме «Цыганы».¹⁵

Следует также отметить и тот весьма примечательный факт, что точка зрения Пушкина на Овидия, нашедшая отражение как в его стихотворных произведениях, так и в прозаических высказываниях, привлекает к себе в последние пятнадцать лет острый интерес ученых-классиков во всем мире. На международном конгрессе в г. Сульмоне (Италия), посвященном 2000-летию со дня рождения римского поэта (1958 г.), французский

¹⁰ См.: З. А. Бориневич-Бабайцева. Овидиев цикл в творчестве Пушкина, стр. 167—168.

¹¹ См.: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., «Наука», 1965, стр. 356—358; Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина, стр. 139.

¹² М. Йыэсте. Заметки к теме «Пушкин и Овидий», стр. 180—181, 176, 177 и др.

¹³ Там же, стр. 185.

¹⁴ М. М. Покровский. Пушкин и античность, стр. 36.

¹⁵ См.: Ф. Ф. Богач. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1963; Е. М. Двойченко-Маркова. Источники легенды об Овидии в «Цыганах» А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. Сборник памяти С. И. Соболевского. М., 1966, стр. 321.

ученый Ив. Буино назвал имя «великого русского поэта Пушкина» в числе немногих имен гениальных художников XIX в., глубоко понявших своеобразие творческой индивидуальности Овидия и высоко оценивших его поэзию.¹⁶ На конгрессе, проведенном международным обществом «Ovidianum» в Констанце (Румыния) в августе 1972 г., в ряде докладов также приводились цитаты из произведений Пушкина. В румынских журналах, выпедших в дни съезда, был опубликован первый полный перевод на немецкий язык стихотворения «К Овидию», сделанный профессором Гейдельбергского университета М. фон Альбрехтом. В книге немецкого ученого В. Штро, в которой собраны мнения выдающихся писателей и исследователей об Овидии, почетное место отведено Пушкину. Здесь опубликованы отрывки из послания «К Овидию» и из «Цыган», отзыв на «Фракийские элегии» Тсплякова.¹⁷

Этот особый интерес филологов к теме «Овидий и Пушкин» объясняется тем, что русский поэт с гениальной прозорливостью как бы предвосхитил то понимание Овидия, к которому мировая классическая филология подошла лишь в XX в.

Действительно, старая точка зрения на этого поэта как на блестящего, но легковесного мастера стиха и воспитанника римских риторов кардинально пересматривается в наше время в монографиях Х. Френкеля,¹⁸ С. Д'Элия,¹⁹ в многочисленных статьях и диссертациях.²⁰ В новом свете предстали теперь перед нами и «Тристии», и «Послания с Понта»,²¹ в которых прежде видели своего рода поэзию упадка, лишенную особых художественных достоинств. С точки зрения крупнейших ученых наших дней, творчество Овидия представляет собой уникальное явление в истории античной литературы. Его поэзия блещет оригинальностью, полна глубоких психологических наблюдений, проникнута гуманными идеями. В связи с этим и старая тема «Пушкин и Овидий» требует в настоящее время пристального внимания и нового подхода. Она не может быть, естественно, освещена в полном объеме в краткой статье.

Остановлюсь лишь на некоторых проблемах, связанных со стихотворением Пушкина «К Овидию» и поэмой «Цыганы».

¹⁶ Y. Bouynot. La misère et la grandeur de l'exil. — Atti del Convegno internazionale Ovidiano, vol. 2, Roma, 1959, p. 250.

¹⁷ W. Stroh. Ovid im Urteil der Nachwelt (eine Testimoniensammlung). Darmstadt, 1969, SS. 104—109.

¹⁸ H. Fränkel. Ovid. A poet between two worlds. Berkeley — Los Angeles, 1945.

¹⁹ Salvatore D'Elia. Ovidio. Napoli, 1959.

²⁰ Материалы собраны в сборнике: Ovid. Herausg. von M. v. Albrecht, E. Zinn. Darmstadt, 1968.

²¹ См.: Y. Bouynot. La poesie d'Ovide dans les œuvres de l'exile. Paris, 1957; N. Voulikh. La révolte d'Ovide contre Auguste. — Les Etudes classiques, t. XXV, 4, Namur, 1968.

Особенный интерес представляет для нас тот художественный синтез, который дан Пушкиным в послании «К Овидию» — синтез, основанный, как показали многочисленные русские ученые, на внимательном чтении «Тристий» и «Посланий с Понта».

Стихотворение делится на две части и завершается своеобразным заключением. В первой части, заканчивающейся строкой «где ты свой тщетный стон потомству передал», автор рисует обстановку, в которой жил римский изгнанник, и особенности его поведения в ссылке. При этом Пушкин как бы смотрит на изображаемые им картины сквозь призму «Тристий» и «Посланий с Понта». Во второй части, кончающейся словами «и жалобные звуки Неслися издали, как томный стон разлуки», на первый план выдвигается образ самого автора послания «К Овидию», и место ссылки показано таким, каким оно представляется поэту, прибывшему на юг из северной столицы.

Многочисленные параллели из «Тристий», уже приводившиеся учеными к первой части стихотворения, следовало бы несколько дополнить. После слов «Как часто, увлечен унылых струн игрою, Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!» Пушкин действительно придерживается в своих описаниях той последовательности, которая свойственна расположению материала в «Тристиях». Римский поэт описывает сначала свое путешествие в Томи (I книга), затем тяжелые условия жизни на побережье: пустынность местности, отсутствие лесов и виноградников, частые нападения гетов и сарматов (III книга). Начиная со строки «Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!)» Пушкин, опираясь на четвертую книгу «Тристий» и на многочисленные элегии из разных книг, дает сжатую характеристику манеры поведения Овидия в изгнании, рисует образ изнеженного «певца любви», окруженного враждебным населением. Русский поэт с удивительной меткостью выбрал наиболее характерные штрихи, поняв своеобразие той линии поведения, которой совершенно сознательно придерживался в изгнании Овидий. Римский поэт не протестует, не восстает против Августа, но проливает слезы и умоляет друзей и покровителей помочь убедить принцепса приблизить место его изгнания к родной Италии. Овидий плагает, что только мольбы и слезы могут заставить Августа смягчить гнев. Своим главным оружием он считал кротость, душевную чистоту (*candor animi*) и поэтический дар — ту великую силу слова, которой в античности придавалось столь большое значение.²² В послании к Ф. Максиму поэт просит высокопоставленного друга передать Августу в своей красноре-

²² См.: W. Marg. Zur Behandlung des Augustus in den Tristien Ovids. — In: Ovid. Herausg. von M. v. Albrecht, E. Zinn. Darmstadt, 1968, SS. 510—512; N. Voulikh. La révolte d'Ovide contre Auguste, pp. 378—381.

чивой речи «слезы» изгнанника.²³ В письме к Грекину Овидий пишет, что уже готов был покончить жизнь самоубийством, но богиня Надежды убедила его в том, что «нужны слезы, а не кровь, так как гнев принцепса может смягчиться только от них».²⁴ Советуя своей жене умолять жену Августа Ливию, изгнанник обращается к ней со словами: «Тебе не повредит, если твоя речь будет прерываться рыданиями, так как слезы имеют часто такое же значение, как слова».²⁵

Отношение к слезам в античности было иным, чем в новое время. Греки и римляне считали, что способность плакать, свойственная только человеку, характеризует его как высочайшее и благороднейшее создание природы.²⁶ Непонимание этого обстоятельства дало основание многим ученым XIX в. обвинять Овидия в «слезливости». Резко отрицательную характеристику поведения Овидия в изгнании давал в своих лицейских лекциях и адъюнкт Н. Ф. Кошанского П. Е. Георгиевский.²⁷ Эта точка зрения была хорошо известна Пушкину. Удивительным представляется нам то обстоятельство, что в период увлечения романтизмом, когда было написано стихотворение «К Овидию», гениальный поэт России заявил: «Суровый славянин, я слез не проливал, Но понимаю их». Как бы полемизируя с традиционной точкой зрения, Пушкин восклицает:

Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиления
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Такое глубокое проникновение во внутренний мир Овидия могло возникнуть лишь при очень внимательном чтении произведений римского поэта. Стихотворение Пушкина неопровержимо свидетельствует о его прекрасном знакомстве с «Тристиями» и «Посланиями с Понта». На то, что Пушкин впервые испытал в это время радость непосредственного знакомства с древним текстом, указывал еще Б. В. Томашевский.²⁸

Много интересных деталей можно было бы найти и во второй части стихотворения «К Овидию». Укажем здесь лишь на то, что со свойственным ему художественным вкусом Пушкин особо выделил замечательную 10-ю элегию III книги «Тристий», наши-

²³ Ovid. Ex Ponto, I, 2, 100—116.

²⁴ Там же, I, 6, 43—45.

²⁵ Там же, III, 1, 157—159.

²⁶ Homer. Ilias, 11, 90; Vergilius. Aen., 6, 472—479; Iuvenalis. Sat., 15, 131—143.

²⁷ См.: Лицейские лекции по записям А. М. Горчакова. — Красный архив, М., 1937, т. 1, стр. 159.

²⁸ Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 541.

санную в «день, замеченный крылатым вдохновеньем». Создатель «Метаморфоз» описал в ней волшебство северной зимы. С точки зрения образованного римлянина «века Августа», природа как бы подражает искусству (*simulaverat artem ingenio natura suo*), и в описаниях природы у Овидия пейзаж дается как бы пропущенным сквозь призму изобразительного искусства.²⁹ Стремясь доказать, что место его изгнания находится на крайнем севере, Овидий рисует картину покрытого льдом моря, в которое вмержли похожие на скульптурные изваяния корабли. Лед и снег он сравнивает с мрамором. Осмелившись ступить на затвердевшую поверхность моря, он видит под своими ногами неподвижных, заключенных в ледяные оковы рыб. Отношение Пушкина к природе было иным, чем у Овидия.³⁰ Русский поэт не передал того специфического отношения к природе Понта, которое было свойственно «Тристиям». Однако самое главное Пушкин все же охарактеризовал, назвав Овидия «роскошным гражданином златой Италии». Что касается образа самого автора стихотворения «К Овидию», нарисованного во второй части произведения, то об этом уже достаточно написано. Конечно, поведение самого Пушкина в изгнании было диаметрально противоположно поведению римлянина, и позиция Овидия была неприемлема для него.³¹

Чрезвычайно интересны заключительные строки стихотворения. Во всех рукописных текстах, как известно, последних шести строчек не было. После стиха «Не славой — участью я равен был тебе» следовало два заключительных (Акад., II, 386):

Но не унижил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

В окончательной редакции эти стихи были заменены другими. После слов «да сохранится же заветное преданье» Пушкин сообщает краткие сведения о месте, времени, когда было написано стихотворение, и о самом себе. Это заключение, по меткому замечанию немецкого ученого М. фон Альбрехта, представляет собой типичную античную *sphragis* — «печать», которой любили заканчивать свои произведения поэты древности.³² Такой «печатью» заканчивается, например, поэма Вергилия «Георгики»:

²⁹ Ovid. *Metamorphos.*, III, 158—159. См.: P. Grimal. *Les jardins Romains*. Paris, 1943, pp. 434—441.

³⁰ См.: Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I, стр. 399 и сл.

³¹ См.: З. А. Бориневич-Бабайцева. Овидиев цикл в творчестве Пушкина, стр. 169; В. В. Ванслов. А. С. Пушкин о «золотом веке»..., стр. 29—31; и др.

³² M. v. Albrecht. *Der verbannte Ovid und die Einsamkeit des Dichters im frühen XIX Jahrhundert.* — *Arcadia. Zeitschrift für vergleichende Literaturwissenschaft*, Bd. 6, Th. I, Berlin—N. Y., 1971, SS. 36—37. Исследо-

Эти стихи я пропел про уход за землей и быками
И про деревья, меж тем великий Цезарь войною
Дальний разит Евфрат и народам охотно покорным,
Как победитель, дает законы, путь правя к Олимпу.
Сладкою в те времена был я, Вергилий, питаем
Партенопеей и цвел, обучаясь на скромном досуге,
Песней пастушьей себя забавлял и, юностью смелый,
Титира пел я в тени широковетвистого бука.³³

У Пушкина мы читаем:

Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на берега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благословны.

В противоположность Вергилию, прославляющему военные подвиги Августа, русский поэт говорит о борьбе греков за свободу, тем самым подчеркивая различие между собой, Овидием и Вергилием.

Введение отдельных вставок, взятых из античных оригиналов, было очень характерно, например, для стихотворений А. Шенье. В собственном комментарии к элегии XXIII он пишет: «... Я вставлял сюда, по моему обыкновению, куски из Вергилия, Горация и Овидия» — и прямо указывает античные источники для отдельных мест своей элегии.³⁴ По-видимому, в данном случае Пушкин в какой-то степени близок Шенье, отдавая дань уважения античной поэзии в целом. С произведениями Вергилия, как известно, русский поэт был хорошо знаком. В письме к брату от 24 сентября 1820 г. из Кишинева он вспоминает Броневского, «человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом и, подобно старику Вергилия, разводит сад недалеко от города» (Акад., X, 214).³⁵

К образу Овидия поэт вновь обращается в поэме «Цыганы», начатой в 1824 г. в Одессе и законченной уже в Михайловском. В этой своей последней «романтической» поэме Пушкин показывает, как известно, трагическую роль страстей в жизни человека и рисует столкновение Алеко, типичного представителя «просвещенного» общества того времени, с моральными зако-

ватель как на пример такой «печати» указывает и на заключительные строки сборника «любовных элегий» (Amores) Овидия. Однако я думаю, что Пушкин вряд ли помнил последнюю элегию этого сборника, в то время как «Георгики» Вергилия он хорошо знал. Кроме того, и по самому характеру его заключение ближе к Вергилию.

³³ Vergilius. Georg., IV, 558—565. См. перевод С. В. Шервинского: Вергилий. Сельские поэмы. Л., «Academia», 1933, стр. 136—137.

³⁴ A. Chénier. Oeuvres poétiques. t. I. Paris, 1883, pp. 214—215.

³⁵ См.: Vergilius. Georg., IV, 125—144.

нами вольных цыган. Носителем их морали, по мнению Б. В. Томашевского, выступает старик, отец убитой Алеко Земфиры.³⁶ Старый цыган выражает в сущности те гуманистические идеалы, которые сложились в европейской литературе XVIII в.³⁷ Овидий, легенду о котором рассказывает старик, гораздо ближе к этому идеалу, чем Алеко. Изгнанник был «стар годами», но «млад и жив душой незлобной»; он жил, никого не обижая, и пленял поллюбивших его людей своими рассказами. «Святой старик» не мог привыкнуть к бедной и убогой жизни вдали от своего родного города. «Иссохший и бледный», он жаловался на наказание, посланное ему «гневным богом», и проливал «горькие слезы»:

И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости
И смертью — чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

Только непосредственным впечатлением от латинского текста можно объяснить соседство в этих стихах двух слов — «кости» и «гости», совершенно так же соседствующих друг с другом и в третьей элегии третьей книги «Тристий», обращенной к жене Овидия:

Nam si morte carens vacua volat altus in aura
Spiritus et Samii sunt rata dicta senis,
Inter Sarmaticas Romana vagabitur umbras,
Perque feros manes hospita semper erit.
Ossa tamen facito parva referantur in urna
Sic ego non etiam mortuus exul ero.

(Так, если, смерти не зная, мой дух воспарит по эфиру,
Если Самосский старик прав в заключеньях своих,
Римской тени тогда блуждать меж сарматских придется
И между варваров стать гостьей печальной навек.
Кости, однако, мои, собрав их в малую урну,
В город верни, чтоб не быть вечным изгнанником мне).

Молдавские легенды, в которых рассказывалось об изгнаннике, «нежном, как младенец», и добром, «как старец»,³⁸ органически слились у Пушкина с тем автопортретом, который сам Овидий нарисовал в своих элегиях изгнания. Из «Тристий» взята характеристика внешнего вида изможденного страдальца, так как Овидий часто пишет о своей худобе и болезнях, о том, что цвет его кожи напоминает желтизну листьев, тронутых дыханием первых заморозков.³⁹

³⁶ Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I, стр. 618.

³⁷ Там же, стр. 622—623.

³⁸ См.: Е. М. Двойченко-Маркова. Источники легенды об Овидии... стр. 321.

³⁹ Ovid. Trist., IV, 6, 41—45; III, 8, 29—30.

В четвертой книге «Посланий с Понта», изданной кем-то уже после смерти Овидия, поэт постоянно подчеркивает свои дружеские отношения с гетами и тот почет, которым он был окружен в Томи. Он благодарит томитов за почести, которые они ему оказали, утверждая, что только граждане его родного города Сульмоны могли бы с такой заботой отнестись к нему.⁴⁰ Поэт был освобожден от налогов специальными декретами, увенчан венком за победы в поэтических состязаниях.⁴¹

В послании Люцию Помпонию Грекину Овидий пишет о своем благочестии (*pietate*), которое известно всем на побережье: «Ни одна женщина, ни один мужчина и ни один ребенок», по словам поэта, не могут пожаловаться на него.⁴²

Выражение «святой старик», которое употребляет цыган, говоря о римском изгнаннике, и должно было, по-видимому, охарактеризовать высокую «*pietas*» (благочестие) гражданина Рима.

Исследователи уже указывали на то, что старый цыган похож на старика гета, о котором Овидий рассказывает в послании своему ближайшему другу Аврелию Котте Максиму.⁴³ В поэме Пушкина слабый и беспомощный Овидий обладает «дивным даром песен», голос его подобен «шуму вод». Этот контраст физической слабости и мощи таланта, помогающего Овидию переносить трудности изгнания, часто подчеркивается в «Тристиях».⁴⁴

Таким образом, на новом этапе творчества русский поэт вновь обращается к образу Овидия. В годы, когда он решает проблемы взаимоотношения судьбы человеческой и «судьбы народной», голос народа в оценке действий героя приобретает для него, как известно, особое значение.⁴⁵ Кротость и миролюбие Овидия, обаяние его личности, которые проявились в «Тристиях» и «Посланиях с Понта» и которые были оценены Пушкиным уже в стихотворении «К Овидию», в поэме «Цыганы» вновь выдвигаются на первый план. Однако если линия поведения Овидия по отношению к Августу не могла соответствовать убеж-

⁴⁰ Ovid. Ex Ponto, IV, 14, 47—62.

⁴¹ Там же, IV, 9, 101—105.

⁴² Там же, IV, 9, 95—96. См.: N. Voulikh. Pouchkine et Ovide. — *Revue de Littérature comparée*, Paris, 1967, № 1, pp. 24—36.

⁴³ Ovid. Ex Ponto, III, 9, 45—96.

⁴⁴ Ovid. Trist., III, 7, 5—10, 38; IV, 105—114, и др. В. В. Виноградов приводит библейские параллели к сравнению звука голоса с «шумом вод». Однако и в Библии, и у Ломоносова с «шумом вод» сравнивается «глас народа», а не голос одного человека. Если библейские параллели В. В. Виноградова правомерны, то приводимые им примеры свидетельствуют о том, что Пушкин хочет придать особую грандиозность поэтической мощи Овидия (В. В. Виноградов. *Стиль Пушкина*. М., 1941, стр. 201—203).

⁴⁵ В это время Пушкин работает над «Борисом Годуновым».

дениям русского поэта, то те же самые принципы поведения римского изгнанника по отношению к окружающему его чужому народу представляются Пушкину заслуживающими высокого одобрения и глубокого восхищения. Как справедливо писал Д. П. Якубович, Пушкин по-разному относится к своим любимым античным авторам в разные периоды своего творческого развития.⁴⁶ Русский поэт как бы подытожил свои взгляды на Овидия в известной рецензии на «Фракийские элегии» Теплякова, где он вновь защищает римского поэта от традиционных упреков в малодушии, которыми осыпает Овидия французский поэт Грессе. Пушкин требует внимания к индивидуальности Овидия, глубокого проникновения в художественный мир его произведений (Акад., VII, 421—425).

В заключение хотелось бы отметить, что своего любимого поэта Пушкин знал не только по «Трестиям» и «Посланиям с Понта». Следовало бы тщательно собрать все реминисценции из поэмы «Метаморфозы», которые есть у Пушкина. Укажем пока лишь на заключение этой поэмы, которое русский поэт использовал в своем стихотворении «Памятник»:

*Jamque opus exegi, quod nec Jovis ira nec ignis
Nec poterit ferrum nec edax abolere vetustas.
Cum volet, illa dies, quae nil nisi corporis huius
ius habet, incerti spatium mihi finiat aevi:
parte tamen meliore mei super alta perennis
astra ferar, nomenque erit indelibile nostrum.
Quaque patet domitis Romana potentia terras,
ore legar populi; perque omnia saecula fama,
siquid habent veri vatum praesagia, vivam!*⁴⁷

(«...и вот я завершил уже труд, который ни гнев Юпитера, ни огонь, ни губительная старость не смогут уничтожить. Пусть, когда захочет, тот день, который имеет власть только над моим телом, принесет конец этой неверной жизни. Однако я буду вечен и лучшей своей частью вознесусь в надзвездные выси и имя мое будет нерушимо. И как далеко простирается власть Рима над подвластными ему землями, так повсюду будут читать меня уста народа. На протяжении всех веков во славе, если только в предчувствиях поэтов есть какая-то истина, я буду жить»).

В стихотворении Пушкина «Памятник» можно найти мотивы, близкие к этим заключительным строкам «Метаморфоз». Стих «Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит» ближе к Овидию, чем к торжественным строкам Горация: «Нет! Не весь я умру, — лучшая часть меня избежит похорон». Проти-

⁴⁶ Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина, стр. 93.

⁴⁷ Ovid. Metamorphos., XV, 870—878.

воположность тленного тела и вечной души ярче и проще подчеркнута именно у Овидия. Строки «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой И назовет меня всяк сущий в ней язык» больше напоминают стихи Овидия: «*Quaque patet domitis Romana potentia terras, ore legar populi...*», чем сложный горацианский образ: «*...usque ego postera crescam laude recens dum Capitolium scandet sum tacita virgine pontifex. Dicar, qua violens...*».

Державин гораздо точнее воспроизводит образность и стиль Горация, чем Пушкин:

Слух пройдет обо мне от белых вод до черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал,
Всяк будет помнить то

и т. д.⁴⁸

Пушкин же, как и Овидий, говорит, что его «назовет всяк сущий в ней язык» — «*ore legar populi*».⁴⁹

⁴⁸ См.: М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг». Л., «Наука», 1967, Приложения, стр. 244 и сл. Костелло не указывает на заключительные строки «Метаморфоз», говоря о стихотворении Пушкина «Памятник», но предлагает привлечь для сравнения следующие строки из «Тристий» Овидия (Trist., IV, 9, 19—20): «*Nostra per immensas ibunt praesonia gentes, quodque querar, notum, qua patet orbis, erit*» («Мои речи разнесутся среди бесчисленных племен, и то, на что я жалуясь, будет известно повсюду на земле») (D. P. Costello. Pushkin and Roman literature, p. 55). Такого рода мысли о бессмертии поэтического слова глубоко характерны для античной поэзии вообще. Однако в заключительных стихах «Метаморфоз» они выражены законченнее и целеустремленнее, чем в «Тристиях». В своей поэме Овидий дал как бы свой вариант хорошо известной ему оды Горация, использованной и Державиным.

⁴⁹ Глагол «lego» как бы сохраняет здесь у Овидия «ореол» своего первоначального значения — «собирать», «впитывать» (народ, как пчела из цветка, высасывает сладкий сок стихов Овидия).

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

ЗАМЕТКИ ЖУКОВСКОГО О ГИБЕЛИ ПУШКИНА

Первостепенное значение для истории дуэли Пушкина имеют конспективные заметки Жуковского. Они фиксируют события, предшествующие дуэли, дают описание рокового дня 27 января, последних часов жизни Пушкина, рисуют обстановку, в которой происходили его похороны, и «посмертный обыск» кабинета поэта. Записи сделаны на пяти листках бумаги разного цвета и формата.¹ Цвет чернил и особенности почерка свидетельствуют, что они относятся к разному времени. Записи делались для себя. Отмеченная деталь или реплика, часть разговора были для писавшего знаком, который помог бы его памяти в случае необходимости восстановить обстановку или определенную цепь фактов. Поэтому некоторые из этих записей (даже с привлечением других известных документов) могут быть объяснены только предположительно. Они были понятны писавшему, но иногда недоступны для нас. Кроме того, записи трудно поддаются прочтению: они набросаны торопливым, неровным почерком, некоторые слова зачеркнуты и исправлены, многие сокращены или недописаны. Жуковский не стремился быть понятым или выразить свое отношение к событиям и фактам. Его единственной целью было точно зафиксировать события. Точность и хронологическая последовательность этих записей позволили П. Е. Щеголеву положить первые три записи в основу своего изложения дуэльных событий.² Эти три первые записи были опубликованы в его книге.³ Они охватывают события от 4 ноября — дня получения анонимного пасквиля — до дня дуэли 27 января. Остальные пять записей («совершенно незначительные», по мнению Щеголева) были опубликованы И. Боричевским в 1937 г.⁴

¹ ПД, ф. 244, оп. 18, № 32.

² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М.—Л., Гослитиздат, 1928 (изд. 1-е — 1916).

³ Там же, стр. 307—311.

⁴ И. Боричевский. Заметки Жуковского о гибели Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 3. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 374—392.

Повторяя публикацию первых трех записей, Боричевский дает новое прочтение нескольких слов. Наиболее значительное различие в первой записи касается свидания с Геккерном 7 ноября, когда Геккерн сообщил Жуковскому о своем «открытии» — «о любви сына к Катерине» (Е. Н. Гончаровой). В чтении Щеголева эта фраза была несколько неуклюжей: «Неизвестное совершенное прежде бывшего». Боричевский читает: «Неизве<ще>ни<е> совершенное прежде бывшего». Автограф показывает, что в процессе писания Жуковский изменил слово: начал писать «неизв», потом исправил «в» на «н» и, не внося поправки в уже написанную часть слова, дописал «ание»; таким образом, фразу следует читать: «Незнание совершенное прежде бывшего». Правда, существо записи не меняется — в любом прочтении очевидно, что Жуковский констатирует свою неосведомленность в том, что уже становилось достоянием светских сплетен.⁵ Четвертая запись составлена Жуковским по записке доктора Спаского, пятая — список друзей поэта.⁶

Последние три записи Щеголев считал конспектом письма Жуковского к Бенкендорфу, черновики которого публиковались в его книге с датой февраль—март 1837 г. Фактически это не три записи, а две, так как шестая — предварительный карандашный набросок, сверху которого чернилами повторяется в несколько измененном и расширенном варианте тот же текст, принимаемый за седьмую запись. Большая часть этой записи, т. е. 6—7-й, действительно соответствует отдельным положениям письма к Бенкендорфу. Большая, но не вся. И как раз в той части, которая не повторяется в письме к Бенкендорфу, больше всего трудночитаемых мест. Некоторые из не прочитанных Боричевским слов все же можно разобрать. Так, строки 25—26 читаются отчетливо: «Нельзя же остановить многие посещения» (у Боричевского: «Нельзя же образовать <нрзб.> посещения»). Однако смысл записи Боричевскому был ясен — речь шла о необычайном стечении посетителей у гроба Пушкина.

Иначе обстоит дело с концом седьмой записи и с восьмой записью. Исправления в тексте, которые позволило сделать обращение к автографу, дают возможность по-новому его осмыслить. Приводим эти записи:

У Боричевского

В автографе

Конец седьмой записи

Непозволение печатать
Критика Дундука
От чего все эти страхи

Непозволение печатать
Критика Дундука
От чего все эти страхи

⁵ См.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 154, 190—191.

⁶ Комментарий к этим записям см.: И. Боричевский. Заметки Жуковского о гибели Пушкина.

чего боялись объявлений отпусков
но он был невозможен
Сильное «нрзб.»
Сильное оскорбление
Какой контраст с государем

чего боялись объявить отпуску
но он был невозможен
Сильно спшиблись
Сильно оскорблен
Какой контраст с государем

Восьмая запись

Мне нето плохо. Я глупец; из за плеч моих другие
Не могу не отвеча(ть) ибо вы поставили меня перед ним как «нрзб.»
Что бы ни делат(ь) все уже остает(ся) каково в письм(е) таково и в пись-ма(х) Пу(ш)к(и)ну
[Если]
Я читал мое письмо — то же и на дня(х). Что же вы сделали?
Государь — до
Удивление и страх заго(товить) указ —
Только в семье своей убежище

Мне было плохо. Я глупец; из за плеч моих другие.
Не могу не отвеча(ть) ибо вы поставили меня перед ним как щит(?)
Что бы ни делат(ь) все уже осталось. Каков в пись(ме) таков и в мо(их) мыслях(?)
[Если]
Я читал мое письмо — то же и на днях. Что же вы сделали?
Государь — до
Удивление и страх заго(товить) указ
Только в семье своей убежище

Конец седьмой записи Боричевский объясняет так: «Бенкендорф запретил печатать какие бы ни было статьи о погибшем поэте. Друг Пушкина, Краевский, напечатал в своей газете краткий некролог и на другой день выслушал свирепую „критику“ председателя цензурного комитета <...> Вторая фраза очень отчетливая. По-видимому, речь идет о предписании, которое было дано университету, не прекращать лекций, не отпускать студентов на похороны. Но ведь „он был невозможен“! Жуковский не сообщает, кто он. Страшное слово для благонамеренного поэта: заговор».⁷ Весь текст, по мнению Боричевского, выражает эмоции благонамеренного «воспитателя наследника» — Жуковского, которого «хотят сделать чуть ли не заговорщиком» и которому «оставалось только утешать себя тем, что царь отнесся к нему иначе».

Между тем речь идет не о заговоре, и местоимение «он» (в строке: «Но он был невозможен») относится не к событию, не к действию, а к лицу (если бы речь шла о заговоре, естественно было бы написать «Но это было невозможно»). «Он», названный в записи, — это Дондуков-Корсаков, адресат широко известной эпиграммы Пушкина «В академии наук заседает князь Дундук», председатель цензурного комитета и попечитель университета, запретивший отпуску студентам в день похорон Пушкина. Он же сделал выговор Краевскому за публикацию в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» извещения о смерти поэта. Запись рассказывает о стычке Жуковского

⁷ Там же, стр. 389.

с Дондуковым-Корсаковым, который был «невозможен». Отношение Дондукова-Корсакова к мертвому поэту, по мнению Жуковского, было «контрастом» к тем «милостям», которые оказал семье Пушкина «государь», и Жуковский вслух, в лицо высказал «Дундуку» свою «критику». «Отчего все эти страхи, чего боялись объявить отпуску» — это слова Жуковского, который «спшибся» с Дондуковым-Корсаковым и был им «сильно оскорблен».

Запись последняя, восьмая, почти вся относится к самому Жуковскому, фиксирует его эмоции, слова и действия. И только в конце ее появляется фраза «Государь — Удивление и страх заготовить указ». Эту восьмую запись Боричевский комментирует также исходя из посылки, что Жуковский напуган слухами о «заговоре», что этот страх возник, когда жандармы обвинили его в похищении части пушкинских бумаг, а затем, во время разбора бумаг поэта, страх усилился. Прочитав фразу «Не могу не отвечать ибо вы поставили меня перед ним как...» без последнего слова, Боричевский пишет: «Последнее слово неразборчиво, но смысл ясен: как обманщика». «Перед ним» — перед царем, обманщик — Жуковский, якобы похитивший пушкинские бумаги. Следующая запись: «Что бы ни делать, все уже остаётся» каково в письме таково и в письмах П<у>шк<ин>у — объясняется так: «Недописанные слова — настоящий ребус, но разгадать его легко, если припомнить выразительную строчку шестой записи: „Письмо Чаадаеву“ <...>⁸ жандармы нашли среди бумаг и письма самого Чаадаева к Пушкину. Поэт и его друзья оказывались в подозрительной связи с тем, кого царь только что объявил „умалишенным“. При желании это можно было раздуть».⁹ Единственный способ защитить себя — «канонизировать Пушкина». Со стремлением друзей Пушкина к самозащите связываются и две последние фразы; «канонизировать Пушкина царским указом не удалось», — так объясняет Боричевский фразу о царе; запись же: «Я читал мое письмо — то же и на днях» — он комментирует как чтение письма самого Жуковского к С. Л. Пушкину о последних минутах поэта, где действительно его смерть представлена как идеал кончины христианина и вернопопданного.

Наиболее слабое звено в комментарии Боричевского — толкование слов «письмо» и «вы». «Письмо» сперва объясняется как

⁸ «Письмо Чаадаеву» — неотосланный ответ Пушкина на знаменитое «философское» письмо Чаадаева. Его не было среди бумаг Пушкина во время «посмертного обыска», но оно упоминается в той части шестой (и седьмой) записи, которая является конспектом письма к Бенкендорфу. Опираясь на это письмо Пушкина, Жуковский строил свою концепцию его монархических взглядов.

⁹ И. Боричевский. Заметки Жуковского о гибели Пушкина, стр. 390.

письмо Пушкина к Чаадаеву, а в следующей фразе — как письмо самого Жуковского к отцу поэта. Так же и местоимение «вы» в начале записи связывается с жандармами («вы поставили меня перед ним» как обманщика), а в середине — с друзьями («что же вы сделали?»).

Раскрыть смысл восьмой записи помогают две фразы о царе (в конце седьмой и в конце восьмой записи). Рассказ о конфликте с «Дундуком» в седьмой записи заключается восклицанием: «Какой контраст с государем». Уже произведен «посмертный обыск», через руки Жуковского прошли все бумаги Пушкина, он прочел письма Бенкендорфа (см. в седьмой записи: «Его <Пушкина> раздражение. Его положение. Письма Бенкен.»), ему открылось все унижение, которое испытывал поднадзорный поэт: мелочная опека, придирки, выговоры, но на него все еще гипнотически действует принятая Николаем I поза монарха-благодетеля.

В восьмой записи о «милостях» говорится иначе: «Государь — удивление и страх заготовить указ». Что же произошло между двумя днями, когда были сделаны эти записи, что побудило одни и те же действия царя осмыслить столь различно, почему Жуковский вспомнил (или осознал) «удивление» и «страх» царя?

«Разбор сделан», — записал Жуковский в начале шестой и седьмой записи. Таким образом, эти записи сделаны не раньше 25 февраля, когда был закончен «посмертный обыск».¹⁰ На основе этих записей написано его письмо к Бенкендорфу. Несмотря на условный, светский тон вежливости, это письмо очень резкое по существу. Обстоятельства похорон, разбор бумаг вместе с жандармами, чтение писем Бенкендорфа к Пушкину, оскорбительные подозрения Бенкендорфа по отношению к самому Жуковскому — все это заставило Жуковского по-новому взглянуть на жизнь Пушкина, понять всю глубину трагедии поднадзорного поэта. Это письмо было как бы прозрением самого Жуковского, и наверное, только написав и сформулировав все обвинения в адрес шефа жандармов, он осознал, что Бенкендорф действовал не вполне самостоятельно — тогда и припомнился «страх» царя заготовить указ.

И хотя прямо гонителем Пушкина называется только Бенкендорф, а отношения поэта с царем изображаются по-прежнему идеализированно, письмо Жуковского является обвинительным актом и в адрес Николая I. Так и понял его А. И. Тургенев, записавший 8 марта в дневнике: «Жуковский читал нам свое письмо к Бенк. о Пушк. и о поведении с ним Государя и Бенк. Критиче-

¹⁰ См.: М. А. Цявловский. «Посмертный обыск» у Пушкина. — В кн.: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., Изд. АН СССР. 1962. стр. 276—334.

ское расследование действий жандармства, и он закатал Бенкендорфу, что Пушкин погиб оттого, что его не пустили ни в чужие края, ни в деревню, где бы ни он, ни жена его не встретили Дантеса. Советовал ему не посылать этого письма в этом виде».¹¹ Последовал ли Жуковский совету Тургенева? Последняя, восьмая запись, по-видимому, дает нам ответ на этот вопрос. «Письмо», о котором в ней идет речь,— это, конечно, не письмо к Чаадаеву и не письмо к С. Л. Пушкину, посланное в Москву еще 15 февраля, т. е. в середине «разбора», и к 25 февраля уже хорошо известное петербургским друзьям Жуковского. Попробуем прочесть эту запись, подставив на место «письма» письмо Жуковского к Бенкендорфу, которое было написано не раньше 25 февраля, когда был закончен «разбор», и не позже 8 марта, когда оно было прочитано друзьям. «Мне было плохо. Я глупец; из-за плеч моих другие». Действительно, Жуковский был обманут как глупец. Царь обещал, что он один будет разбирать бумаги поэта, а «за плечами» его оказались жандармы, и «разбор» бумаг превратился в политический сыск. Затем последовало обвинение Жуковского в краже бумаг и подозрения, что во время похорон друзья поэта собирались устроить антиправительственную демонстрацию («заговор»). Бенкендорф считал Пушкина «главой демагогической (т. е. оппозиционной, — Я. Л.) партии».¹² Обнаруженные в его бумагах письма (в частности, декабристов) укрепили Бенкендорфа (и Николая I) в этом убеждении, что ставило под угрозу издание творческого наследия поэта. Ситуация оказалась такой, что одной картины христианской смерти Пушкина, нарисованной в письме к С. Л. Пушкину, для реабилитации поэта было недостаточно. Нужно было объяснить «положение его» (тяжесть полицейского гнета) и «раздражение его», т. е., защищая Пушкина, наступать, обвиняя Бенкендорфа в гибели поэта. Негодованием и горечью наполнено письмо Жуковского к шефу жандармов. Тургенев (и, наверное, другие друзья) уговаривал Жуковского не отсылать письма. Вторая фраза: «Не могу не отвечать, ибо вы поставили меня перед ним как щит» — скорее всего ответ Жуковского на эти советы. Не сумев уберечь живого Пушкина, он стал «щитом» для мертвого, защищая его имя и творчество от гонения и запретов. Когда оказалось, что для защиты недостаточно описания просветленной кончины, Жуковский стал действовать подняв забрало. Третья фраза: «Что бы ни делать все уже осталось. Каков в письме, таков и в моих, ем?»...». Последнее слово написано очень нечетко (его можно прочесть

¹¹ См.: П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, стр. 300.

¹² См.: В. А. Жуковский. Письмо к Бенкендорфу (февраль — март). — В кн.: П. А. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, стр. 256.

как «мыслях»), но смысл фразы ясен: я написал то, что думаю, т. е. мысли мои не расходятся с делом.

Четвертая фраза говорит о письме как об отосланном: «Я читал мое письмо тоже и на днях. Что же вы сделали?». Только посланное письмо, т. е. совершенный поступок, может быть противопоставлен вопросу: «Что же вы сделали?». И наконец, последняя фраза (после слов о царском страхе): «Только в семье своей убежище» — может быть понята как горестное воспоминание о Пушкине (у самого Жуковского семьи не было) и как сознание своей неправоты. Жуковский удерживал поэта при дворе, спасая от царской опалы. И это было ошибкой. Надежным убежищем для поэта могла быть только семья, покой, «обитель дальняя трудов и чистых нег», но понял это ближайший друг Пушкина слишком поздно.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1972 ГОДА

Азаров Всеволод. [Рец. на кн.:] Гейченко С. У лукоморья. Л., Лениздат, 1971, 248 с. — Октябрь, 1972, № 1, с. 221—222.

Алексеев М. П. Пушкин. Сравнит.-ист. исследования. Л., «Наука», 1972, 468 с. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).

Содерж.: Предисловие. — Пушкин и наука его времени. — Пушкин и проблема «вечного мира». — Реплика Пушкина «Народ безмолвствует». — Пушкин и Шекспир. — Заметки о «Гавриилиаде». — Споры о стихотворении «Роза». — Пушкин и Чосер. — К источникам «Подражаний древним» Пушкина. — Запись Пушкина о «Трагедии, составленной из азбуки французской». — К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд». — Легенда о Пушкине и Вальтере Гете. — Библиографические справки. — Указатель произведений Пушкина. — Указатель имен.

Рец.:

Альтман М. Ценная книга. — Звезда, 1973, № 3, с. 219—222.

Еремин М. В мире Пушкина: подробности и целое. — Вопросы литературы, 1973, № 5, с. 279—284.

Фридман Н. В. — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1973, т. 32, вып. 4, с. 384—386.

Dolansky Jul. Objevna kniha o Puškinovi. — Československá rusistika, Praha, 1973, roč. 18, čís. 4, s. 173—175.

Апикст А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М., «Наука», 1972, 643 с.

Ч. 1. Эпоха Грибоедова и Пушкина. 1800—1835. Стр. 35—58: «А. С. Пушкин и проблемы драматургии в России начала XIX века». Стр. 59—73: «„Борис Годунов“ в оценке современной критики». Стр. 74—81: «Н. А. Полевой и теория романтической драмы» [отзыв Полевого о «Борисе Годунове»].

Ч. 2. Гоголевский период. 1836—1855. Стр. 158—164: «„Борис Годунов“ и „маленькие трагедии“ Пушкина» [в главе «В. Г. Белинский как теоретик драмы»].

Антокольский П. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 3. М., «Художественная литература», 1972, 536 с.

Стр. 42—57: «Второе Болдино» [рассказ о пребывании Пушкина в Болдине]. Стр. 173—282. Раздел «Солнце русской поэзии»: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» [впервые: Знамя, 1959, № 6, с. 217—219]. — Евгений Онегин [впервые в кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1963, с. 5—20]. — Медный всадник. [1. Опыт анализа. — 2. Книжки имеют свою судьбу. — Медный всадник]. — Анна Петровна Керн [впервые в кн.: Антокольский П. О Пуш-

кпне. М., 1960, с. 79—91]. — Заметки на полях [впервые: там же, с. 95—108]. — Новое о Пушкине [впервые: там же, с. 114—132]. — Пушкин по-французски [впервые в кн.: Мастерство перевода. 1964. М., 1965, с. 327—334]. — День Пушкина [Пушкинские праздники 1970 и 1971 годов].

Ариф М. Пушкин и азербайджанская литература. — В кн.: Ариф М. Избранное. В 2-х т. Т. I. Баку, 1972, с. 341—346.

Пушкин в оценке азербайджанских писателей и поэтов. О переводах пушкинской поэзии на азербайджанский язык.

Асафьев Б. О музыке Чайковского. Избранное. Л., «Музыка», 1972, 376 с. Стр. 73—156: «Евгений Онегин». Лирические сцены П. И. Чайковского [впервые: отд. изд. М.—Л., Музгиз, 1944, 89 с.]. Стр. 327—362: «Пиковая дама» [впервые в кн.: Асафьев Б. Критические статьи, очерки и рецензии. М.—Л., 1967, с. 130—158].

Бабаев Э. Г. Поэзия Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения и поэмы. М., «Художественная литература», 1972, с. 3—20.

Батюто А. Тургенев-романист. Л., «Наука», 1972, 389 с. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).

Стр. 349—388: «К вопросу о традициях Грибоедова и Пушкина в творчестве Тургенева-романиста».

Белкин Д. И. Заметки о пушкинской трактовке национального и общечеловеческого в образе африканца Ибрагима Ганнибала. — В кн.: Литературные связи и традиции. Вып. 3. Межвуз. сборник. Горький, 1972, с. 52—63. (Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского).

Белополье, № 1. Ставрополь, Кн. изд., 1972, с. 58—62.

Беляев В. М. «Борис Годунов» Мусоргского. (Опыт тематического и теоретического разбора). — В кн.: Беляев В. М. Мусоргский. Скрябин. Стравинский. Сборник статей. Сост. И. К. Травина. М., «Музыка», 1972, с. 5—54.

Впервые в кн.: М. П. Мусоргский. Статьи и исследования. Т. I. М., 1930.

Бем А. Л. Сумерки героя. (Этюд к работе: Отражение «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского). Вступит. статья (с. 106—107) «Статья А. Бема о традициях Пушкина в творчестве Достоевского» и публик. С. В. Белова. — В кн.: Русская литература XIX в. Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1972, с. 108—119.

Впервые: Научные труды Русского народного университета в Праге, 1931, т. 4, с. 158—172.

Бессараб Майя. Смерть Пушкина. — В кн.: Бессараб Майя. Владимир Даль. Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Современник», 1972, с. 97—108. (Б-ка «Любителям российской словесности»).

Билликис Я. Продолжая размышления о «Моцарте и Сальери». — Вопросы литературы, 1972, № 4, с. 164—169.

По поводу статьи В. Рецпетера «Я шел к тебе» (Вопросы литературы, 1970, № 9).

Благой Д. Д. Две эпохи русской поэзии (Некрасов и Пушкин). — В кн.: Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван, 1972, с. 23—47. (Ереванский гос. ун-т. — Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).

Благой Д. Д. Достоевский и Пушкин. — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель. Сборник статей. М., «Художественная литература», 1972, с. 344—426. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Благой Д. От Кантемира до наших дней. [В 2-х т.]. Т. 1. М., «Художественная литература», 1972, 559 с. с портр.

Стр. 100—188: «От Пушкина до Горького». Стр. 268—285: «Смех Пушкина» [впервые: Известия АН СССР. Серия литературы и

- языка, 1969, т. 28, вып. 3, с. 185—195]. Стр. 286—303: «Фауст в аду. (Об одном неизученном замысле Пушкина)» [впервые: Исследования в чест на академик Михаил Арнаудов. Юбилеен сборник. София, 1970, с. 263—275]. Стр. 304—333: «Мицкевич и Пушкин» [впервые: Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка, 1956, т. 15, вып. 4, с. 297—314]. Стр. 334—365: «Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой» [впервые в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 4. М.—Л., 1962, с. 50—74]. Стр. 366—386: «От „Евгения Онегина“ к „Герою нашего времени“». (К вопросу о художественном методе Лермонтова) [впервые в кн.: Проблемы реализма. М., 1967, с. 293—319]. Стр. 417—501: «Достоевский и Пушкин». Стр. 531—558: «Пушкин для Горького» [впервые, под загл. «Пушкин в оценке Горького», в кн.: Горьковские чтения. 1947—1948. М.—Л., 1949, с. 263—279].
- Богаевская К. Первые чтения «Бориса Годунова».** — Наука и жизнь, 1972, № 11, с. 46—47.
- Чтения трагедии Пушкиным в 1826 г. Впервые опубликовано письмо С. А. Соболевского к М. П. Погодину от 1865 г. по поводу двух первых чтений.
- Будаков Виктор.** В краю пушкинских муз. . . — В кн.: Будаков Виктор. Далеким недавним днем. Воронеж, Центр-Чернозем. кн. изд., 1972, с. 48—63.
- Болдино и Михайловское сегодня.
- Булгаков Н. Н.** На путях реализма и народности. Ч. 2. Критический реализм. (Типология критического реализма. Пушкин и Лермонтов как реалисты). Лекции для студентов-филологов. Днепропетровск, 1972, 56 с. (М-во высш. и средн. спец. образования СССР. Днепропетровск. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией).
- Быков Николай.** Заповедное Святогорье. — Огонек, 1972, № 11, с. 30—33 с фото.
- К 50-летию Пушкинского заповедника.
- Бэлла Святослав.** За пушкинской строкой. — Наука и жизнь, 1972, № 9, с. 141—146.
- Окончание. Начало см.: Наука и жизнь, 1971, № 4, с. 102—107; № 8, с. 72—77.
- «Русский Фауст». — «Рисуй, Орловский». — «Книга палача» [сведения об исторических личностях (Я. В. Брюсе, А. Орловском, А. Сансоне), нашедших отражение в произведениях Пушкина].
- В краю великих вдохновений.** Времена года. Михайловское. Петровское. Тригорское. Святогорский монастырь. [Фотоальбом]. М., «Планета», 1972, 207 с. с ил. (Памятные места СССР).
- В вып. дан. авт.: С. Барабаш, Е. Кассин, В. Савостьянов.
- Подписи парал. на рус. и англ. яз.
- В альбоме представлены стихи А. С. Пушкина, отрывки из его писем и документов, воспоминания о А. С. Пушкине, И. И. Пущине, М. И. Осиповой, А. П. Керн и др.
- Вакс И.** Неисчерпаемый Пушкин. — Библиотекарь, 1972, № 5, с. 50—54.
- Обзор новых книг о поэте в помощь библиотекаряю.
- Ватейшвили Джуаншер.** Пушкинская оценка первой русской газеты на Кавказе. — Литературная Грузия, 1972, № 8, с. 78—83.
- «Тифлисске ведомости» 1828—1832 гг.
- Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.** Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., «Книга», 1972, 319 с.
- Пушкин и цензура в 1826—1837 гг. Проблематика и цензурная история «Отрывков из писем, мыслей и замечаний». Оценка Пушкиным Карамзина в 1826—1837 гг. Статья «Александр Радищев». Пушкин и И. В. Киреевский. Цензурная история «Анджело». Пушкин и Уваров. Пушкин и В. С. Филимонов. Цензурная история «Современника» (статей А. И. Тургенева и стихов Д. Давыдова, Пушкина («Полководец»), Тютчева). Цензоры Пушкина (А. Л. Кры-

лов, П. И. Гаевский, П. А. Корсаков). Глава «Подвиг честного человека» впервые напечатана в кн.: «Прометей», т. 5. М., 1968, с. 8—51.

Ред.:

Вигилянский В. — Новый мир, 1973, № 12, с. 277—278.

Смирнов И. — Звезда, 1973, № 5, с. 218—219.

Верхось Н. Р. К вопросу о распространении творчества А. С. Пушкина среди народов СССР. — Ученые записки Юго-Осет. гос. пед. ин-та, Цхинвали, 1972, т. XVI, Серия гуманитар. наук, с. 203—216.

Веселовский Ю. А. Очерки армянской литературы, истории и культуры. Вступит. статья, сост., ред. и примеч. А. Давтян. Ереван, «Айастан», 1972, 502 с.

Стр. 346—351: «Поэзия Пушкина в преддверии Азии» [впервые в кн.: Пушкинский сборник... СПб., 1899, с. 651—654].

Виноградов А. Ф. Тематические модификации в архитектонике романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». — В кн.: Русская литература XIX в. Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1972, с. 78—80. (Ученые записки Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, вып. 132).

Вокальные и хоровые сочинения советских композиторов на стихи А. С. Пушкина. (Информационный список). Ред.-сост. Ю. Макарова и Л. Ситковецкая. М., 1972, 55 с. (Всесоюз. бюро пропаганды советской музыки Союза композиторов СССР).

Воркунова Н. Образ поэтического раздумья. — Художник, 1972, № 9, с. 6—7.

Новый памятник Пушкину в селе Пушкино Молдавской ССР. Скульптор О. Комов, архитектор Р. Курц.

Воробьева И. Новое о «крепостной любви» Пушкина. — Вопросы литературы, 1972, № 8, с. 250—252.

Запись в метрической книге с. Болдино от 1 апреля 1833 г., где Пушкин назван восприемником сына О. М. Калашниковой.

Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., «Наука», 1972, 135 с. (АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Пушкинская комиссия).

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. М. А. Демментьев и И. М. Ободовская. Неизвестное письмо А. С. Пушкина к Д. Н. Гончарову (комм. Т. Г. Цявловской); Н. Н. Петрунина. Новый автограф «Полковода»; Г. М. Воронцов-Вельяминов. Пушкин в воспоминаниях дочери Николая I; Э. Г. Герштейн и В. Э. Вацуро. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине; Р. Ю. Данилевский. Пушкин и Кизветтер; Е. И. Гаврилова. Пушкин и Карл Брюллов. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1970 года; Я. М. Боровский. О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык. — III. Мелкие заметки. А. Гляссе. Об источнике одной лицейской эпиграммы Пушкина; Д. М. Шарыпкин. Исповедь Финна в поэме «Руслан и Людмила»; Я. Л. Левкович. К творческой истории перевода Пушкина «Из Ксенофана Колофонского»; Г. М. Кока. Стихотворение Пушкина «Художнику»; П. П. Ширмаков. А. И. Куприн о Пушкине. (Об одном неосуществленном замысле А. И. Куприна). — IV. Хроника. Государственный музей А. С. Пушкина в 1970 г.; Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1970 г.; Государственный Пушкинский заповедник в 1970 г.; Памятник Пушкину в городе Моиро; Список иллюстраций.

Вуич Лада. Грагер Павлинов. — В кн.: Прометей, т. 9. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 218—228 с ил. (Жизнь замечательных людей).

Портреты Пушкина и иллюстрации к «Русалке».

Гальченко И. Е. «Русский язык... переимчивый и общежительный». — Русская речь, 1972, № 6, с. 23—27.

Использование Пушкиным кавказской лексики.

Ганнибал в Полтаве. — Радуга, 1972, № 2, с. 183.

Участие А. П. Ганнибала в Полтавской битве.

- Гейченко Семен. На пушкинской земле. — В кн.: Вече. Лит. сборник. Вып. 1. Псков, Лениздат, Псковское отд-ние, 1972, с. 65—81.
- Гессен А. «Городок» книги и библиотека А. С. Пушкина. — Книжная торговля, 1972, № 3, с. 60—62.
- Гессен А. Жизнь поэта. Научн. ред. С. М. Петрова. Оформл. Е. Когана. М., «Детская литература», 1972, 479 с. с ил. ([Для средн. и старш. возраста]).
- Гессен А. «Звучал мне долго голос нежный...». — Музыкальная жизнь, 1972, № 22, с. 21—23.
- К истории романа М. И. Глинки «Я помню чудное мгновенье». Пушкин и А. П. Керн.
- Гинзбург С. Л. Пушкин и грузинская песня. — В кн.: Гинзбург С. Л. Из истории музыкальных связей народов СССР. Избранные статьи и выступления. Л.—М., «Советский композитор», 1972, с. 70—87.
- Впервые в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.—Л., 1953, с. 314—334.
- Гладышева С. [Рец. на кн.: Жизнь и лира. М., «Книга», 1970]. — Молодая гвардия, 1972, № 1, с. 315—316.
- Глухов А. И. Сатирическая поэма М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша» (к вопросу о традициях Пушкина и Гоголя). — В кн.: О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. Вып. 2. Уфа, 1972, с. 94—108. (Ученые записки Башкирск. ун-та им. 40-летия Октября, вып. 51, Серия филолог.).
- Гордин Яков. Михайловское — поэзия и заботы. — Аврора, 1972, № 7, с. 66—69.
- Городецкий Б. П. Традиции Пушкина и русская советская поэзия. — В кн.: Русская советская поэзия. Традиции и новаторство. 1917—1945. Л., «Наука», 1972, с. 62—89. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).
- Грехнев В. А. Пушкинское «Заклинание» и проблема элегической традиции. — Науч. докл. высш. школы. Филолог. науки, 1972, № 1, с. 14—23.
- Громова Любовь Ивановна. История иллюстрирования сказок Пушкина. (Опыт комплексного исследования истории иллюстрирования литературного произведения). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. искусствоведения. М., 1972, 23 с. (М-во высш. и средн. спец. образования СССР. — Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова).
- Гюликехьян Гайк Габриелович. Эстетические принципы драматургии Пушкина. — Литературная Армения, 1972, № 2, с. 84—91.
- Лекция на юбилейной научной сессии в Ереванском русском педагогическом институте, посвященной 150-летию со дня рождения Пушкина.
- Дайчик А. Б. Принципы историзма в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». — В кн.: Актуальные вопросы современной науки. (Некоторые вопросы гуманист. наук). Ч. 2. Днепропетровск, 1972, с. 81—88. (М-во высш. и средн. спец. образования СССР. — Днепропетровский гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией).
- Дамдинов Николай. Прообраз пушкинского «Демона». — Вопросы литературы, 1972, № 8, с. 179—184.
- Декабрист В. Ф. Раевский — предполагаемый прототип «Демона».
- XXV Герценовские чтения. Литературоведение. Краткое содержание докладов 1972 г. Л., 1972, 120 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Стр. 21—23: Н. Д. Тамарченко. Пушкин и «проклятый вопрос» о «гордом человеке». Стр. 23—25: М. Л. Нольман. Образный строй трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Стр. 31—34:

- М. Н. Дарвин. «Стихотворения, присланные из Германии». (К вопросу о публикации стихотворений Ф. И. Тютчева в пушкинском «Современнике»). Стр. 71—72: М. Ф. Пьяных. Баллада Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» в творческом сознании Блока. Стр. 105—108: В. Г. Маранцман. Читательская оценка и проблемная ситуация на уроке литературы. (Образ Ленского в школьном изучении).
- Джидеева К. Поэтический перевод и взаимообогащение литератур. Фрунзе, «Кыргызстан», 1972, 116 с.
Стр. 54—76: § 3. Усовершенствование переводов лирики А. С. Пушкина на киргизский язык как показатель роста национальной литературы.
- Дозорец Ж. А. Соотношение стихотворной строки с речевым звеном и предложением (на материале стихотворений А. С. Пушкина). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. М., 1972, 25 с. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
- Долматовский Евгений. Записки поэта. — В кн.: Поэзия, вып. 6. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 144—159.
Стр. 144—153: «Паломничество в Михайловское».
- Драбкина Елизавета. Кастальский ключ. Рис. А. Мищенко. — Юность, 1972, № 9, с. 70—92 с ил.; № 10, с. 76—91 с ил.
Пушкин после 1825 г. Празднование юбилея 1887 г. Отношение Ленина к Пушкину.
- Дудевски Христо. Пушкин в Болгарии. — Русская литература, 1972, № 2, с. 207—219.
- Еремин А. Пушкин в Болдине. Горький, Волго-Вятское кн. изд., 1972, 144 с.
Содерж.: Предисловие. — «Что за прелесть здешняя деревня!». — Страницы воспоминаний и легенд. — Первый приезд. — Пора литературных трудов. — Дорога на восток. — Вторая болдинская осень. — Последний приезд. — Заключение.
- Жезлова Е. «И пробуждается поэзия во мне...». — Знание — сила, 1972, № 9, с. 36—37.
Рец. на кн.: Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 годов. М., 1971, 232 с.
- Житомирская С. 37 страниц рукою Пушкина. — Наука и жизнь, 1972, № 8, с. 80—85.
Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера, поступившие в отдел рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- Задонский Николай. Любопытная старина. Ист. и литер. этюды. Воронеж, Центр.-Чернозем. кн. изд., 1972, 223 с.
Стр. 132—145: «Пушкин на Кавказе».
- За пределами науки. — Вопросы литературы, 1972, № 8, с. 161—175.
Перед загл. авт.: М. Алексеев, Д. Лихачев, Н. Бельчиков, Л. Тимофеев, С. Макашин.
По поводу статьи М. И. Мальцева «К спору о Пушкине» (Вопросы русской и чувашской филологии, вып. 1. Чебоксары, 1971).
- Западов А. В глубине строки. О мастерстве читателя. М., «Советский писатель», 1972, 279 с.
Стр. 47—78: Гл. 2. Чудо «Шиковой дамы».
- Зелинская Г. Д. Дееспричастные формы в языке А. С. Пушкина. — В кн.: Проблемы мовы і літаратуры. Міжвузаўскі зборнік. Мінск, 1972, с. 56—64. (Гомельскі дзярж. ун-т).
- Иванчикова Е. А. Присуждение премии имени А. С. Пушкина. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1972, т. 31, вып. 3, с. 294—295.
Премия присуждена академику В. В. Виноградову (посмертно) за цикл исследований в области поэтики и стилистики.

- Карташова И. В. Романтизм и формирование драматургической системы Пушкина («Борис Годунов»). — В кн.: Романтизм в художественной литературе. Казань, Изд. Казан. ун-та, 1972, с. 23—38.
- Кашкова В. Ф. Пушкин и Торжок. [Буклет]. Калинин, 1972, 6 с. (Калинин. обл. отделение Всесоюз. о-ва охраны памятников истории и культуры).
Ред.: А. С. Пьянов. Худ.: Л. В. Андреев, М. А. Варламов.
- Кедров Константин. Вселенная Пушкина в романе «Евгений Онегин». Пушкин и Лобачевский в Казани. — В кн.: Слово молодым. Второй сборник произведений молодых авторов литературного объединения при Музее А. М. Горького. Сост. С. Н. Никольский. Казань, Татар. кн. изд., 1972, с. 142—156.
- Кийко Е. В. Г. Белинский. Очерк лит.-критич. деятельности. М., «Просвещение», 1972, 176 с. (Б-ка словесника).
Стр. 77—99: «Белинский — историк литературы. Статьи о Пушкине».
- Кикнадзе Григорий. О чувстве природы в лирике Пушкина. — Литературная Грузия, 1972, № 4, с. 70—75.
- Кирплюк З. В. Проблема характера в теории и практике художественного перевода. — Вісник Київ. ун-ту. Серія філолог., 1972, № 14, с. 44—51.
На примере перевода «Кавказского пленника» на украинский язык, выполненного В. Сосурой.
- Кирпотин В. Я. У истоков романа-трагедии. Достоевский. — Пушкин. — Гоголь. — В кн.: Кирпотин В. Я. Достоевский-художник. Этюды и исследования. М., «Советский писатель», 1972, с. 43—120.
Впервые в кн.: Достоевский и русские писатели. Сборник статей. М., «Советский писатель», 1971, с. 9—86.
- Клепикова Елена. Памятник в гриме. — Аврора, 1972, № 5, с. 70—72.
О пьесах Ю. Дынова «Пушкин в Одессе», Ю. Свирина «Болдинская осень» и В. Коростылева «Шаги командора».
- Колотвин В. Заметки о синонимах (на материале произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова). — В кн.: Сборник научных трудов. М., 1972, с. 120—123. (Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза).
- Конкин С. С. Пушкин в критике Писарева. — Русская литература, 1972, № 4, с. 50—74.
- Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. Для студентов-заочников III—IV курсов факультетов рус. яз. и лит. пед. ин-тов. М., «Просвещение», 1972, 111 с. (Гл. упр-ние высш. и средн. пед. уч. заведений М-ва просвещения РСФСР. — Моск. гос. заоч. пед. ин-т).
Стр. 87—97: «Словесный способ выражения авторского сознания в трагедии А. С. Пушкина „Борис Годунов“».
- Корнеев А. Неизвестные страницы пушкинианы. — В мире книг, 1972, № 4, с. 38.
Рец. на кн.: Бонди С. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 годов. М., «Просвещение», 1971, 232 с.
- Коровил В. Что сказали о Пушкине София Николаевна и Михаил Михайлович... — Вопросы литературы, 1972, № 1, с. 105—118.
Рец. на кн.: Косман С. Дневник Пушкина. История одного преступления. Париж, 1970.
- Котельникова Л. М. Изучая «Капитанскую дочку»... — В кн.: Казань в истории русской литературы. Сб. 3. Казань, 1972, с. 109—115. (Ученые записки Казан. гос. пед. ин-та, вып. 101).
- Красухин Г. Великий спор. (Пушкин и Тютчев). — Вопросы литературы, 1972, № 11, с. 88—108.
- Кулепов Василий Иванович. История русской критики XVIII—

XIX веков. [Учеб. пособие для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов]. М., «Просвещение», 1972, 526 с.

Стр. 123—137: Гл. 2. Статьи и заметки Пушкина и Гоголя [в разделе «На подступах к реалистической критике. 1820—1830 годы»].

Куликов С. Материалы об И. Л. Линева — авторе портрета А. С. Пушкина. — Искусство, 1972, № 8, с. 63—67 с портр.

История последнего прижизненного портрета Пушкина.

Курочкина Г. «Там чудеса...». — Дошкольное воспитание, 1972, № 11, с. 61—65.

Иллюстрации Т. А. Мавриной к произведениям Пушкина.

Л. С. «Болдинские чтения» 1971 г. — Вопросы литературы, 1972, № 2, с. 247—248.

Изложение докладов, сделанных на Второй научной конференции в Болдине.

Лагина Н. [Рец. на кн.:] Басина М. Там, где шумят михайловские рощи. Л., «Детская литература», 1971, 239 с. — Литература в школе, 1972, № 3, с. 88—89.

Ллепа Марис. Балетная пушкиниана. — Театр, 1972, № 5, с. 149—150.

Рец. на книги: Эльяш Н. Пушкин и балетный театр. М., «Искусство», 1970, 343 с.; Эльяш Н. Авдотья Истомина. Л., «Искусство», 1971, 188 с.

Лнокумович Т. Внучка Пушкина. — Неман, 1972, № 1, с. 179—181 с фото.

Наталья Александровна Пушкина, в замужестве Воронцова-Вельяминова.

Лихтенштейн Е. Отравил ли Сальери Моцарта? — Знание — сила, 1972, № 11, с. 42—44.

Лобикова Н. «Памятник» Пушкина и «Завещание» Саади. — Азия и Африка сегодня, 1972, № 10, с. 42—43.

Лузянина Л. Н. Проблемы истории в русской литературе первой четверти XIX века. (От «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина до трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Л., 1972, 16 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

Магазаник Э. Две Лизы: крестьянка-барышня и барышня-крестьянка. — Труды Самарк. гос. ун-та им. Навои, 1972, Новая серия, № 200. Вопросы теории и истории литературы, с. 47—58.

«Бедная Лиза» Карамзина и «Барышня-крестьянка» Пушкина.

Маймин Е. А. Опыты литературного анализа. М., «Просвещение», 1972, 207 с.

Стр. 37—59: «Композиция художественного произведения. Особенности композиции романа „Евгений Онегин“».

Малеванов Н. А. «Петра питомец» А. П. Ганнибал. По новым архивным материалам. — Нева, 1972, № 2, с. 190—193.

Мануйлов В., Холшевникова Е. О романе «Дубровский». — В кн.: Пушкин А. С. Дубровский. Л., «Детская литература», 1972, с. 84—94. (Школьная б-ка).

Впервые в кн.: Пушкин А. С. Дубровский. Л., 1964, с. 71—79.

Манько А. В. Сын Пушкина — участник освободительной войны 1877—1878 гг. — В кн.: Ставрополье, № 4. Ставрополь, 1972, с. 73—80.

А. А. Пушкин.

Марьянов Б. Легенда о блудном сыне. 135 лет со дня смерти А. С. Пушкина. — Наука и религия, 1972, № 2, с. 73—79; № 6, с. 64—72.

По поводу легенды о религиозности Пушкина.

Матафонов В. С. «Пиковая дама» А. С. Пушкина в гравюрах и оформлении Г. Д. Елифанова. — В кн.: Книга и графика. Сборник, посвященный 80-летию чл.-корр. АН СССР А. А. Сидорова. Сост.

- Э. В. Венгерова-Зилинг. М., «Наука», 1972, с. 253—256. (АИ СССР. Науч. совет по истории мировой культуры).
- Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1972, 242 с. (Тарт. гос. ун-т).
- Стр. 45—48: И. Смирнова. «Записки А. О. Смирновой» как источник по истории русской литературы 20—30-х годов XIX века. Стр. 190: А. В. Лорткипанидзе. Книжная лексика в повествовательном стиле повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Стр. 191: Д. З. Гоциридзе. Неполногласные и полногласные формы на материале повести «Капитанская дочка».
- Матюшкин Ф. Ф. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головкина. Публ., вступит. статья и комм. Л. А. Шура. — В кн.: Прометей, т. 9. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 149—176. (Жизнь замечательных людей).
- Впервые: Латинская Америка, 1971, № 1, с. 144—159; № 2, стр. 148—162.
- Мейлах Б. С. Судьба кавказской темы в творческом пути Пушкина. — Литературная Грузия, Тбилиси, 1972, № 1, с. 66—72.
- Митин Генрих. Он служил своему веку... Писарев о Пушкине. — Литературный Азербайджан, Баку, 1972, № 6, с. 112—122.
- Михалев А. Н. Рисунок поэта. — Русский язык в киргизской школе, Фрунзе, 1972, № 3—4, с. 63—64.
- Рец. на кн.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., «Искусство», 1970, 168 с.
- Мревлишвили Т. Н. Речевая характеристика персонажей повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». — В кн.: Мревлишвили Т. Н. О языке русских писателей. Тбилиси, Изд. Тбил. ун-та, 1972, с. 36—49.
- Музеи и парки Пушкина. [Иллюстрированный путеводитель]. Изд. 4-е, испр. и доп. Л., Лениздат, 1972, 136 с. с ил.
- Перед загл. авт.: Г. П. Балог, Е. С. Гладкова, Л. В. Емина, В. В. Лемус.
- Стр. 102—117: Г. П. Балог. Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Стр. 118—127: Е. С. Гладкова. Пушкинские места.
- Назарова Грапата. В соседстве с Пушкиным. — Аврора, 1972, № 4, с. 72—74 с ил.
- Дом № 14 на Мойке, где жил И. И. Пушкин.
- Наполова Т. Историческое и художественное время в кавказской лирике Пушкина. — В кн.: Литература и Кавказ. Ставрополь, 1972, с. 18—31. (Ставропольский гос. пед. ин-т).
- Непомнящий В. Заметки о сказках Пушкина. — Вопросы литературы, 1972, № 3, с. 124—151.
- Нестеров М. Н. Художественно-стилистическое использование языка исторических документов в романе Ю. Н. Тынянова «Пушкин». — В кн.: Вопросы литературы. Курск, 1972, с. 139—162. (Ученые записки Курск. гос. пед. ин-та, т. 94).
- Никишов Ю. М. Онегин и Татьяна. — Науч. докл. высш. школы. Филолог. науки, 1972, № 3, с. 16—26.
- Анализ образов.
- Озеров Лев. Мастерство и волшебство. Книга статей. М., «Советский писатель», 1972, 392 с.
- Раздел I. Пушкин. Тютчев. Фет. Стр. 9—37: «Всяк сущий в ней язык».
- Озеров Лев. Росчерком гусяного пера. — Огонек, 1972, № 8, с. 28—29.
- Рец. на кн.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., «Искусство», 1970, 168 с.
- Орлова Е. М. П. И. Чайковский. — В кн.: Русская музыкальная литература. Изд. 3-е. Вып. III. Л., «Музыка», 1972, с. 178—326.
- Стр. 229—255: «Евгений Онегин». Стр. 256—288: «Пиковая дама».

- Паїчадзе Г. Г. Об одной заметке А. С. Пушкина. — Вестник от-дня обществ. наук АН ГССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, Тбилиси, 1972, № 2, с. 79—80.
- Запись Пушкина «О Путешествии Арт. Ар.», впервые расшифрована К. Н. Григорьяном в статье «Книга Артемия Араратского в библиотеке Пушкина» (Известия АН Арм. ССР. Серия обществ. наук, 1955, № 11, с. 87—88, на арм. яз.).
- Панова В. Ф. Негаснувший свет. (О Пушкине). — В кн.: Панова В. Ф. Заметки литератора. Л., «Советский писатель», 1972, с. 50—56.
- Петрова З. М. Опальный домик. — Русская речь, 1972, № 6, с. 98—100. Этимология слова «опальный».
- Петрунина Н. Н. Пушкин и Загоскин («Капитанская дочка» и «Юрий Милославский»). — Русская литература, 1972, № 4, с. 110—120.
- Петрунина Нина Николаевна. Пушкин — художник и историк в работе над пугачевской темой (1832—1834). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Л., 1972, 19 с. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).
- Пеуранин Эрки Олави. Лирика А. С. Пушкина 1830-х годов. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. М., 1972, 27 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филолог. фак.).
- Пини О. А. XXI Пушкинская конференция. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1972, т. 31, вып. 1, с. 94—97.
- XXI Всесоюзная Пушкинская конференция, проведенная Институтом русской литературы и Тбилисским университетом в Тбилиси в 1971 г. Изложение докладов.
- Пини О. А. Пушкин и Достоевский. — Русская литература, 1972, № 4, с. 237—239.
- Научное заседание, посвященное теме «Пушкин и Достоевский», организованное сектором новой русской литературы Пушкинского Дома АН СССР. Изложение докладов.
- Портнов В. С. Пушкин и Некрасов. (О реализме в русской поэзии). — Русский язык и литература в азербайджанской школе, Баку, 1972, № 9, с. 73—86.
- Поэты пушкинской поры. [Антология]. Сост., вступит. статья «Лирика пушкинской поры» (с. 5—40) и примеч. Н. Л. Степанова. М., «Художественная литература», 1972, 574 с.
- Поэты пушкинской поры. Избранные стихотворения. Сост. [авт. вступит. статьи (с. 7—24), биогр. справок, коммент. и примеч.] В. Орлов. [Изд. 3-е. Ил.: В. Высоцкий]. М., «Детская литература», 1972, 415 с. с портр. ([Школьная б-ка. Для средн. школы]).
- Авт.: К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов, Н. И. Гнедич, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, П. А. Катенин, В. Ф. Раевский, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский и др.
- Предания и песни болдинской старины. Горький, Волго-Вятск. кп. изд., 1972, 111 с.
- Содерж.: Ю. Левина и И. Сидорова. Предания и песни болдинской старины. — Рассказы Ивана Васильевича Киреева. Лпг. обработка И. Сидоровой. Примеч. Ю. Левиной. — Песни села Болдина. Запись и примеч. Л. Дорониной. Нотация напевов М. Лобанова.
- Рец.: Баханов Б. Песни села Болдина. — Наш современник, 1973, № 4, с. 188—189.
- Прийма Ф. Я. Проблема национального и общечеловеческого в творчестве Пушкина. — Русская литература, 1972, № 1, с. 3—18.
- Прохоров Е. И. Работы разных лет. — Вопросы литературы, 1972, № 4, с. 200—203.
- Рец. на кн.: Бонди С. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 годов. М., «Просвещение», 1971, 232 с.

Пухов В. Заповедное имя. — В мире книг, 1972, № 1, с. 45.

Рец. на кн.: Гейченко С. С. У лукоморья. Л., Лениздат, 1971, 248 с.

Пушкинская конференция в Ереване. — Литературная Армения, 1972, № 11, с. 89—90.

XXII Пушкинская конференция на тему «Пушкин и культура народов СССР», проведенная Институтом русской литературы и Армянским педагогическим институтом им. Х. Абовяна.

Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сб. 1. Калинин, 1972, 114 с. (Калинин. гос. ун-т).

Содерж.: От редакции. — В. А. Никольский. Пушкин в 1828 и 1829 годах. — А. В. Гончарова. О возможных тверских источниках «Сказки о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина. — В. Ф. Кашкова. Связи А. С. Пушкина с Торжком и Новоторжским уездом бывшей Тверской губернии. — В. Н. Соколова, Д. А. Цветков. А. С. Пушкин в городе Старице и Старицком уезде. — Т. Н. Сидельникова. Лирическая пушкиниана советских поэтов. — В. А. Редькин, Н. Рыленков и пушкинская поэтическая традиция.

Пушкинский сборник. Псков, 1972, 131 с. (Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 483).

Содерж.: Е. А. Маймин. «Борис Годунов» Пушкина и исторические драмы Хомякова. — З. Я. Рез. Стихотворение А. С. Пушкина «Вновь я посетил» в школьном изучении. — Ю. Н. Чумаков. «Осень» Пушкина в аспекте структуры и жанра. — В. П. Скобелев. Пугачев и Савельич (к проблеме народного характера в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»). — Е. А. Маймин. О философской лирике А. С. Пушкина. — А. И. Голышева. Пушкин в исследованиях американских славистов. — Л. И. Вольперт. Пушкин и Шодерло де Лакло (на пути к «Роману в письмах»). — Б. О. Корман. Субъектная структура стихотворения Баратынского «Последний поэт» (к вопросу о соотношении лирики Баратынского и Пушкина).

Пьянов Алексей. «Пушкинское кольцо» Верхневолжья. — Юность, 1972, № 6, с. 65—69.

Содерж.: Берновский «Парнас». — «Иные нужны мне картины...». — «Вельяшева, мною некогда воспетая...». — На родине Евгения Онегина.

Рабинович Е. Г. «Пир» Платона и «Пир во время чумы» Пушкина. — В кн.: Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского. М., «Наука», 1972, с. 457—470.

Рабкина Нина. Золотая середина. — Простор, Алма-Ата, 1972, № 5, с. 86—89.

Н. Н. Пушкина-Ланская и П. П. Ланской.

Радо Д., Тарди Л. Первый венгерский переводчик Пушкина в Грузии. — В кн.: Литературные взаимосвязи. Сб. III. Тбилиси, «Мецниереба», 1972, с. 18—26. (АН Груз. ССР. Ин-т истории грузинской литературы им. Ш. Руставели).

«Кавказский пленник» в переводе Герега Надляки-Якшича, выполненный им во время путешествия по Кавказу в 1824 г. Рукопись перевода обнаружена в библиотеке монастыря Паннонгальма в 1966 г.

Развитие реализма в русской литературе. В 3-х т. Т. I. М., «Наука», 1972, 351 с.

Стр. 164—233: IV. Становление критического реализма (Пушкин, Лермонтов, Гоголь).

Разумневич Владимир. Пушкиным окрыленный... Заметки о книгах писателя А. Гессена. — Дошкольное воспитание, 1972, № 7, с. 117—119.

- Резников Л. Моцарт и Сальери. (Заметки о нравственной позиции художника). — Север, 1972, № 6, с. 98—110.
Стр. 99—100: 2. Легенда кончилась — вопросы остались.
Стр. 106—110: 5. Моцарт и Сальери.
- Рождественский Всеволод. В созвездии Пушкина. Книга о русских поэтах. М., «Современник», 1972, 222 с. (Б-ка «Любителям русской словесности»).
- Рождественский Всеволод. Шкатулка памяти. Новеллы. Л., Лениздат, 1972, 190 с. с ил.
Стр. 156—160: «Кипарис Пушкина» [впервые: Ленинград, 1945, № 1—2, с. 9]. Стр. 161—172: «Тригорское». Стр. 173—189: «Ее письма. Легенда для пушкинистов» [впервые: Ленинград, 1945, № 6, с. 8—11].
- Русаков Виктор. Сын поэта. — В кн.: Вече. Лит. сборник. Вып. 1. Псков, Лениздат, Псковское отделение, 1972, с. 235—255.
А. А. Пушкин.
- Салинка Витаутас Антано. Н. А. Полевой — журналист и критик пушкинской эпохи. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Л., 1972, 24 с. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. — Ленингр. ун-т им. А. А. Жданова).
- Селиверстов А. А. Пушкин и Кольцов. — В кн.: Вопросы русской литературы. Куйбышев, 1972, с. 76—89. (Науч. труды Куйбышев. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, т. 99).
- Сидеравичюс Р. Творчество Пушкина в Литве. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Вильнюс, 1972, 18 с. (Вильнюсский ун-т им. В. Капсукаса).
- Сквозников В. Последние повести Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Дубровский. — Капитанская дочка. М., «Художественная литература», 1972, с. 3—14. (Народная б-ка).
Впервые в кн.: Пушкин А. С. Дубровский. — Капитанская дочка. М., 1963, с. 5—17.
- Соловей Н. Я. Черновики Пушкина. — Литература в школе, 1972, № 5, с. 81—83.
Рец. на кн.: Бонди С. Черновики Пушкина. М., «Просвещение», 1971, 232 с.
- Соловьев Владимир. Параллели. Гипотеза о болдинском творчестве Пушкина. — Аврора, 1972, № 9, с. 69—72.
Связь «Домика в Коломне» с «маленькими трагедиями».
- Соловьев Владимир. Пушкин. Драма в 4-х актах, девяти карт. — В кн.: Соловьев Владимир. Великий государь. Царь Юрий. Дилогия. — Пушкин. Драммы в стихах. М., «Советский писатель», 1972, с. 269—399.
- Соловьев Владимир. Фрагментарная драма и лирическая поэзия. О «Пире во время чумы» А. С. Пушкина. — Театр, 1972, № 5, с. 112—123.
- Степанов Лев. Грань таланта. — В кн.: Кубань, № 6. Краснодар, 1972, с. 114—117.
Юмор Пушкина.
- Такшина Г. В. Из истории изучения литературно-критической деятельности А. Дельвига. — В кн.: Вопросы литературы. Курск, 1972, с. 163—171.
Рецензия Дельвига о «Борисе Годунове» Пушкина, напечатанная в «Литературной газете» (1831, №№ 1, 2).
- Тамарченко Натан Давидович. «Пиковая дама» А. С. Пушкина и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. (О преемственности нравственно-философской проблематики и жанровой традиции). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. Л., 1972, 22 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

- Твардовский А. Т. Статьи и заметки о литературе. Изд. 3-е, доп. М., «Советский писатель», 1972, 294 с.
- Стр. 5—10: «Пушкин». Стр. 252—270: «Слово о Пушкине. (Речь на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 125-летию со дня смерти Пушкина)».
- Теплов Б. Заметки психолога при чтении художественной литературы. — Знание — сила, 1972, № 6, с. 55—57.
- Впервые: Вопросы психологии, 1971, № 6, с. 122—130.
- Теребенина Р. Е. Поступления в лицейское собрание Пушкинского фонда. (Листок из «Лицейской антологии, собранной трудами предшловутого „ийший“», новые автографы А. А. Дельвига). — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1972, т. 31, вып. 2, с. 176—184.
- Тихонов Николай. Писатель и эпоха. Выступления, литературные записи, очерки М., «Советский писатель», 1972, 590 с.
- Раздел II. Слава поэзии. Стр. 297—304: Александр Пушкин. Речь о Пушкине [впервые: Правда, 1937, № 41, 11 февраля, с. 3]; Пушкин и советская поэзия [впервые: Лит. газ., 1937, № 11, 26 февраля, с. 3]; В пушкинских местах.
- Тойбин И. М. О «Капитанской дочке» Пушкина. (К проблеме национального своеобразия). — В кн.: Вопросы литературы. Курск, 1972, с. 116—138. (Учен. зап. Курск. гос. пед. ин-та, т. 94).
- Токарева Е. И. Народные варианты «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы жанров русского фольклора. Сборник статей. Под ред. Н. И. Кравцова. М., Изд. МГУ, 1972, с. 111—130.
- Удалова Л. И., Стрелкова В. Н. Адъективированные причастия в стихотворениях А. С. Пушкина. — Удалова Л. И. Из наблюдений над адъективированными причастиями в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Научно-практические очерки по русскому языку. Вып. 6. Курск, 1972, с. 89—99, 100—112. (Науч. тр. Курск. гос. пед. ин-та, т. 8).
- Филиппова Н. Ф. Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М., «Книга», 1972, 142 с. с ил. (На обл.: Судьбы книг).
- Рец.:
Краснова Е. — В мире книг, 1972, № 7, с. 41.
Лобикова И. Судьба трагедии Пушкина «Борис Годунов». — Вопросы литературы, 1973, № 4, с. 270—272.
Ломуков К. Н. Биография книги. — Лит. в школе, 1973, № 4, с. 75—76.
- Филиппова Н. Поэтическая композиция о Пушкине. — Театр, 1972, № 1, с. 138—139.
- Композиция «Когда постиг меня судьбины гнев» в исполнении В. Ланового, В. Малявиной и А. Кайдаковского. Авторы: А. Брискиндова и А. Кайдаковский.
- Фоняков Илья. [Рец. на кн.:] Иванов В. Н. Пушкин и его время. Хабаровск, 1970. — Сибирские огни, 1972, № 1, с. 179—184.
- Фридман Н. В. [Рец. на кн.:] Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., «Искусство», 1970, 167 с. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1972, т. 31, вып. 1, с. 79—81.
- Фризман Л. О лирике Пушкина. — Литература в школе, 1972, № 3, с. 82—84.
- Рец. на кн.: Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. Л., «Промсвещенне», 1970, 184 с.
- Фризман Л. Семь муз. — Вопросы литературы, 1972, № 2, с. 211—214.
- Рец. на кн.: Семенов И. М. Поэты пушкинской поры. М., «Художественная литература», 1970, 295 с.
- Халмирзаева Г. Женские образы у А. С. Пушкина. — В кн.: Тезисы докладов XXXI студенческой научной конференции 24—29 апреля

1972 г. (Филолог. науки). Самарканд, 1972, с. 23—25. (Самарк. гос. ун-т им. А. Навои).

- Ходзинский В. А. Г. В. Плеханов о Пушкине. (По материалам архива Дома Плеханова). — Науч. докл. высш. школы. Филолог. науки, 1972, № 3, с. 69—76.
- Шамаро Александр. Дом, где родился Пушкин. — Наука и религия, 1972, № 6, с. 73—80.
- Шапиро С. Пушкиниана на почтовых марках. — Дальний Восток, Хабаровск, 1972, № 4, с. 147—149.
- Ширжецкий Алексей Николаевич. Белинский и Герцен о лишних людях в творчестве Пушкина и Лермонтова. Ростов н/Д., 1972, 27 с. (Рост. н/Д. гос. ун-т).
- Шницгал А. Г. Шрифты в прижизненных изданиях А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. — В кн.: Книга и графика. Сборник, посвященный 80-летию чл.-корр. АН СССР А. А. Сидорова. Сост. Э. В. Венгерова-Зилинг. М., «Наука», 1972, с. 173—178. (АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры).
- Эйдельман Н. «Где и что Липранди.?» — В кн.: Пути в неизяемое. Писатели рассказывают о науке. Сб. 9. М., «Советский писатель», 1972, с. 125—158.
- К биографии Пушкина кишиневского периода.
- Эйдельман Н. Я. Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера. — В кн.: Записки Отдела рукописей. Вып. 33. М., «Книга», 1972, с. 280—320. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).
- Эйдельман Н. О гибели Пушкина. (По новым материалам). — Новый мир, 1972, № 3, с. 201—226.
- Эйдельман Н. Что наши? Что друзья? — Знание — сила, 1972, № 4, с. 32—36, № 5, с. 41—46.
- О друзьях Пушкина по Лицею.
- Эльзон М. Д. «Puschkiniana» А. Г. Фомина (1929—1937). — Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской, 1972, т. 24, с. 116—130.
- Юренев Р. Кинорежиссер Евгений Червяков. М., Союз кинематографистов СССР. Бюро пропаганды советского киноискусства, 1972, 64 с. Стр. 11—17: «Оживший Пушкин» [Е. В. Червяков в фильме «Поэт и царь»].
- Яшин Михаил. Поэт и царь (1826—1829 годы). — Нева, 1972, № 6, с. 184—194; № 8, с. 184—191.
- К истории взаимоотношений Пушкина и Николая I.

ПУШКИН В ШКОЛЕ

- Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. — В кн.: Белинский В. Г. Избранные статьи. Вступит. статья и примеч. С. Машинского. М., «Детская литература», 1972, с. 110—184. (Школьная б-ка).
- Беседина Т. А. «На холмах Грузии». — В кн.: Вопросы теории и методики русского языка и литературы. (Учителю-словеснику). Архангельск, 1972, с. 193—202. (Вологодский гос. пед. ин-т).
- Бодрова Н. А. Факультативный курс «Литература пушкинской поры» в восьмых классах. — В кн.: Актуальные вопросы проведения факультативных занятий по стилистике и литературе в школе. Куйбышев, 1972, с. 3—16. (Науч. труды Куйбышев. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, т. 102).
- Бонди С. «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. — Евгений Онегин. М., «Детская литература», 1972, с. 248—268.
- Бонди С. О поэзии Пушкина. — О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. — Евгений Онегин.

- М., «Детская литература», 1972, с. 3—8, 248—270. (Школьная б-ка. Для средн. школы).
- Бонди С. Александр Сергеевич Пушкин. Жизнь и творчество. — В кн.: Пушкин А. С. Избранные произведения. М., «Детская литература», 1972, с. 3—54. (Школьная б-ка).
- Бочаров Г. К. За сорок лет. Записки словесника. М., «Просвещение», 1972, 224 с.
- Ч. II. Из лаборатории словесника. Стр. 139—143: «Два „Зимних утра“». Стр. 143—163: «Варианты уроков по повести Пушкина „Капитанская дочка“».
- Бунд же В. В. «Капитанская дочка» на уроках в VII классе. — Литература в школе, 1972, № 4, с. 84—87.
- Рец. на кн.: Дегожская А. С. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в школьном изучении. Л., «Просвещение», 1974, 127 с.
- Гордеева Н. Б. Наглядность при изучении «Капитанской дочки» А. С. Пушкина на классных и факультативных занятиях. — В кн.: Пути повышения эффективности преподавания литературы в средней школе. М., 1972, с. 85—98. (Ученые записки Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. 457).
- Дановский А. В. О формировании у учащихся VIII класса понятия «романтизм» при изучении творчества А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. — В кн.: Пути повышения эффективности преподавания литературы в средней школе. М., 1972, с. 16—33. (Ученые записки Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. 457).
- Дроздова М. Ф. Лирика Пушкина в музыке русских композиторов (из факультатива по литературе для учащихся 9 класса). — В кн.: В помощь учителю русского языка и литературы. Челябинск, 1972, с. 3—27. (М-во просвещения РСФСР. — Челябинский гос. пед. ин-т).
- Живые страницы. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Белинский в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах. [Композиция, сост., сопроводит. текст и коммент. Б. В. Лунина. Изд. 2-е]. М., «Детская литература», 1972, 544 с. с ил.; 32 л. ил. (Школьная б-ка [Для средн. школы]).
- Ильин В. В. Писарев и Пушкин. В помощь учителю. Рец. Я. Р. Кошелев. Смоленск, 1972, 54 с. (М-во просвещения РСФСР. — Смоленск. пед. ин-т им. К. Маркса).
- Исмаил-заде Н. Н. Из опыта использования адаптированного диафильма «Пушкин и декабристы» на уроке литературы в 9 классе азербайджанской школы. — Русский язык и литература в азербайджанской школе, Баку, 1972, № 1, с. 52—56.
- Котельникова Л. М. Роль литературного краеведения в активизации познавательной деятельности учащихся. (Из опыта изучения биографии А. С. Пушкина в 8 классе). — В кн.: Вопросы воспитания познавательной активности и самостоятельности школьников. Казань, 1972, с. 226—233. (Ученые записки Казан. пед. ин-та, вып. 102).
- Рез З. Я. Произведения Пушкина и Лермонтова в VI классе. — Литература в школе, 1972, № 4, с. 25—38.
- Самойленко В. В. С любовью к Пушкину. (Из опыта внеклассной работы в молдавской школе). — Литература в школе, 1972, № 6, с. 69—70.
- Сказки Пушкина в школе. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и «У лукоморья дуб зеленый...» (IV класс). Сборник статей. Сост. В. Я. Коровина. М., «Просвещение», 1972, 144 с. с ил.
- Рец.:
- Сомов В. Пушкин в школе. — В мире книг, 1972, № 10, с. 31.
- Слонимский А. Л. Пояснительные статьи к «Повестям Белкина». — В кн.: Пушкин А. С. Повести Белкина. М., «Детская литература», 1972, с. 76—91. (Школьная б-ка).

- Впервые в кн.: Пушкин А. С. Повести Белкина. М., 1966, с. 76—90.
- Тимофеев А. Горит зеленая лампа... — Литература в школе, 1972, № 2, с. 71—72.
- О пушкинском клубе школы № 19 Пскова.
- Тукузина Л. А. Изучение творчества Пушкина на внеклассных занятиях. — Литература в школе, 1972, № 6, с. 65—68.
- Ходжибаева Б. Лирика Пушкина в VIII классе таджикской школы. (Из опыта работы). — В кн.: Вопросы преподавания русской литературы в национальной школе. Сборник статей. Вып. 1. М., «Педагогика», 1972, с. 106—112 (Науч.-исслед. ин-т преподавания рус. яз. в нац. школе Акад. пед. наук СССР).
- Шалева А. Г. Пушкин — человек и поэт. (Из опыта работы литературного кружка в смешанной национальной школе). — Русский язык в киргизской школе, Фрунзе, 1972, № 3—4, с. 19—23.
- Шварцбанд С. М. Заметки о художественной структуре «Повестей Белкина» и литературный эксперимент М. М. Зощенко. Стилизовое движение в повестях «Выстрел» и «Метель». — В кн.: Некоторые вопросы русской и советской литературы и методики ее преподавания в школе. Барнаул, 1972, с. 18—38. (Науч. тр. Барнаульского гос. пед. ин-та, т. 20).
-

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ О ПУШКИНЕ

1. Пушкинский анекдот о Павле I

В черновой тетради В. А. Соллогуба, хранящейся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина и содержащей ранние редакции статей, очерков и повестей («Взяточник», «Именины» и др.) и записи услышанных рассказов, находится несколько исторических анекдотов о Павле I. Среди них особое внимание привлекает приводимый ниже рассказ, слышанный Соллогубом от Пушкина.

«Пушкин рассказывал, что, когда он служил в Министерстве ин. <о-странных> дел, ему случилось дежурить с одним весьма старым чиновником. Желая извлечь из него хоть что-нибудь, Пушкин расспрашивал его про службу и услышал от него следующее.

Однажды он дежурил в этой самой комнате, у этого самого стола. Это было за несколько дней перед смертью Павла. Было уже за полночь. Вдруг дверь с шумом растворилась. Вбежал сторож впопыхах, объявляя, что за ним идет государь. Павел вошел^а и в большом волнении начал ходить по комнате; потом приказал чиновнику взять лист бумаги и начал диктовать с большим жаром. Чиновник начал с заголовка: „Указ е.<го> и.<мператорского> в.<еличества>“ — и кашнул чернилами. Поспешно схватил он другой лист и снова начал писать заголовок, а государь все ходил по комнате и продолжал диктовать.^б Чиновник до того растерялся, что не мог вспомнить начала приказа и боялся начать с середины, сидел ни жив ни мертв перед бумагой. Павел вдруг остановился и потребовал указ для подписания. Дрожащий^в чиновник подал ему лист, на котором был написан заголовок и больше ничего.

— Что ж государь? — спросил Пушкин.

— Да ничего-с. Изволил только ударить меня в рожу и вышел.

— А что же диктовал вам государь? — спросил снова Пушкин.

— Хоть убейте, не могу сказать. Я до того был испуган — что ни одного слова припомнить не могу».¹

Тетрадь Соллогуба заполнялась в середине 1840-х годов (одна из последующих записей датирована 1846 г.). Таким образом, наша запись, хотя и сделанная по памяти, принадлежит к числу довольно ранних. Ближкое, хотя и недолгое, общение Соллогуба с Пушкиным увеличивает

^а Далее зачеркнуто: вслед за ним.

^б Далее зачеркнуто: Павел.

^в Дрожащий вставлено.

¹ ГБЛ, Венев. 65.12, лл. 57—55 об. (заполнение шло в обратном порядке).

достоверность его свидетельства: можно думать, что он слышал рассказ сам, а не получил через вторые руки, как иногда бывало.² В таком случае это произошло не ранее середины 1830-х годов, когда Соллогуб встречался с Пушкиным у Карамзиных, и вероятнее всего в 1836 г., уже после благополучного окончания их конфликта, едва не закончившегося дуэлью. К осени 1836 г. Соллогуб относит свое «короткое сближение» с Пушкиным. «Не могу простить себе, что не записывал каждый день что от него слышал», — замечал он впоследствии.³

Между тем услышал Пушкин анекдот не в 1830-е годы, а гораздо раньше, когда ему случалось дежурить в Коллегии иностранных дел. Это было в первые годы после выхода из Лицея. 15 июня 1817 г. он был приведен к присяге и зачислен на службу, и до своего отъезда из Петербурга в мае 1820 г. он мог нести дежурство неоднократно (исключая, конечно, время отлучек — например, с 8 июля по конец августа 1817 г. — или болезни).⁴

Анекдот, таким образом, как бы имеет две даты и связан одновременно с двумя стадиями исторического и литературного сознания Пушкина. В 1810-е годы его остро интересует история царевубийства 11 марта, но прежде всего в своей социально-политической и философской основе. Так она появляется в «Вольности» и позднее, уже на юге, в «Заметках

² Одним из примеров такой записи из вторых рук является анекдот о каторжниках, рассказанный якобы со слов Пушкина Кс. Мармье: поэт встретил на Тобольской дороге этапных, среди которых была женщина удивительной красоты; она была наложницей помещика и осмелилась изменить ему по любви; ревнивый деспот сослал ее в Сибирь. Этот анекдот был подробно прокомментирован Н. О. Лернером (Н. Лернер. Рассказы о Пушкине. Л., 1929, стр. 125—131), которому не были еще известны опубликованные в 1931 г. материалы «Автобиографии» А. О. Смирновой, где он рассказан совершенно иначе и с другим смыслом — непосредственно со слов Пушкина (А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. (Неизданные материалы). Подг. к печ. Л. В. Крестова. М., 1931, стр. 178). Конечно, Кс. Мармье слышал анекдот от Смирновой, но очень свободно воспользовался сюжетом.

³ В. А. Соллогуб. Воспоминания. Ред., предисл. и прим. С. П. Шестерикова. Вступит. статья П. К. Губера. М.—Л., «Academia», 1931, стр. 520—528, 354. «Он поощрял мои первые литературные опыты, — писал Соллогуб о Пушкине, — давал мне советы, читал свои стихи и был чрезвычайно ко мне благосклонен, несмотря на разность наших лет. Почти каждый день ходили мы гулять по толкучему рынку, покупали там сайки, потом, возвращаясь по Невскому проспекту, предлагали эти сайки светским разряженным щеголям, которые бегали от нас с ужасом. Вечером мы встречались у Карамзиных, у Вяземских, у князя Одоевского и на светских балах». В экземпляре «Воспоминаний» (СПб., 1887), принадлежавшем О. Н. Смирновой, дочери А. О. Смирновой-Россет, известному автору псевдомуаров матери, против этого места рукой владелицы сделано несколько скептически-раздраженных помет. Так, против фразы «Почти каждый день — бегали от нас с ужасом» записано: «Ну, не Хлестаков ли Соллогуб?»; далее подчеркнуто слово «балах» и замечено: «Пушкин был в трауре по матери и не ездил на балы в 36 г. вовсе, а Н. П. родила в эту зиму» (В. А. Соллогуб. Воспоминания. 1887, стр. 175—176; экземпляр библиотеки ПД — шифр 89.2²/73. из собрания А. Ф. Онегина). Экземпляр этот был известен С. П. Шестерикову, который выборочно воспользовался пометами Смирновой для своего издания воспоминаний Соллогуба (В. А. Соллогуб. Воспоминания. 1931, стр. 412). Справедливость рассказа Соллогуба в целом этими замечаниями, впрочем, никак не дезавуируется; сами они в свою очередь содержат ряд неточностей.

⁴ См.: М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М., Изд. АН СССР, 1951, стр. 127 и сл.

по русской истории XVIII века». Нет сомнения, что Пушкин в это время не раз слышал анекдоты о Павле и его времени — от Карамзина, от Греча, сообщившего десятки их в своих поздних записках; на юге — от Ланжерона, Болховского и др.⁵ Все вероятные источники осведомленности Пушкина, разумеется, учесть невозможно, как невозможно представить себе тематический и сюжетный репертуар рассказов, бывших в его поле зрения. Один из них, однако, может привлечь наше внимание: это несомненно известный Пушкинну рассказ об отце В. К. Кюхельбекера, перед самым падением Павла едва не попавшем во временщики. Накануне своей последней ночи Павел посылал его узпать, что означает собрание нескольких титулованных особ между дворцом и садом. На следующее утро Карл фон Кюхельбекер уже простался с телом бывшего императора, стоя за сомкнутыми штыками часовых.⁶ Как и в публикуемом нами рассказе, случайность играет здесь принципиальную, а в литературном отношении и сюжетообразующую роль. Тем не менее ни один из этих исторических анекдотов не отражается ни в художественном творчестве, ни в письмах и записях раннего Пушкина, дошедших до нас. Интерес к анекдоту как жанру придет позже, вместе с эволюцией исторических представлений Пушкина. Вероятно, «история домашним образом» уже представляла в уничтоженных Пушкиным автобиографических записках. В 1826 или 1827 г. Пушкин задумывает трагедию «Павел I», о которой рассказывает на вечеру у Полевого 19 февраля 1827 г.⁷ С другой стороны, по-видимому, к этим же годам относится сохранный Вяземским юмористический рассказ Пушкина о некоем академике, который имел «свой взгляд на историю»: 11 марта 1801 г., вызванный ночью к ректору, он обнаружил на столе пунш — и на этом кончились его исторические воспоминания.⁸ Этот бытовой, «нижний» регистр политических событий в 1830-е годы также включается Пушкиным в понятие «история»; он отражается в «Table Talk», в записях бесед с Загряжской, в дворцовых анекдотах, которыми обменивается Пушкин со Смирновой-Россет. То же самое мы находим в дневнике 1833—1835 гг., который является и красноречивым свидетельством постоянного интереса Пушкина к личности и судьбе Павла — «романтического нашего императора»; это определение косвенно указывает на новую фазу интереса — внимание Пушкина обращается теперь и на психологию личности, в которой странно смешиваются противоположные свойства и склонности: гуманные побуждения с бессмысленной жестокостью, своеобразная «рыцарственность», кодекс сословной чести, чувство справедливости с неограниченным деспотизмом и самодурством, здравый смысл с психическими аномалиями. К этому времени в памяти Пушкина и всплывает забытый анекдот, характеризующий данное направление интересов, и он прекрасно включается в общий контекст других услышанных или рассказанных им тогда же анекдотов-новелл на близкие темы.

Не зная исходного рассказа, мы не можем судить, как он преобразился в передаче Пушкина; нам неизвестно, какую трансформацию он претерпел и под пером Соллогуба. В поздних мемуарах Соллогуб цитировал по памяти пушкинские письма с почти текстуальной точностью. Здесь он, очевидно, не ставил себе такой задачи: об этом свидетельствуют.

⁵ См.: И. Фейнбергер. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 4-е. М., «Сов. писатель», 1964, стр. 401—413.

⁶ См.: Н. А. Маркевич. Воспоминания о Кюхельбекере. — Литературное наследство, т. 59, М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 509—510.

⁷ Рукою Пушкина. Несобраные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 276—278; Т. Г. Цявловская. Пушкин в дневнике Франтишка Малевского. — Литературное наследство, т. 58, Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 266.

⁸ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. VIII. СПб., 1883, стр. 310.

между прочим, и следы его работы над текстом, сохраненные рукописью. С другой стороны, работа эта минимальна; в черновой рукописи мы обнаруживаем лишь единичные исправления и невыправленные погрешности против практической стилистики, что говорит об экспромптном характере записи. Она позволяет уловить общие принципы пушкинского построения новеллы; стремительно развивающийся сюжет, освобожденный от побочных описаний и еще подчеркнутый протокольным лаконизмом малораспространенных предложений, и остропсихологическая ситуация, занимающая как бы периферию рассказа, — парализованный страхом чиновник действует силой канцелярского автоматизма, предвещающего начинать переписывание с заголовка; способность к рациональной волевой деятельности у него подавлена полностью и восприятие диктуемого текста заторможено; наконец, чувство страха и ожидание наказания увеличивается у него с каждым пропущенным словом, безостановочно следующим одно за другим. По динамически возрастающему напряжению эта ситуация напоминает другой психологический этюд Пушкина — переданную Нащокиным историю любовного приключения со светской женщиной (видимо, с графиней Д. Ф. Фикельмон).⁹ В нашем рассказе напряжение разрешается резким спадом, производящим впечатление комического облегчения по контрасту с ожидаемым: расправа, сравнительно легкая, последовала мгновенно и исчерпала инцидент — император «ничего-с»: «изволил <...> ударить <...> в рожу и вышел». Столкновение стилистических рядов — канцелярски-«высокого» и вульгарно-просторечного — усиливает разрешающий комизм концовки. При этом она оказывается совершенно «в духе Павла», вернее, того его облика, который закреплен многочисленными рассказами о его импульсивном поведении: под влиянием минуты принят важный указ, под влиянием минуты и по случайному поводу указ этот уходит в небытие.

Здесь мы подходим к глубинному смыслу анекдота, скрытому за пародийностью внешнего содержания. Этим смыслом он не мог наполниться в 1810-е годы. Проблема исторической случайности стала занимать Пушкина только в Михайловском. 13 и 14 декабря 1825 г. он пишет «Графа Нулина», «пародируя» историю и Шекспира, и одновременно начинает развертываться цепь парадоксальных случайностей в его собственной судьбе: неудачный выезд из Михайловского в канун выступления на Сенатской площади, неожиданное освобождение и т. д. В заметке о «Графе Нулине» (1830?) окончательно формулируется мысль о том, что большое историческое событие может не произойти в силу случайности. Факты собственной биографии Пушкина способны были лишь дать новую пищу его историческим размышлениям.¹⁰

⁹ См. в кн.: Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступит. статья и прим. М. А. Цявловского. Л., 1925, стр. 36—37, 98—102; Л. Гроссман. Этюды о Пушкине. М.—Пгр., 1923, стр. 79—113.

¹⁰ Здесь не место анализировать историческую проблематику «Графа Нулина» и заметки о нем, — это особая проблема. Заметим лишь, что интерпретация их как иронической полемики против исторического фатализма, предложенная в последнее время А. М. Гординым (см. его статью «Заметка Пушкина о замысле „Графа Нулина“» в кн.: Пушкин и его время, вып. 1. Л., Изд. Гос. Эрмитажа, 1962, стр. 232—245), не представляется нам до конца убедительной. Актуальность полемического выступления против исторических ошибок Тита Ливия, Овидия и Шекспира (там же, стр. 240—241) в 1825 г. чрезвычайно сомнительна. С другой стороны, Пушкин пишет: «мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась» (разрядка моя, — В. В.), что уже вовсе не укладывается в аргументацию статьи. Очевидно, функция пародии здесь иная: она заключается в ироническом соотношении классической римской истории и забавного эпизода из жизни провинциальных помещиков; последний

История царствования Павла обогащала проблему историческими прецедентами. Последние дни его царствования были чреваты переменами, которых ждали с минуты на минуту; непредсказуемая воля императора могла на какое-то время изменить течение внешней и внутренней политики страны, коснуться престолонаследия, разрушить случайными арестами уже зревший заговор.¹¹ Эта обстановка, прекрасно памятная современникам, конечно, была известна Пушкину; она объясняет не только интерес Пушкина к содержанию указа, продиктованного спешно, ночью, в пустом здании Коллегии иностранных дел, но и определяет место, которое принадлежит указу в сюжетной структуре рассказа. Два контекста — созданный самой повествовательной сферой и более широкий, реально-исторический — увеличивают «суггестивность» мотива, ожидаемую значительность события и поднимают концовку на уровень не только стилистического, но и исторического гротеска.

Такова эта новелла Пушкина о «несостоявшейся истории» — один из немногочисленных сохранившихся образцов его устного повествовательного мастерства, отразивший в миниатюре его литературные и исторические интересы 1830-х годов.

2. «Побежденная трудность»

Крылатое слово «побежденная трудность» («difficulté vaincue»), по-видимому, было одним из излюбленных у Пушкина. Оно появляется впервые в статье «О поэзии классической и романтической» (1825), где Пушкин характеризует им рифму: «побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие» (Акад., XI, 37). Охотно пользовался им Пушкин и в разговоре. «Он выше всего ставил „la difficulté vaincue“», — вспоминал барон Е. Ф. Розен. На этот раз речь шла о своеобразной особенности трагедии Розена «Басманов» — отсутствии в ней фигуры Лжедмитрия, персонажа, казалось бы, неизбежного при избранной Розеном теме. В том, что драматург сумел обойтись без Лжедмитрия в пьесе о Басманове, Пушкин видел особое искусство, «побежденную трудность». Розен утверждал, что Лжедмитрий не был нужен ни для авторского замысла, ни для движения сюжета. «Какая *побежденная трудность*, — возразил я, — когда я и не боролся!». «Voilà justement ce qui prouve que la difficulté est complètement vaincue» («Это-то и доказывает, что трудность вполне побеждена»), — ответил Пушкин.¹²

По-видимому, Розен довольно точен в передаче деталей разговора; ту же тему и те же выражения мы находим в сохранившемся письме его к Пушкину от 13 декабря 1836 г., где он говорит о своем либретто к «Ивану Сусанину»: «Personne ne remarque la peine inouïe que m'a coûtée cette composition; je m'en glorifie: c'est une preuve, que j'ai vaincu la difficulté» («Никто не замечает огромных усилий, которых мне стоило это произведение; я этим горжусь; это доказывает, что я победил трудность») (Акад., XVI, 197, 399). В этой фразе слышатся отзвуки предшествующих бесед о принципах драматического искусства.

ставится в контекст исторических событий мирового масштаба, а эти события, наоборот, низводятся до бытового анекдота. В заметке о «Графе Нулине» отразилась не только проблематика поэмы, но и жизненный опыт Пушкина последующих лет; заключительная фраза «бывают странные сближения» выводит все осмысление эпизода из иронической сферы в серьезную и драматическую. Все это мы находим и в публикуемом анекдоте.

¹¹ Н. К. Шильдер. Император Павел Первый. СПб., 1901, стр. 466 и сл.

¹² Барон Е. Розен. Ссылка на мертвых. — Сын отечества, 1847, № 6, отд. III, стр. 19—20.

Нам уже приходилось указывать, что пушкинская формула восходит к письму Вольтера Г. Уолполу о трагедии и к его же «Рассуждению о трагедии», где Вольтер требует соблюдения жизненной «достоверности» сценического действия в пределах классических «правил»; это и есть та «трудность», преодоление которой приносит «пользу и удовольствие».¹³

С легкой руки Вольтера выражение «побежденная трудность» получило распространение в русской литературе. Так, Батюшков писал в «Прогулке в Академию художеств» (1814): «... я не одних побежденных трудностей ищу в картине».¹⁴ Конечно, Пушкин мог заимствовать формулу у Вольтера непосредственно, однако при этом он учитывал русскую традицию ее бытования, и, вероятно, не только письменную, но и устную. Известно, например, что эту формулу любил и часто цитировал Карамзин. В 1799 г. Г. П. Каменев, посетивший Карамзина, сообщал в письме к С. А. Москотильникову: «Стихи с рифмами <Карамзин> называет *побежденною трудностью*...».¹⁵ Вслед за Карамзиным Пушкин употребляет это определение, характеризуя рифму.

«Побежденная трудность» — не единственное речение, перешедшее к Пушкину через Карамзина. Ту же судьбу имели афоризм Бомарше «Il ne faut pas que l'honnête homme mérite d'être pendu» («Не должно, чтобы честный человек заслуживал повешения»), взятый в качестве эпиграфа к статье «Александр Радищев», и слова «подвиг честного человека», примененные Пушкиным к самому Карамзину.¹⁶ Кс. Полевой вспоминал, что Пушкин «любил повторять изречения или апофегмы Карамзина».¹⁷

Искусство беседы, которым Пушкин владел с блеском, питалось разными истоками, и кружок Карамзина, по-видимому, был одним из них. Во всяком случае мы знаем теперь, что некоторые изречения прославленных французских остроумцев XVIII столетия, воспринятые Пушкиным, получили первоначальное хождение именно в этой среде, давшей, кстати сказать, таких известных в свое время остроумцев, как Вяземский и Д. Н. Блудов.

3. Пушкинская поговорка у Лермонтова

В лермонтовском «Журналисте, читателе и писателе» в монологе Журналиста есть строки:

Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг;
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличья, вкус — все так условно;
А деньги все ведь платят ровно!!!

Э. Г. Герштейн впервые обратила внимание на то, что для речевой характеристики Журналиста Лермонтов воспользовался ходовым выражением, употребительным в кружке Карамзиных. В августе 1840 г. Вяземский вспоминал его как «старую прибаутку». «Войдите в мое положение! — голос значительно возвысить на слоге „же“. Эта фраза с этим

¹³ См.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., «Наука», 1970, стр. 48.

¹⁴ К. Н. Батюшков. Сочинения, т. II. СПб., 1885, стр. 107.

¹⁵ См.: Е. А. Бобров. Литература и просвещение в России XIX века, т. 3. Казань, 1902, стр. 130.

¹⁶ См.: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». М., «Книга», 1972, стр. 96, 105—106.

¹⁷ Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934, стр. 279—280.

ударением была в большой моде прошлым летом у Карамзиных и пущена в ход, кажется, Лермонтовым».¹⁸

Между тем есть и иное свидетельство о происхождении этого выражения 5 мая 1846 г. Плетнев писал Я. К. Гроту: «Приготовься видеть в № 6 „Современника“ одна учено-серьезные статьи без малейшей примеси легкого чтения. Я знаю, что ты будешь бранить меня. Но войди в мое положение (как любил в таких случаях говаривать покойный Пушкин)...».¹⁹

Плетнев указывает на свой источник более определенно, чем Вяземский, и по-видимому с полным основанием. Вряд ли поговорка попала к нему от Карамзиных, с которыми он общался редко и никогда близко не был. Пушкина же, особенно в последние годы жизни поэта, он знал домашним образом и был связан с ним теснее, нежели Вяземский; в памяти его запечатлелись речения, привычки, характерные мелочи и особенности повседневного поведения его покойного друга, — о них он вспоминал часто в письмах к тому же Гроту. Вероятнее всего, поговорка, приведенная им, была в ходу у Пушкина и Карамзиных, откуда она уже и попала к Лермонтову. Вяземский же приписал ее Лермонтову по совершенно понятной аберрации: к августу 1840 г. он уже знал «Журналиста, читателя и писателя», опубликованного в апрельском номере «Отечественных записок» за 1840 г.

Пушкинское речение совершенно естественно входит в стихотворение Лермонтова, ближайшим образом связанное с литературно-полемической позицией Пушкина и его группы и включающее целый ряд реминисценций из стихов и полемических статей 1830—1831 гг. Эта особенность «Журналиста, читателя и писателя» достаточно хорошо известна. На нем лежит и отпечаток литературно-бытовой среды, в которой возникло стихотворение. Пушкинская поговорка в нем, однако, является чем-то большим, нежели простая реминисценция: она, конечно, рассчитана на узнавание и на определенное интонирование, как об этом пишет Вяземский. По-видимому, она читалась с жалобно-просительной интонацией, с особым эмфатическим подчеркиванием фразы, и тем самым получила дополнительные смысловые акценты.

4. К истории пушкинского экспромта

В своих воспоминаниях о Пушкине («Ссылка на мертвых», 1847) Е. Ф. Розен рассказывает следующий эпизод.

Пушкин охотно выслушивал его критические реплики по адресу близких писателей, за исключением лишь одного, имя которого Розен обозначил буквенной апаграммой N. N. Однажды в разговоре Розен заметил это Пушкину. «Вы знаете, что я уважаю и как человека и как писателя N. N.; но как только коснусь его слабой стороны, вы тотчас вооружаетесь серьезною миною, так что поневоле замолчишь. Воля ваша, я не поверю, чтобы вы всегда оставались серьезны, читая стихи N. N., например (тут я привел одно место, где для рифмы, и чрезвычайно некстати, мелькнул «огнь весталок»). Пушкин не утерпел, расхохотался и признался мне, что, читая это место, он певольно закричал в рифму „Палок!“ Тут-то и объяснилось, что частые резкие изысканности у N. N., так и вызывающие эпиграмматическую критику, побудили Пушкина вооружиться против нее, единожды навсегда, этою серьезною миною».²⁰

Этот писатель, не названный Розеном, — П. А. Вяземский, а цитированное стихотворение — его известное «Послание к М. Т. Каченовскому»

¹⁸ Э. Г. Герштейн. Судьба Лермонтова. М., «Сов. писатель», 1964, стр. 197.

¹⁹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II. СПб., 1896, с. 464.

²⁰ Сып отечества, 1847, № 6, отд. III, стр. 18.

(1820), бывшее в свое время предметом ожесточенной журнальной полемики и начинающееся словами:

Перед судом ума сколь, Каченовский! жалок
Талантов низкий враг, завистливый зоиц.
Как оный вечный огонь на алтаре весталок,
Так втайне вечный яд, дар люгый адских сил,
В груди несчастного неугасимо тлеет
и т. д.

Добросовестный мемуарист, Розен, конечно, не выдумал этот эпизод, но смысла его не понял, так как не мог знать его предысторию.

Послание Вяземского было резким памфлетом на Каченовского как «зоила» Карамзина. Оно появилось в январской книжке «Сына отечества» за 1821 г.; сразу же по выходе Каченовский перепечатал его в своем «Вестнике Европы», снабдив издевательскими примечаниями. Одно из них касалось замеченной Розеном строки с «весталками». Изысканный и неточный образ, как считал критик, дан только для рифмы; малоталанливый автор изнемог в борьбе с техническими трудностями стиха. Каченовский приводил к случаю признание «дурного поэта» из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк»:

... Чалмоносна Порта!

Но что же к ней прибрать мне в рифму, кроме Черта? ²¹

Выпад Каченовского был подхвачен; другой критик «Вестника Европы» в мартовской книжке журнала замечал: «Огонь в храме Весты был священной, благодегельнейшим для римлян <...> а здесь, для рифмы, он служит примером мучительному огню зависти!» ²² Еще через два месяца Каченовский печатает ответное послание Вяземскому С. Т. Аксакова, где тоже не забыт «огнь весталок»:

Священной Весты огонь не оскорблю сравненьем
Сего фанатика с безумным ослепленьем. ²³

Уже 19 февраля 1821 г. в письме А. И. Тургенева Вяземский отвечал на упреки: «Можно прибрать и палок и галок, и все это будет не hors d'oeuvre». ²⁴

Пушкин на юге следил за «журнальной войной» и тоже принял в ней некоторое участие. Посланием Вяземского он не был доволен и 2 января 1822 г. писал автору, что для Каченовского достаточно было «легкого хлыста» эпиграммы и не было надобности в «сатирической палице» (Акад., XIII, 34). Вслед за тем он пишет сам такую эпиграмму — известное четверостишие, посланное в письме Л. С. Пушкину 24 января 1822 г.:

Клеветник без дарованья,
Палок щет он чутьем
и т. д.
(Акад., XIII, 36)

Эти строки каламбурны и имеют в виду как раз примечание о «весталках». Нападая на рифму «жалок» — «весталок», Каченовский подсаживает («ищет чутьем») другую, более естественную — «палок». Любопытно, что Вяземский также шел к этому каламбуру, но остановился на полпути. В марте 1823 г. Пушкин посылает текст эпиграммы и самому Вяземскому (Акад., XIII, 60). А 7 июня 1824 г., как будто продолжая начатый за два года до этого спор об эпиграмме как средстве полемики, он пишет Вязем-

²¹ Вестник Европы, 1821, № 2, стр. 99.

²² Там же, № 5, стр. 33.

²³ Там же, № 9, стр. 12.

²⁴ Остафьевский архив, т. II. СПб., 1899, стр. 165.

скому по поводу эпиграммы последнего на М. Дмитриева и А. Писарева («Цып, цып, сердитые малютки»): «Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны, о поединке и смех и грех было и думать: то ли дело цып-цып или цып-цып» (Акад., XIII, 96).

Прямые или косвенные отзвуки этой полемики прослеживаются в творчестве Пушкина и позднее. Среди приписываемых ему стихотворений некоторое время печатался экспромт, как раз на четыре упоминавшиеся рифмы:

Черна, как галка,
Суша, как палка,
Увы, весталка,
Тебя мне жалко.

Принадлежность этого экспромта Пушкину была предметом сомнений и колебаний. П. А. Ефремов, исключивший его из своего издания, как написанный С. А. Соболевским, в следующем же томе напечатал поправку, указав на авторство Пушкина — с глухой ссылкой на источник своих сведений.²⁵ Позднее он раскрыл этот источник: им оказалось свидетельство П. П. Вяземского, удостоверившего, «что четверостишие это действительно пушкинское».²⁶ Атрибуция Вяземского в дальнейшем, впрочем, была отвергнута, и лишь недавняя находка автографа — по-видимому, пушкинского — вновь ставит этот вопрос. Текст, напечатанный Ефремовым, был либо одной из редакций, либо переданным по памяти и искаженным текстом пушкинского экспромта «К портрету N. N.»:

Вот вам весталка,
Суша, как палка,
Черна, как галка,
Куда как жалка.²⁷

Каков бы ни был адресат эпиграммы, литературная генеалогия ее ведет к «Посланию к М. Т. Каченовскому» и последующим полемикам, и весьма любопытно, что именно семейная традиция Вяземских безоговорочно приписывала это четверостишие Пушкину.

Ни история полемики вокруг послания Вяземского, ни пушкинский экспромт, конечно, не были известны Е. Ф. Розену, с рассказа которого мы начали этот этюд. Розен вошел в пушкинский круг лишь в конце 1820-х годов; в начале десятилетия он едва знал русский язык. Имя Вяземского он скрыл: в 1847 г., когда писались его мемуары, Вяземский был жив, еще не сошел с литературной сцены и Розен поддерживал с ним отношения. Тем более вероятным представляется рассказ Розена, который осмыслиется как одно из звеньев длинной цепи литературных фактов. Вместе с тем, конечно, мемуарист переставил акценты и дал наблюдению собственную интерпретацию, как это делал нередко. Замечание Пушкина касалось не творчества Вяземского в целом, как думал Розен, но одного лишь эпизода его литературной биографии, которого Розен, сам того не зная, коснулся в случайном разговоре, завовав пробудив в Пушкине весь круг связанных с этим эпизодом ассоциаций.

В. Э. Вацуро

²⁵ А. С. Пушкин. Сочинения. Изд. 3-е, испр. и доп. Под ред. П. А. Ефремова. Т. 3. Изд. Я. А. Исакова. СПб., 1880, стр. 459. Среди эпиграм Соболевского известна эпиграмма на Н. Ф. Павлова с использованием двух из приведенных рифм: «Не в ту силу, что ты жалок, Не даю тебе я палок, Но в ту силу, что мне жалки Щегольские мои палки!» (см.: С. А. Соболевский. Эпиграммы и экспромты. М., 1912, стр. 74).

²⁶ А. С. Пушкин. Сочинения. Ред. П. А. Ефремова. Т. VIII. Изд. А. С. Суворина. СПб., 1905, стр. 270.

²⁷ См.: И. Т. Трофимов. Автограф А. С. Пушкина. — Советские архивы, 1973, № 2, стр. 108—109.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ У ПУШКИНА

1. «Записки» С. А. Порошина и «Сказка о золотом петушке»

Подобно многим другим сочинениям Пушкина 1830-х годов, «Сказка о золотом петушке», последняя в цикле пушкинских сказок, при появлении своем на страницах «Библиотеки для чтения» испытала вмешательство цензуры. В дневниковых заметках за февраль 1835 г. Пушкин по этому поводу записал несколько энергичных фраз: «Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова» (Акад., XII, 337).

Документы к этой цензурной истории не сохранились, и соображения, которыми руководствовался цензор, вообще недоброжелательно относившийся к Пушкину, не поддаются исчерпывающему истолкованию. Возможно, проницательный Никитенко предвидел, что «простонародные» сказки ранее других сочинений Пушкина войдут в круг народного чтения, и заранее удалил из них фразы пословичного склада, которые звучали не вполне благонамеренно по отношению к царской власти.

Последующее текстологическое изучение «Сказки о золотом петушке» показало, что, внешне невинная, она имеет сатирический подтекст. Сложный комплекс эмоций, вызванный придворными обязанностями, которые возлагало на поэта камер-юнкерское звание, и обострившимися отношениями с царем, настолько резко отразился в первоначальных набросках, что при окончательной отделке текста Пушкин последовательно заменил ряд стихов, чтобы уничтожить возможность аналогий между сказочным Дадонем и кем-либо из Романовых. Выброшенная цензурой концовка свидетельствует, однако, что, хотя и неясно, к кому конкретно относятся намеки на государственную «лень» — к Александру или Николаю, аллегоричная параллель до конца работы существовала в сознании Пушкина.¹

Поскольку насмешливая формула «царствуй, лежа на боку» имеет непосредственное отношение к общепринятой в настоящее время интерпретации сказки как сатиры, делались попытки определить фольклорные корни этого выражения, но, как нам представляется, безуспешные.²

Что касается литературных ассоциаций, то здесь прежде всего следует отметить похожий мотив в сатирических произведениях XVIII—XIX вв. Образ бездеятельного монарха появляется, например, у Державина в первом наброске переложения 81-го псалма, впоследствии превратившегося в оду «Властителям и судиям»:

Но есть безумцы и средь трона:
Сидят и царствуют дремя. . .³

¹ А. А. Ахматова. Последняя сказка Пушкина. — Звезда, 1933, № 1, стр. 171—176. А. Л. Слонимский пошел в своих исследованиях дальше Ахматовой, определяя «Сказку» как «памфлет, направленный против русских властителей, царствующих, „лежа на боку“» (А. Л. Слонимский). Мастерство Пушкина. Изд. 2-е, исправл. М., Гослитиздат, 1963, стр. 425).

² Вряд ли можно считать обоснованным сближение этого стиха с зафиксированным в «Словаре» В. И. Даля выражением «отдыхай, на боку лежа» (Р. М. Волков. Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Баллады и сказки. Черновцы, 1960, стр. 204).

³ Г. Р. Державин. Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1957 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 371.

Зевающий на троне властитель изображен в известном фантастическом «сне», включенном Радищевым в главу «Спасская полость».⁴ Подобный сюжет обыгрывается в басне С. Н. Марина «Трон и постель», которая завершается фривольной концовкой спора между гордым тронem и постелью («храмом лени»):

Красавица меня в трон часто превращает;
Но чаще трон царям постелею бывает.⁵

В «Опытах» (1817) и «Сочинениях» (1834) К. П. Батюшкова было перепечатано его шутовское «Похвальное слово сну. (Письмо к редактору «Вестника Европы»)», в котором он подкрепляет свою апологию лени ссылкой на принца Конде, будто бы сказавшего: «Если бы я был царем моей постели, то никогда бы с нее не вставал».⁶

Как видим, круг применений этого образа связан либо с эротической поэзией, либо с гражданской обличительной литературой. И то и другое было известно и привычно Пушкину. Аналогичный мотив встречается, например, в оде «Вольность», в тех ее строфах, где речь идет о «закопах» как основе общественного спокойствия:

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно...

(Акад., II, 46)

Допустимо, конечно, что строка «Царствуй, лежа на боку» является пародическим переосмыслением традиционной формулы высокой поэзии. Однако существует одно совпадение, не отмеченное комментаторами Пушкина, которое позволяет думать, что этот стих связан с совершенно конкретным источником.

На первых страницах «Записок» Семена Порошина, воспитателя цесаревича Павла Петровича, под датой 29 сентября 1764 г. их составитель записал следующий эпизод из повседневной жизни двора наследника: «Часу в осьмом <цесаревич> изволил лечь в учительной комнате на канале и начал несколько подремывать. И как я, севши подле него и пощекотав, сказал: дремлешь, батюшка, дремлешь! то, на сие развеселившись, изволил сказать мне нарочно сонным голосом: je règne (я царствую), вспомня сие слово из комедии „Arlequin, empereur de la lune“».⁷

Эта сцена, подобно многим другим, рассеянными в «Записках», свидетельствует об огромной роли Эрмитажного театра в придворном быту. В данном случае театральное впечатление вызвало любопытство достаточно глубокое. В конце года Порошин выбрал упомянутую пьесу для чтения своему воспитаннику — «из итальянского театру комедию», как он ее называет.⁸

В основе довольно многочисленных французских пьес под таким названием лежит пьеса Фатувилля для итальянского театра, написанная в 1684 г. и восходящая к традиции фарса.⁹ Есть сведения, что в 1752 г.

⁴ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1938, стр. 249.

⁵ С. Н. Марин. Полное собрание сочинений, М., 1948, стр. 103.

⁶ К. Н. Батюшков. Сочинения, т. II. СПб., 1885, стр. 206.

⁷ С. Порошин. Записки... Изд. 2-е. СПб., 1881, слб. 16.

⁸ Там же, слб. 215 (под 31 декабря 1764 г.).

⁹ Nolan de Fatouville. Arlequin, empereur dans la lune. — Théâtre italien. Paris, 1694, pp. 1—26. См. также: С. D. Brenner. 1) Bibliographical list of plays in the French language (1700—1789). «Б. м.», 1947. (см. по указателю №№ 1061, 3832, 5115, 10382); 2) The theatre «italien». «Б. м.», 1961.

она была переработана популярнейшим драматургом и театральным деятелем середины века Фаваром и вновь введена в репертуар.¹⁰

Французская труппа, закрепившаяся в России к 1760-м годам, имела в своем репертуаре большое количество пьес Фавара, пользовавшихся значительным успехом при дворе, где, как известно, самой большой любительницей комической оперы была сама Екатерина II.¹¹ Пьесы под сходным названием ставились в России еще в начале XIX в.¹²

Однако вряд ли Пушкину были известны французские тексты, погребенные в забытых изданиях. Вероятнее всего, он был знаком непосредственно с «Записками» Порошина, стоявшими в одном ряду с другими неизданными сочинениями, рисующими закулисную жизнь русского двора.

Начало распространения копий с рукописного оригинала «Записок» относится к 1780-м годам, когда Н. Н. Бантыш-Каменский с рукописи, полученной от И. А. Порошина, сделал список для Московского архива.¹³ Затем к владельней оригинала обратился Ф. А. Куракин, чтобы получить возможность снять копию непосредственно для Павла I.¹⁴ Хотя в ответном письме И. А. Порошин и просил высокопоставленного адресата «не жаловать оные для прочтения», «Записки» постигла судьба всех сочинений подобного рода, вроде мемуаров Екатерины II и княгини Дашковой: несмотря на все предосторожности, они со временем становились известны все шире и шире. В 1810 г. в «Вестнике Европы», который в то время редактировали В. Жуковский и М. Каченовский, были напечатаны отрывки из «Записок», и при этом было указано, что издатели имели возможность прочесть их в манускрипте.¹⁵ Этот текст восходил, должно быть, к экземпляру Архива коллегии иностранных дел, о существовании которого упоминалось в кратком предисловии.

Оригинал «Записок» в 1820-е годы хранился в библиотеке В. С. Порошина, соученика братьев Карамзиных по Дерптскому университету (1829—1831 гг.),¹⁶ и был им в конце концов издан (правда, с цензурными купюрами) в 1844 г.¹⁷ При посылке экземпляра книг В. А. Жуковскому П. А. Плетнев вспомнил раннюю отрывочную публикацию: «Книга эта вам знакома уже отчасти. Мне помнится, что вы поместили из нее отрывки в „Вестнике Европы“».¹⁸

Интересующий нас рассказ входил в число извлечений, сделанных для «Вестника Европы».¹⁹ Но знакомство Пушкина с «Записками» могло в рав-

¹⁰ Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle, t. 1 (статья «Arlequin»).

¹¹ См.: А. Гозенпуд. Музыкальный театр в России. (От истоков до Глинки). Л., 1959, стр. 82—84. По упоминаниям С. Порошина, на Эрмитажной сцене шли пьесы Фавара «Annete et Lubin» (С. Порошин. Записки..., стлб. 219), «Fête d'amours» (стлб. 316), «Les trois sultanes» (стлб. 549); тогда же были известны издания «Фаворовых сочинений» (стлб. 316).

¹² В 1805 г. в Москве французская труппа ставила «Arlequin, Roi dans la lune» (см.: объявления в «Московских ведомостях»: № 10, 4 февраля; № 36, 6 мая).

¹³ Основываясь на устном предании, об этом писал Д. Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей русской земли» (ч. 4. М., 1936, стр. 176—178). Ныне список хранится в ЦГАДА, ф. 181 (рукописное собрание библиотеки МИД), оп. 1, ч. 1, № 107/1461.

¹⁴ Старина и новизна, 1911, т. 14, стр. 146—147.

¹⁵ Вестник Европы, 1810, ч. 52, стр. 193—194.

¹⁶ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 353.

¹⁷ См.: С. С. Порошин. Порошины. Семейные воспоминания. СПб., 1882, стр. 7—10.

¹⁸ П. А. Плетнев. Сочинения и переписка, т. III. СПб., 1885, стр. 549 (письмо от 2 марта 1845 г.).

¹⁹ Вестник Европы, 1810, ч. 52, стр. 200.

ной мере относиться и к началу 1830-х годов, когда исторические занятия усилили его любопытство к неофициальной истории русского самодержавия и тем документам и мемуарам, в которых она отразилась.²⁰

Очевидно, что такие материалы циркулировали прежде всего в узком дружеском кругу. В этой связи характерен эпизод с появлением в «Литературной газете» статьи «О Сумарокове». Почин был положен Пушкиным. В марте 1830 г. он писал Вяземскому из Москвы: «Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручной подписью видел я у Ив. Ив. Дмитриева <...> Сострипай из этого статью и тисни в „Литературной газете“» (Акад., XIV, 74). Взяв за основу присланный «донос», Вяземский дополнил его своим комментарием, присоединил другие материалы, и уже в мае статья появилась. Хотя в ней и отсутствуют ссылки на Порошина, на самом деле данная Вяземским характеристика Сумарокова в значительной степени определяется «Записками». «Нам случилось читать, — пишет Вяземский, — в одних записках, что Павел I, еще в малолетстве часто выдавший его (Сумарокова, — В. С.) за столем своим, забавлялся его способностью сердиться. Однажды с умыслом хвалил он при нем недавно вышедшие творения Лукина, которого Сумароков не любил: „однако же на этот раз“, говорит сочинитель помянутых записок, „Александр Петрович был довольно смирен“.²¹

Таким образом, хотя у Пушкина нет прямых следов чтения дневниковых записей С. А. Порошина, можно с достаточной уверенностью полагать, что в каком-то объеме они ему были известны. Детская шутка Павла, того из трех царей, который велел снять картуз с Пушкина-ребенка и пожурил его пиянку (Акад. XV, 129—130), могла остановить внимание поэта, оставшегося в конфликте с царями. Конкретность проици, которую Пушкин вкладывал в «Сказку о золотом петушке», допускает возможность ассоциаций с рассказом Порошина, впрочем, не перерастающих в конкретный намек.

2. «Сочиненья Эмина» в «Домике в Коломне»

Иронические реминисценции — частое явление у Пушкина, более частое, нежели прямое пародирование произведений современников. Достаточно вспомнить включенные в «Руслана и Людмилу» стихи из «Двенадцати спящих дев» Жуковского, использование крыловской басни в зачине «Онегина» или аналогии с Лукрецией в «Графе Нулине».

Упоминание романов Эмина в «Домике в Коломне» (это единственное упоминание имени данного автора у Пушкина) обычно рассматривается как бытовая реалья, характеризующая героиню меццанского круга, куда эти сочинения и спустились к началу XIX в.:

В ней вкус был образованный: она
Читала сочиненья Эмина.

Несколько раньше в качестве приметы нравов сцену чтения героем романа Эмина Булгарин ввел в свой роман «Иван Выжигин». Правда, действие этой части булгаринского сочинения относится к концу XVIII в.²²

²⁰ Свод сведений об интересе Пушкина к рукописным сочинениям (русским и иностранным) дан в статье: М. П. Алексеев. Из истории русских рукописных собраний. — В кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских собраний. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 103—115.

²¹ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. II. СПб., 1879, стр. 168. Контaminaция записей С. Порошина от 12 августа и 19 сентября 1765 г. Этих текстов в «Вестнике Европы» 1810 г. не было; очевидно, Вяземский знал более полный рукописный текст.

²² Ф. Булгарин. Иван Выжигин. Нравственно-сатирический роман. Изд. 3-е. СПб., 1831, стр. 41.

Поскольку неизвестно, действительно ли романы Федора Эмина сохраняли свою популярность до пушкинской поры, высказывалось предположение, что под Эминым Пушкин подразумевал Николая Эмина, известного прежде всего как прозаика предсентименталистского толка. Его эпистолярные романы «Роза, полусправедливая повесть» и «Игра судьбы» более соотносятся со вкусами простого читателя 1820-х годов, выросшего на карамзинских традициях.²³

Романы Федора Эмина действительно нравоучительны по цели, но не всегда благонаправны по содержанию. Наибольшей известностью из них пользовались два: «Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда» и «Письма Эрваста и Доравры». В России Эмин был одним из первых романистов, сознательно ориентировавшихся на «читателей». Эту установку он декларировал в «Мирамонде», включив сюда особое рассуждение о пользе, которую извлекают женщины из чтения беллетристических сочинений.²⁴

Герои романов Эмина — люди необыкновенных достоинств и добродетелей, однако из-за превратностей фортуны они иногда попадают в ситуации, довольно рискованные с точки зрения строгого дамского вкуса. В частности, один из эпизодов «Мирамонда» имеет отдаленное сходство с анекдотом, составляющим сюжет «Домика в Коломне». Наперсник Мирамонда Феридат рассказывает другу историю своей любви к дочери губернатора провинции — Наркизе.²⁵ Нравы восточной страны, где происходит действие, описаны Эминым со всеми экзотическими подробностями, которые должны остановить внимание русского читателя. Жители ее, например, не видят своих невест вплоть до брачной ночи. Однако, как выясняется из рассказа Феридата, довольно легко можно проникнуть в дом семейного человека, переодевшись в женское платье. Сам он таким путем попадает в число служанок Наркизы, вскоре открывается ей в любви и остается в роли прислужницы до того момента, когда складывается ситуация, достаточно удобная, чтобы можно было сделать официальное предложение. Следует сразу же отметить, что отношения влюбленных в романе Эмина не имеют ничего общего с сюжетом русской повести о Фроле Скобееве. Судьба вскоре разлучает платонических любовников, а когда Феридат, верный прежней страсти, вновь находит Наркизу, то узнает, что она была вынуждена выйти замуж за его бывшего воспитателя и сообщника в альковной истории, который повторил опыт своего воспитанника, но с большим успехом использовал свое положение на ролях служанки.

Сходство изложенного эпизода из «Мирамонда» с «Домиком в Коломне», с одной стороны, может быть дополнительным аргументом в пользу традиционного комментария к приведенным выше стихам Пушкина, доказательством, что речь в данном случае идет о романах Эмина-отца, а не Эмина-сына. С другой стороны, имея в виду именно эти романы, Пушкин, возможно, намекал на комическое сходство сюжета легкой стихотворной повести с объемистым романом, относящимся к эпохе литературного дидактизма, романом, из которого почерпнула свою начитанность набобная и добродетельная Параша.

Упоминания Эмина у Пушкина и Булгарина почти одновременны: «Иван Выжигин» вышел в 1829 г., а «Домик в Коломне» писался в Болдине осенью 1830 г. Обращение Булгарина к примеру старинного романиста не удивительно; преемственность своих романов с русской литературой

²³ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 3-е, перераб. М., Учпедгиз, 1955, стр. 372.

²⁴ Ф. Эмин. Непостоянная Фортуна... Изд. 3-е. СПб., 1792, стр. 284.

²⁵ Там же, стр. 106 и сл. Рассказ Феридата — вариация распространеннейшего мотива переодевания. Об этом мотиве в мировой литературе см.: J. Semjonow. «Das Häuschen in Kolonna» in der poetischen Erbschaft A. S. Puskins. Uppsala, 1965, SS. 85—89.

XVIII в. он декларировал открыто.²⁶ Но имя Эмина должно было упоминаться также и в пушкинском кругу. Сведения о нем как об одном из современников Фонвизина разыскивал Вяземский для писавшейся в это время биографии комедиографа. Его интересовали пасквили Эмина, ссоры с Сумароковым, журнальная деятельность. Следы этих поисков есть в переписке Вяземского с И. И. Дмитриевым и А. И. Тургеневым.²⁷ Имя Эмина мелькало также в журнальных статьях в связи с историческими спорами 1820-х годов. В частности, Полевой, возражая Погодину на его рецензию на книгу Вевелина о Болгарии, писал в «Московском телеграфе» 1829 г. об «ученом невежестве», которое породило Тредиаковских, Эминых и... Вевелиных.²⁸ Ретроспективная репутация Эмина была такова, что уже в одной из самых резких, первых статей об «Иване Выжигине» рецензент, подписавшийся как «Истома Романов», позволил себе оскорбительно поставить Булгарина вровень с «покойником Эминым» и с издателями «Миллорда Георга» и других подобных «антиков».²⁹

Что касается общей оценки Эмина литераторами пушкинского круга, то в этом отношении показательны более поздние отзывы П. А. Плетнева, проводившего прямую параллель между Эминым и Булгариным. В 1841 г. в письме к Гроту он характеризовал Эмина как «Булгарина екатерининских времен», родоначальника современных литературных спекуляторов.³⁰ Ту же мысль он развивал на лицейском экзамене 1844 г., убедившись, что лицеисты вообще не слыхали об Эмине. «Я рассказал им, что Эмин — совершенный Булгарин своего времени; дал им понятие о разнообразии его трудов, о критике на него Шлегера и проч. и заключил, что, пролгавши всю жизнь, Эмин кончил свое литературное поприще книгою духовного содержания — „Путь к спасению“, которую и до сих пор лавочкики читают с умилением».³¹ В письме к Е. А. Баратынскому (1829) Дельвиг следующим образом характеризовал книжные новинки: «„Борскому“ подстать вышел „Ивап Выжигин“³². Пошлая и скучная книга, которая лет через пять присоединится к разряду творений Емина».³²

Скорее всего, таковы же были и историко-литературные ассоциации Пушкина. Во всяком случае в статье 1831 г. «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» он писал, что своим «Выжигиным» Булгарин «оживил пошлые подражания Совестдралу и Английскому Миллорду» (Акад., XI, 207).

В. П. Степанов

²⁶ См.: В. Ф. Переверзев. Пушкин в борьбе против русского плутовского романа. — В кн.: В. Ф. Переверзев. У истоков русского реалистического романа. Изд. 2-е. М., «Худож. литература», 1965, стр. 76—78.

²⁷ Старина и новизна, т. II, СПб., 1898, стр. 162, 228; Остафьевский архив, т. III, СПб., 1899, стр. 243, 619.

²⁸ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2. СПб., 1889, стр. 375—376. Несколько позднее фигура писателя «нового поколения», бездарного сочинителя и «ренегата» Эмина появляется в романе Кс. Полевого «Ломоносов» (ч. 2. М., 1836, стр. 301—302).

²⁹ Атений, 1829, № 9, стр. 298—324. Считается, что под псевдонимом «Истома Романов» скрывался С. Т. Аксаков; рецензия перепечатана в его «Собрании сочинений» (т. III, М., 1956, стр. 472—487). Однако С. Осовцов вводит ее в цикл статей Н. И. Надеждина, указывая, в частности, на перекличку с памфлетами Пушкина о Булгарине (С. Осовцов. С. Т. Аксаков или Н. И. Надеждин? Истома Романов. — Русская литература, 1963, № 3, стр. 97).

³⁰ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I. СПб., 1896, стр. 431.

³¹ Там же, т. II. СПб., 1896, стр. 261.

³² А. Дельвиг. Сочинения. СПб., 1893, стр. 167 (здесь: «творений Ельница», по это очевидная ошибка издателей).

ИЗ ИСТОРИИ РАННИХ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ ПУШКИНА

Роль Сергея Дмитриевича Полторацкого как пропагандиста творчества Пушкина достаточно хорошо известна.¹ Начиная с 1822 г. он постоянно помещал сведения о Пушкине и других русских писателях в «Revue encyclopédique», парижском журнале, связь с которым осуществлял через двух сотрудников журнала — Э. Эро, прожившего несколько лет в России, и Ж. М. Шопена, хорошо знавшего русский язык, также находившегося в России несколько лет в качестве секретаря князя А. Б. Куракина. В 1826 г. Шопен перевел на французский язык «Бахчисарайский фонтан», а во втором номере «Московского телеграфа» за 1828 г. появилась анонимная заметка Полторацкого² о переводе тем же Шопеном «Цыган», который, как сообщалось в заметке, он «посвящает одному русскому любителю словесности». Здесь же читатель уведомляется также, что Шопен приступил к переводу «Кавказского пленника» и «Онегина».³

О судьбе и истории упомянутых выше переводов сведений не было, между тем материалы архива Полторацкого сообщают на этот счет некоторые не лишние интересные детали. В неопубликованном письме к Полторацкому Э. Эро от 14 октября 1829 г. говорится следующее: «Мой друг и сотрудник г-н Шопен завершил только что перевод поэмы Пушкина, который он предлагает посвятить вам. Я хотел бы сделать то же, но у меня для этого не хватает возможности <...> Я не получил атлас Радищева и портрет Пушкина, предназначавшийся для Шопена».⁴

Таким образом, выясняется, что Полторацкий и был тем «любителем русской словесности», которому должен был быть посвящен перевод «Цыган». Полторацкий был, несомненно, в курсе этой работы Шопена. С ней непосредственно связан проект французского издания поэм Пушкина, для которого и предназначался упомянутый Эро портрет. Об этом проекте сам Полторацкий писал «по прошествии двух лет со дня возвращения <...> из Парижа» (т. е. 10 апреля (29 марта) 1834 г.), отыскав его в своих бумагах. Вот дословный текст этой записки, сделанный частично по-французски: «Проекты для Парижа. 1) Кавказский пленник. Периздать русский текст с параллельным французским текстом в переводе Шопена, с портретом (из Северных цветов) и с гравюрами, рисованными моей женой (Мария Петровна Княжкова, жена С. Д. Полторацкого, была неплохой художницей-дилетанткой, — В. К.), 2) „Бальный вечер“ Баратынского, id.; окупится, а барыши Шопену, да себе 25 экземпляров».⁵

¹ См.: Henri Mongault. Pouchkine en France. — Revue de Littérature comparée, 1937, Paris, p. 145; Ф. Я. Прийма. С. Д. Полторацкий как пропагандист творчества Пушкина во Франции. — Литературное наследство, т. 58, М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 297—307; Ю. И. Масанов. Un bibliophile russe. — В кн.: Ю. И. Масанов. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., Изд. Всесоюз. книжн. палаты, 1963, стр. 199—218.

² Перечень публикаций С. Д. Полторацкого в «Revue encyclopédique» составлен Ю. И. Масановым, см.: Советская библиография, вып. 2, 1947, стр. 79—84. На основании архивных данных из фонда Полторацкого мы можем определить его авторство для этой статьи: среди многочисленных записей библиографа для его «Словаря русских писателей», над которым он работал многие десятилетия, есть такая: «Моё. — „Моск. телеграф“, № 2, янв., ч. 19, 1828, стр. 279—280» (ГБЛ, ф. 233 (фонд Полторацкого), карт. 92, ед. хр. 31).

³ Московский телеграф, 1828, № 2, ч. XIX, стр. 279—280. То же известие о Шопене, который «приводит к окончанию перевод свой поэмы Пушкина „Цыганы“ и намеревается посвятить его одному русскому любителю словесности», помещено было в «Смеси» «Северной пчелы» (1828, № 20).

⁴ ГПБ, ф. 603 (фонд Полторацкого), ед. хр. 223, л. 16 об.

⁵ ГБЛ, ф. 233 (фонд Полторацкого), карт. 5, ед. хр. 10 (пункт 8).

Мы можем приблизительно предположить, что проект этот, «заново отысканный» Полторацким в 1834 г., мог возникнуть в 1828—1829 гг. Портрет Пушкина, о котором писал Полторацкий (гравюра Уткина с оригинала Кипренского), появился в «Северных цветах» на 1828 г., вышедших 22 декабря 1827 г.⁶ Именно эти годы были временем наиболее близкого общения Полторацкого с Пушкиным.

Шопеновский перевод «Бахчисарайского фонтана», который только и появился в печати, не был высоко оценен современниками.⁷ Сохранилось письмо Шопена к Полторацкому от марта 1854 г., где в ответ на просьбу последнего о присылке в Россию экземпляра «Бахчисарайского фонтана» он дает не слишком высокую оценку собственному переводу: «Прошло уже несколько дней, как я получил ваше милое письмо; я сразу поехал в деревню, чтобы разыскать старый грех своей юности „Фонтан слез“ (так для благозвучия во Франции называли „Бахчисарайский фонтан“, — В. К.), ни один экземпляр которого я не видел много лет, чтобы, наконец, послать вам этот перевод, единственная правда которого состоит в том, что он стал ныне таким редким, что я едва мог разыскать его для вас. Поскольку мы еще не объявлены врагами (назревала Крымская война, — В. К.), я надеюсь, мой хилый труд дойдет до вас».⁸

Таким образом, планам Полторацкого относительно перевода «Цыган» на французский язык при жизни Пушкина не суждено было осуществиться. Однако он и его друзья-библиографы зорко следили за тем, что появлялось в печати о Пушкине, как переводили поэта за границей. В архиве Полторацкого сохранился черновик незаконченной статьи его соратника по библиографическим трудам и друга И. А. Бессонова, написанной в ноябре 1847 г. в виде письма в «Journal des Debats» относительно переводов Пушкина, сделанных Дюпоном.⁹ И. А. Бессонов прежде всего упрекает Дюпона в том, что тот считает свои переводы первыми во Франции, и перечисляет тех, кто перевел Пушкина или писал о нем по-французски: Дюпре де Сен-Мор, Шопен, Ансло, Н. Голицын, Э. Мещерский, Лекуант де Лаво, Сиркур, П. Мериме, К. Мармье, Рещэй, К. Павлова, Хлюстиана (гр. Сиркур). «Возможно ли, — пишет далее Бессонов, — живя в России 8 лет, настолько изучить трудный для иностранца язык, чтобы попытаться перевести не только мелкие стихотворения, но и такое сочинение, как „Евгений Онегин“, в котором отразилась общественная русская жизнь 20-х годов, „Борис Годунов“, в котором язык Пушкина достиг крайней точки художественной выработанности и простоты, и „Цыган“, этого тоску навевающего, унылого, как предчувствие, страстного, как характер автора, неуловимого и туманного, как наши русские степи, как наши горизонты. творения (вариант: «В нем столько принадлежащего русской натуре автора, столько его воспоминаний, намеков, сближений, страсти, слез и воплей обманувшегося, разочарованного сердца, что разве сам поэт мог бы решиться на покушение передать сие на другом языке, да и тогда понятно оно и оценено могло бы быть одними русскими. В Европе в этой поэме иностранцы, а частью и наши критики старой школы хотя видеть то Дон-Жуана, то Чайльд-Гарольда, мы видим худо воспитанного, развращенного светом, праздного, без высокой цели, без общественного призвания русского дворянина»). Мы, русские, не вполне еще поняли сами и оценили это необыкновенное, исключительное произведение, положившее

⁶ Пушкин в печати 1814—1837. Сост. Н. Снявский и М. Цявловский. М., 1938, стр. 47—48.

⁷ Н. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. М., Изд. Всесоюз. книжн. палаты, 1960, стр. 318. Ср.: В. Шульц. А. С. Пушкин в переводе французских писателей. СПб., 1880, стр. 39—42.

⁸ ГПБ, ф. 603 (фонд Полторацкого), ед. хр. 406.

⁹ Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la premier fois en français. St.-Petersb., Bellizard; Paris, Impr. reunis, 1846.

резкую черту между всем, что было у нас написано прежде, и у каждого самого способного, самого знающего европейские языки задрожала бы рука, если бы вздумали передать его».¹⁰

Эта интересная на наш взгляд статья так и не увидела свет, а через год после ее написания скончался безвременно и сам автор, оплакиваемый Полторацким, который очень ценил в нем критика, библиографа, преданного памяти Пушкина человека.

Таковы эпизоды из ранней истории распространения произведений Пушкина за границей, добавляющие некоторые частные, но не лишённые интереса факты к истории восприятия Пушкина на Западе.

В. В. Крамер

НЕОБЪЯСНЕННЫЕ ЛАТИНСКИЕ ТЕКСТЫ У ПУШКИНА

Среди встречающихся в сочинениях и письмах Пушкина многочисленных латинских текстов — эпитафий, цитат, поговорочных выражений и т. п. — не все получили надлежащее объяснение. Цель настоящей заметки — восполнить некоторые из имеющихся в этой области пробелов, а тем самым и уточнить связь соответствующих латинских включений с содержащим их широким контекстом.

Направленная против Греча и Булгарина сатирическая статья «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», подписанная псевдонимом «Феофилакт Косичкин»,¹ имеет эпитафию: «In arenam cum aequalibus descendi. Cic.» При помощи имеющихся исчерпывающих индексов к сочинениям Цицерона² легко установить, что эта фраза у Цицерона в действительности не встречается, и, таким образом, содержащаяся в самом эпитафии ссылка на Цицерона как ее автора представляет собой мистификацию, вполне соответствующую характеру всей статьи, и прежде всего подписи «Феофилакт Косичкин». Однако не только содержание, но отчасти и форма эпитафии опираются на вполне определенный античный источник. Это «Диалог об ораторах» Тацита. Здесь в возникшем споре о преимуществах «старого» и «нового» красноречия представитель последней точки зрения Марк Април, обращаясь к своим собеседникам (гл. 22), говорит: *Ad Ciceronem venio, cui eadem pugna cum aequalibus suis fuit, quae mihi vobiscum est. Illi enim antiquos mirabantur, ipse suorum temporum eloquentiam anteponebat* («Перехожу к Цицерону, у которого шли такие же сражения с его современниками, как и меня с вами. Ведь они восхищались древними, а он предпочитал красноречие своего времени» — перевод А. С. Бобовича). Как видим, Пушкин вполне самостоятельно использовал этот текст, введя в него, помимо фиктивного авторства Цицерона, художественный образ «in arenam descendi»: «Я вышел на арену против своих современников».

Такое же творческое использование общеизвестного латинского материала представляет собой эпитафия к рукописному тексту стихотворения «Клеветникам России»: «*Vox et praetera nihil*» («Голос и ничего более»). Исход-

¹⁰ ГБЛ, ф. 233 (фонд Полторацкого), карт. 8, ед. хр. 10.

¹ Акад., XI, 204; первую публикацию см.: Телескоп, 1831, т. IV, № 13.

² H. Merguet. 1) *Lexikon zu den Reden des Cicero*. Bd. 1—4. Jena, 1877—1884; 2) *Lexikon zu den philosophischen Schriften Cicero's*. Bd. 1—3. Jena, 1887—1894; K. M. Abbott, W. A. Oldfather, H. V. Canter. *Index verborum in Ciceronis Rhetorica*. Urbana (Illinois), 1964; W. A. Oldfather, H. V. Canter, K. M. Abbott. *Index verborum Ciceronis epistularum*. Urbana (Illinois), 1938.

ником здесь послужил излагаемый Овидием в «Метаморфозах» (III, 356—399) миф о нимфе Эхо, иссохшей от неразделенной любви к прекрасному Наркиссу:

Extenuant vigiles corpus miserabile curae,
Adducitque cutem macies et in aëra sucus
Corporis omnis abit. Vox tantum atque ossa supersunt.
Vox manet: ossa ferunt lapidis traxisse figuram

(Исхощают несчастное тело бессонные заботы, худоба стягивает кожу, все соки тела уходят в воздух. Остаются только голос и кости. Голос продолжает существовать, а кости, говорят, приняли образ камня).

Легко понять, почему этот эпитафия оказался снятым в печатном тексте стихотворения, опубликованного в парадной и едва ли не официозной брошюре по случаю вятия Варшавы: здесь всякая ассоциация с любовным сюжетом «Метаморфоз» была бы крайне неуместна.

Заключительные главы XXXVIII книги Ливия (гл. 50—60) посвящены последним годам жизни героя II Пунической войны — знаменитого Публия Корнелия Сципиона Африканского, которые были омрачены тяжелым обвинением, выдвинутым против него политическими противниками. Оскорбленный подозрением в денежных злоупотреблениях, Сципион удалился из Рима в добровольное изгнание — в свое поместье в Кампани, где и скончался, завещав не возвращать его тело в Рим. Этот эпизод вошел в риторически окрашенную римскую историографию как классический пример «неблагодарной родины»,³ и можно с большой вероятностью предположить, что он упоминался и в курсе риторики, который читал в Царскосельском лицее де Будри.⁴ Во всяком случае трудно объяснить иначе как намеком на судьбу Сципиона появление латинского эпитафия «*Ingrata patria...*» в черновой рукописи стихотворения «Наполеон» (Акад., II, 706). Вместе с тем объяснимо и устранение этого эпитафия в окончательном тексте: тема «неблагодарной Франции», получившая впоследствии столь яркое выражение в стихотворении Лермонтова «Последнее повоселье», у Пушкина лишь косвенно затронута и уводит в сторону от основной идеи стихотворения «Наполеон», выраженной в его последней строфе.

Приведенные примеры с полной убедительностью показывают, что высказанная Пушкиным в «Опровержении на критики» самооценка, касающаяся его познаний в латинском языке («с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал Латинской книги и совершенно забыл латинский язык» — Акад., XI, 149—150), не соответствует действительности и в известной мере может быть сопоставлена с аналогичным его высказыванием о своем французском языке (письмо к Е. М. Хитрово от 20 июня 1831 г.).

Как эти примеры, так и многие другие говорят не только о широкой начитанности в латинских текстах, несомненно выходящей за круг авторов, включенных в лицейскую программу (достаточно упомянуть хотя бы

³ Начало такой интерпретации мы находим уже в эпически объективном изложении Ливия: «*Alii non tribunos plebis, sed universam civitatem, quae id pati posset incusabant: duas maximas orbis terrarum urbes ingratas uno prope tempore in principes inventas, Romam ingratiorem, si quidem victa Carthago victum Hannibalem in exilium expulisset, Roma victrix victorem Africanum expellat*» (Иные обвиняли не народных трибунов, а все государство, которое могло это допустить: два величайшие на свете города почти в одно и то же время оказались неблагодарными к своим выдающимся гражданам, но большую неблагодарность проявил Рим — побежденный Карфаген отправил в изгнание побежденного Ганнибала, а победивший Рим изгоняет победоносного Африкана).

⁴ О характере и содержании этого курса см.: Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 682—684.

цитату из Аврелия Виктора в «Египетских ночах»), но и об известной степени практического владения латинской фразеологией — таков неприязнительный, но вполне корректный в грамматическом отношении медицинский текст в «Путешествии в Арзрум».

Это дает основание рассматривать изящную латинскую фразу в речи Самозванца («Борис Годунов», Краков, Дом Вишневецкого) не как почерпнутую откуда-либо цитату, а как авторский текст Пушкина: «*Musa gloriam cogitat, gloriaque musam*» (Акад., VII, 54). «Слова Самозванца „Но мне знаком латинской музы голос“ — являются отражением рассказа Карамзина о том, что Отрепьев обучался польской и латинской грамматике», — отмечает Г. О. Винокур в комментарии к «Борису Годунову».⁵ Заслуживает быть отмеченным метонимическое употребление слов «*Musa*» и «*gloria*», встречающее параллель и в русском словоупотреблении Пушкина, см., например, «Словарь языка Пушкина», т. II, красота, рубрика 3.

Я. М. Борзовский

ДВА МАЛОИЗВЕСТНЫХ РИСУНКА ПУШКИНА

1. Портрет Шарля-Луи Дидло

На листе 78 «Лицейской тетради» А. С. Пушкина¹ есть два несколько странных наброска: мужской профиль и обнаженная нога с высоким подъемом и сильно развитой мускулатурой.

Портрет изображает мужчину, немолодого и некрасивого: очень худое, продолговатое лицо, большой нос, острый подбородок, обтянутые скулы; полузакрытые выпуклыми веками, чуть опущенные глаза, резкие морщины в углах, улыбка, слегка кривящая тонкие губы; высокий, голый лоб, на голове остроконечный колпак — не то ночной, не то шутовской, театральный. При взгляде на рисунок в памяти возникают портреты одного из современников поэта — знаменитого балетмейстера и хореографа Шарля-Луи Дидло.²

Вот внешность Дидло, как она описывается людьми, знавшими этого человека: «Я живо помню его личность <...> худощавый, рябой, с большой лысиной, длинный горбатый нос, серые быстрые глаза, острый подбородок, вся вообще его наружность была некрасива. Высокие воротнички его манишки закрывали наполовину его костлявые щеки»;³ «Худой, как олов, с преогромным носом...».⁴

Этот некрасивый, но оригинальный облик передается и пушкинским изображением. Особенно наглядно и явственно угадывается сходство при сравнении рисунка Пушкина с карандашным портретом Дидло, сделанным А. О. Орловским.⁵

⁵ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII. Л., Изд. АН СССР, 1935, стр. 473.

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 829, л. 78.

² Первую публикацию этого рисунка см. в статье: Р. Жуйкова. «Там и Дидло венчался славой...» — «Пушкинский праздник». Спец. вып. «Литературной газеты» и «Литературной России» от 6 июня 1973 г., стр. 7.

³ П. А. Каратыгин. Записки, т. 1. Л., «Academia», 1929, стр. 54.

⁴ С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 285.

⁵ Хранится в Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Портрет Дидло работы А. О. Орловского воспроизведен в кн.: Ю. Бахрушин. История русского балета. М., «Сов. Россия», 1965 (см. вклейки в конце книги). Портреты Дидло художника В. Баранова, Рей-

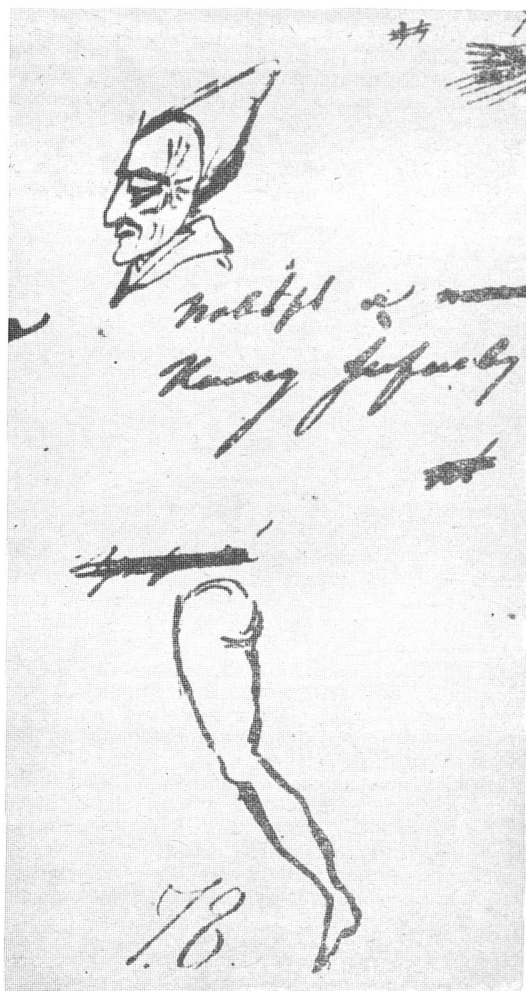
Шарль-Луи Дидло. Портрет работы А. О. Орловского.

Появление портрета Дидло в тетради Пушкина 1818—1820 гг. кажется вполне закономерным. Знаменитый балетмейстер, балеты которого пользовались огромной славой, человек эксцентричный и даже странный, — Дидло был необычайно популярен.

Театральные увлечения молодого Пушкина общеизвестны. В первой его поэме явственно чувствуются непосредственные впечатления от балетных спектаклей; замок двенадцати дев, волшебные сады Черномора кажутся декорацией для балетной феерии. Это давно отмечено исследователями, а Л. Гроссману дано основание заметить, что «великий поэт дебютировал поэмой-балетом».⁶ Позднее, в первой главе «Евгения Онегина»,

монда (гравюра с ориг. В. Баранова) и другие воспроизведены в работах, посвященных русскому балету начала XIX в.; см., например: В. Всеволодский-Гернгросс. Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПб., 1912, стр. 162—163; Ю. Слонимский. Дидло. Вехи творческой биографии. Л.—М., «Искусство», 1958 (фронтиспис и рис. на стр. 16—17), и др.

⁶ Л. Гроссман. Пушкин в театральных креслах. Л., 1926, стр. 131.

Дидло. Рисунок Пушкина из «Лицейской тетради».

вспоминая «волшебный край» театра, Пушкин отразил свое и своих современников восхищение великим балетмейстером: «Там и Дидло венчался славой!» «Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной» (Акад. VI, 12, 191).

Был ли юный поэт лично знаком с Дидло в двадцатые годы? По всей вероятности, нет. Но он мог видеть балетмейстера в театре, на сцене (Дидло выступал и в качестве исполнителя), на «чердаке» Шаховского, с которым Дидло был дружески знаком и у которого бывал, у них были некоторые общие знакомые. И одно несомненно: круг друзей Пушкина, мир «кулис», собрания «Зеленой лампы» — все было полно разговорами

о Дидло. Неистовая творческая одержимость мастера, постоянная погруженность в мир своего искусства, неукротимый темперамент, неимоверная требовательность и вспышки гнева, не щадившие ни учеников, ни признанных «корифеев», его странности, чудачковые и эксцентричные, — вот темы постоянных разговоров и многочисленных анекдотов о Дидло. Они встречаются буквально во всех театральных мемуарах: П. А. Каратыгина, С. П. Жихарева, Е. Асенковой, А. Головачевой-Панаевой. Многие из подобных рассказов Пушкин наверняка слышал и знал.⁷

Рисунок в «Лицейской тетради» — это явно не тот Дидло, которому дается столь серьезная, итоговая оценка в «Евгении Онегине». Набросок сделан как бы «под знаком» «Зеленой лампы», это — Дидло шумного и озорного застолья «вечерних пиров». Политические споры перемежались здесь шалостью, вдумчивые разговоры о драме или балете сопровождались, а то и комментировались анекдотом.

Скорее всего, пушкинский рисунок — реакция на какую-то роль Дидло: черты лица на изображении кажутся слегка утрированными гримом, обрывает смысл колпак на голове, а нога, обтянутая трико, — это нога танцовщика... Впечатление, пожалуй, не только смешное, но и трагическое: Дидло был немолод (он родился в 1767 г.), некрасив, но он не только ставил балеты, а нередко и сам танцевал в них. В 1810—1820-х годах он производил, очевидно, на сцене несколько нелепое впечатление, несмотря на все свое мастерство. Так, одному из зрителей той поры он показался карикатурой в тунике, трико, венке из роз на рыжем парике в роли Аполлона.⁸

А может быть, рисунок появился после рассказа об очередной «выходке» балетмейстера за кулисами или в репетиционном зале театрального училища. В таком случае в этом черновом, беглом наброске нам остался еще один, рассказанный на сей раз графически, анекдот о великом Дидло.

Немного о датировке. Портрет находится на том же листе, что и несколько черновых строк стихотворения «Платоническая любовь», написанного в ноябре—декабре 1819 г. И хотя соседство текста и рисунка здесь случайно, их совпадение можно объяснить временем появления: и стихи, и портрет возникли в один период.

20 марта 1819 г. состоялось первое заседание «Зеленой лампы». С тех пор, вплоть до своего отъезда в ссылку в мае 1820 г., Пушкин регулярно бывал в доме Всеволожского. Это было время наиболее интенсивного увлечения театром, балетом, знакомства с балеринами — ученицами Дидло. Именно этот период — весна 1819—весна 1820 г. — наиболее вероятное время появления портрета Шарля-Луи Дидло в рукописях поэта.

2. Портрет Натальи Ивановны Гончаровой

Среди рисунков известного альбома Е. Н. Ушаковой⁹ есть большой, во весь лист, портрет — погрудное изображение пожилой дамы. Пушкинская рука, пушкинский почерк сразу же чувствуются в быстрых волнистых линиях рюшей чепца, жабо пышного воротника. Контуром очерчено платье с высокой талией, намечена спинка кресла или дивана, на котором сидит женщина. Лицо прорисовано с редкой у Пушкина тщательностью, густая штриховка придает ему объемность и даже мясистость.¹⁰

⁷ Тема «Пушкин и Дидло» подробно освещена в кн.: Ю. Слонимский и др. Балетные строки Пушкина. Л., «Искусство», 1974.

⁸ С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 285.

⁹ Альбом Е. Н. Ушаковой хранится в ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1723.

¹⁰ Кажется, что поэт как бы прибегает здесь к усвоенным еще в Лицее

Н. И. Гончарова. Портрет работы неизвестного художника.
1810-е годы.

Н. И. Гончарова. Рисунок Пушкина в альбоме Е. Н. Ушаковой.

Под портретом крупными буквами, очевидно рукою хозяйки альбома Е. Н. Ушаковой, как-то нарочито старательно выведено: «Маминька Карса». «Карсом» в доме Ушаковых, где в 1828—1829 гг. часто бывал Пушкин, звали Наталью Николаевну Гончарову. Значит, здесь, на этом рисунке, изображена мать Натальи Николаевны — Наталья Ивановна Гончарова.

Действительно, пристально взглядываясь в изображение, начинаешь замечать в нем сходство с лицом Натальи Ивановны ее портрета в молодости.¹¹ Тот же прямой нос с широким расстоянием между бровями, капризно вырезанные губы, овал лица. Во взгляде, в выражении есть что-то общее. В очаровательном молодом лице чувствуется некая неприступность, неподатливые уголки губ не сообщают ему улыбки; главное же впечатление от «маминьки» — буквально физическое ощущение тяжести. Пристальный, тяжелый взгляд исподлобья, непреклонно и упрямо сжатые губы.

Между этими двумя изображениями — почти двадцатилетний промежуток: портрет датируется 1810-ми годами, рисунок в альбоме Ушаковой сделан весной или осенью 1829 г. За эти годы Наталья Ивановна и постарела, и отяжелела, и огрубела. Жизнь ее сложилась неудачно. Непалечимая душевная болезнь мужа рано обрекла ее на одиночество, лишила личного счастья; расточительность свекра отнимала надежды на будущее богатство, сулила разорение. Эти обстоятельства озлобили, ожесточили ее. Судя по воспоминаниям современников, в конце 1820-х годов, ко времени знакомства Пушкина с семьей Гончаровых, она была деспотичным человеком, с неровным, вбальмошным, не располагающим к себе характером. «Наталья Ивановна была довольно умна и несколько начитана, но имела дурные, грубые манеры и какую-то пошлость в правилах». ¹² Дом и дела ее были «в вечном беспорядке», зато к детям относилась она с жестокой строгостью и «дочерей своих бивала по щекам». ¹³ В отношениях между матерью и дочерьми не было ни теплоты, ни близости. ¹⁴

Пушкину вскоре же пришлось испытать на себе все приливы ее несдержанной раздражительности: Наталья Ивановна не стеснялась устраивать сцены и ему. Это причиняло боль, ставило помолвку с Натальей Николаевной на грань разлада даже тогда, когда вопрос о свадьбе, казалось, был решен. Так, в конце августа 1830 г., перед отъездом в Болдино, он писал В. Ф. Вяземской: «Я уезжаю, рассорившись с г-жей Гончаровой <...> Она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо...

Ах, что за проклятая штука счастье!» (Акад., XIV, 110; см. также 416).

Когда Пушкин был в Болдине, «Наталья Ивановна не позволяла дочери самой писать к нему письма, а приказывала ей писать всякую глупость и между прочим делать ему наставления, чтобы он соблюдал посты, молился богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого». ¹⁵

приемам и навыкам рисовальной школы. Приемы эти он хорошо помнил: тут же, в альбоме, есть незаконченный набросок собаки, в точности повторяющий давний ученический рисунок «Собака с птичкой».

¹¹ Портрет работы неизвестного художника (холст, масло), хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

¹² П. И. Барте не в. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Барте не в в 1851—1860 годах. М., 1925, стр. 63.

¹³ Там же.

¹⁴ В этом плане интересны и новые материалы, опубликованные в статье: И. Ободовская и М. Дементьев. Сестры Гончаровы и их письма. По неизвестным эпистолярным материалам. — Москва, 1973, № 10, стр. 184—197.

¹⁵ П. И. Барте не в. Рассказы о Пушкине... , стр. 63.

Ограждать свой семейный очаг от бесцеремонных посягательств тещи Пушкину пришлось и позднее.

В рисунке поэта ощущается неуютная атмосфера гончаровского дома; глядя на мрачное лицо «маминки», веришь, что дочери трепетали от страха, входя к ней, что «рука творила крестное знамение и язык шептал псалом, помпнавший даря Давида и всю кротость его».¹⁶

Портрет Н. И. Гончаровой в альбоме Е. Н. Ушаковой отличается меткостью психологической характеристики и является красноречивой иллюстрацией к письмам поэта и дочерей Натальи Ивановны, свидетельствам современников.

Следует также специально подчеркнуть, что набросок Пушкина — единственное достоверное, «подписное» изображение Н. И. Гончаровой 1830-х годов, и в этом его особенная иконографическая ценность.

Р. Г. Жуйкова

ТРИГОРСКОЕ В РИСУНКАХ ПУШКИНА

В одной из рабочих тетрадей Пушкина 1828—1833 гг. есть три рисунка, покроящих своей мягкостью и плавностью, какой-то особенной поэтичностью настроения.¹ Два из них были опубликованы А. И. Эфросом и объяснены как разновидности одного и того же «волжского» пейзажа:² вид с часовенкой на берегу и пейзаж с лодкой. Такое определение было сделано А. М. Эфросом на основании маршрута пушкинской поездки 1833 г. и по положению в рукописи; по его словам, Пушкин, только что переехав Волгу, воспроизвел по памяти запомнившийся речной пейзаж. Третий же рисунок (пожалуй, самый обобщенный и законченный из всех) А. М. Эфрос оставляет без внимания как вариант, очень похожий на пейзаж с лодкой («разновидность речного пейзажа, нарисованного на листе 55/2»).

Вряд ли, однако, можно считать случайным такое близкое совпадение вариантов. Уже А. М. Эфросом отмечалась свойственная этим пейзажам «особая живописная артистичность, которая у Пушкина в рисунках встречается очень часто».³ Добавим к этому явное стремление передать «реальное сходство» с изображаемой местностью, что так же мало характерно для пушкинской графики.

Чтобы уловить это сходство, необходимо рассматривать вместе все варианты изображавшегося пейзажа.

¹⁶ А. Арапова. Наталия Николаевна Пушкина-Ланская. — Новое время, 1907, № 11409, стр. 7.

¹ ИРЛИ, тетр. 839, лл. 58 об., 59, 59 об. Рисунки сделаны во весь лист каждый, 20×25,5 см, карандашом.

² А. М. Эфрос. Рисунки поэта. Л., «Academia», 1933, стр. 343, 345 (воспроизведения) и 448—449 (комментарий). О первом из этих рисунков А. Эфрос заметил: «... он воспроизводит, видимо по памяти, речной пейзаж, который Пушкин мог видеть во время своего путешествия в Оренбург в летние месяцы 1833 года. Маршрут этого путешествия позволяет предположить, что на рисунке изображена Волга» (там же, стр. 448). О втором рисунке говорится следующее: «По-видимому, рисунок является выражением возникшего при составлении письма к И. И. Дмитриеву, 1833 г., воспоминания о Волге, которую Пушкин переехал во время своего „пугачевского“ путешествия» (там же, стр. 449).

³ А. М. Эфрос. Рисунки поэта, стр. 448.

Поскольку рисунки почти непосредственно обрамлены черновиком «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»,⁴ мы должны обратиться к Михайловскому, откуда Пушкин вывез запись этой сказки в числе других семи сказочных сюжетов.

Пушкинские записки сказок сделаны, по-видимому, со слов Арины Родионовны в конце 1824—начале 1825 гг.,⁵ когда поэт, по собственному признанию, «живет недорослем, валяется на лежанке и слушает старые сказки да песни» (письмо к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. — Акад., XIII, 135). После отъезда родителей, отношения с которыми в Михайловском осложнились, Пушкин морально отдыхает, получает то успокоение, без которого невозможно творчество. Поэт живет сказками, постоянно пишет об этом друзьям, брату, а в одном из писем даже упоминает две сосны, о которых Арина Родионовна между прочим рассказывала: «Братья хоронят царевну в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам».⁶ В письме к брату, написанном в то же время (4 декабря 1824 г.), Пушкин, спрашивая об «Эде» Баратынского, прибавляет: «... если она милее моей черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду» (Акад., XIII, 127).

Позже в Болдине, обратившись к сюжету «Сказки о мертвой царевне», Пушкин мог вспомнить всю атмосферу Михайловского и рассказчицу няню, которой «свободно говорил язык словоохотный». Мысленное обращение поэта к Михайловскому в данном случае представляется вполне естественным.

Черновик «Сказки о мертвой царевне» в нескольких местах прерывается другими произведениями Пушкина.⁷ Непосредственно к рисункам примыкает черновое письмо И. И. Дмитриеву,⁸ написанное тем же карандашом, что и рисунки.⁹ В письме Пушкин сообщает о своем намерении издать «Историю Пугачева»: «Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пугачева, собственные письма Екатерины, Бибикова, Румянцева, Папина, Державина и других. Я привел их в порядок и надеюсь их издать <...> Могу ли надеяться, что Вы, милостивый государь, не откажетесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины?» (Акад., XV, 62; беловой текст неизвестен).

Датируется это письмо по-разному. В первом академическом издании переписки А. С. Пушкина оно отнесено ко второй половине ноября 1833 г., когда Пушкин был уже в Петербурге.¹⁰ Б. Л. Модзалевский тоже считал

⁴ ИРЛИ, тетр. 839, лл. 49 об.—63.

⁵ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. III. М., «Наука», 1965, стр. 536.

⁶ См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. X. 1965, стр. 464.

⁷ В частности, стихи «И о гроб царевны милой он ударился всей силой...» написаны на свободных местах «Повести из римской жизни» (л. 60), начало которой занимает в этой тетради три страницы. Далее черновик «Сказки» шсался Пушкиным параллельно с черновиком «Медного всадника», работа над которым шла одновременно; согласно авторской помете, поэма 31 октября была уже написана набело. Текст «Сказки» перебелен 4 ноября. Об этом см.: Акад., III, 1307. Следовательно, заметим попутно, набросок «Повести из римской жизни» сделан не позднее октября 1833 г. (в Акад., VIII, 1057 датировано ноябрем), а возможно, еще в Петербурге.

⁸ ИРЛИ, тетр. 839, л. 60.

⁹ А. М. Эфрос. Рисунки поэта, стр. 449.

¹⁰ См.: Сочинения Пушкина. Переписка. Под ред. В. И. Саитова. Т. III. СПб., 1911, стр. 60.

его написанным по возвращении из Болдина.¹¹ В большом академическом издании оно датировано мартом—апрелем 1833 г., т. е. временем до отъезда из Петербурга (Акад., XV, 259), а в малом (3-е издание) — концом мая—началом июня 1833 г.¹²

А возможно, что письмо это могло быть написано и в Болдине, когда у Пушкина уже были в руках упомянутые «важные» бумаги и он приводил в порядок свои «Записки о Пугачеве»; стихи же, как он сообщал в письме к жене от 8 октября, «пока еще спят» (Акад., XV, 85).¹³

Хлопоты об «Истории Пугачева», которыми наполнено письмо И. И. Дмитриеву, конечно, могли вызвать в памяти Пушкина только что оконченное путешествие по маршруту Пугачева, Волгу, которую переехал поэт в Симбирске и которую изобразил в записной книжке с подписью: «Смоленская гора. Церковь Смол. и дом Карамзина. 15 сент. Волга».¹⁴

Вслед за письмом к Дмитриеву на чистом листе в тетради появляется холмистый пейзаж с часовней и деревом на переднем плане. Пейзаж довольно абстрактный, но по своему настроению вполне соответствует эпическому, величавому характеру русской реки. В нем нет ничего от беглого и динамичного наброска с изображением дома Карамзина, сделанного в дороге, с натуры. И дом Карамзина, и церковь Смоленская там как бы намечены только, но не прорисованы; строения на берегу воспринимаются как верстовые вехи (как и в известном пейзаже с тройкой¹⁵), карандашные линии передают стремительное движение и неровности дороги. Здесь же, в пейзаже с тремя холмами (л. 59 об.), все спокойно: и тени на холмах, и изящный изгиб дерева с кустом на берегу. Рисунок явно делался не с натуры, а по памяти, в момент перерыва в литературном творчестве, когда, по словам исследователя, «творческая энергия, встретив запруду, катилась по боковому руслу»;¹⁶ когда в ознаменование окончания вещи или части, главы, строфы рисунок разрастался и даже обрастал вариантами, как это и было в данном случае.

Набросав вчерне сцену из «Сказки о мертвой царевне» (л. 58):

И пад милою царевой
Братья в горести душевной
Все поникли головой

Старший молвил: «Спи во гробе...»,

Пушкин в перерыве пишет письмо Дмитриеву в связи с «Записками о Пугачеве», над которыми работает; потом тут же, на следующем листе, рисует по памяти или отвлеченно какой-то волжский пейзаж. Затем, увидев, быть может, неожиданно для самого себя возникшие под карандашом три горы, плавно переходившие друг в друга, Пушкин, мысль которого была подспудно обращена к художественной капле «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»,¹⁷ вдруг вспомнил знакомые «три горы и

¹¹ А. С. Пушкин. Письма, т. III. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 660.

¹² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. X, стр. 432.

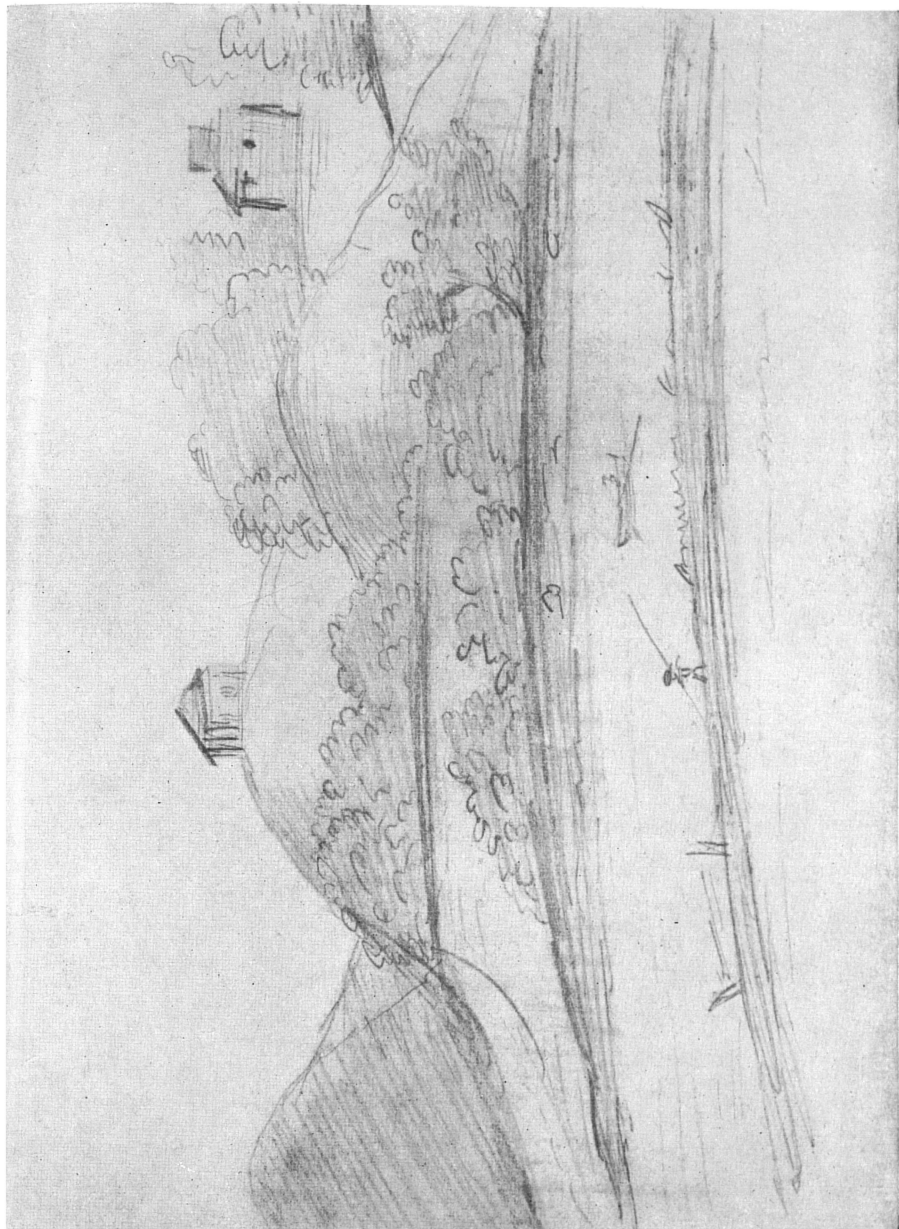
¹³ См. также следующее письмо жене от 11 октября: «Мой ангел, одно слово, съезди к Плетневу и попроси, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания законов (год. 1774 и 1775 и 1773) все указы, относящиеся к Пугачеву. Не забудь» (Акад., XV, 86).

¹⁴ Опубликовано Т. Г. Зенгер-Цявловской в кн.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935 (вклейка между стр. 400—401).

¹⁵ См.: Рукописи А. С. Пушкина. Альбом 1833—1835 гг. М., ГИХЛ, 1939, стр. 3 (фототипии).

¹⁶ А. М. Эфрос. Рисунки поэта, стр. 18.

¹⁷ Б. Л. Модзалевский считает, что сказка задумывалась Пушкиным уже по дороге в Болдино, и находит ее реминисценцию в письме поэта

Тригорское.
Рисунок
Пушкина.

Ваня
Григорьев
Рисунок
Пушкина.

дом красивый»,¹⁸ Михайловское, Арину Родионовну и милое сердцу Тригорское:

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы,
Приют, сияньем Муз одетый,
Младым Языковым воспетый.

(Акад., VI, 506)

И далее, во втором наброске, эти три холма компануются по-другому: это уже три горы (которые, видимо, яснее просматривались тогда в Тригорском, получившем свое название по этой особенности местности),¹⁹ поданные ближе друг к другу. И видится «дом красивый», а через овраг, слева, еще холм, четвертый, причем более крутой; в памяти всплывают соседнее с Тригорским городище Воронич и в целом тот уголок, где Пушкин не был уже шесть лет, но о котором помнил постоянно: переписывался с хозяйкой Тригорского П. А. Осиповой, мечтал поселиться в Савкине либо в какой-либо другой красивой местности по соседству с Тригорским (Акад., XVI, 201). «Лишь только буду свободен, я поспешу возвратиться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце», — писал он П. А. Осиповой по отъезде из ссылки в Москву 4 сентября 1826 г. (Акад., XIII, 294). Накануне отъезда в Оренбург и Болдино Пушкин призывался П. А. Осиповой: «Не знаю, когда я буду иметь счастье посетить Тригорское, но я до смерти этого хочу» (Акад., XV, 62).

Желание оставить свет — «мерзкую грязную лужу», поселиться в деревне, мечты о покое и воле, усилившиеся в 1830-е годы, в значительной степени связаны у Пушкина с Михайловским и Тригорским.

И то, что поэт, обратившись мыслями к Тригорскому, держа в руке карандаш, изображает на трех холмах не один, а два дома, не должно смущать нас, но, напротив, заставляет по-новому рассматривать эти рисунки. Ибо при жизни Пушкина рядом с известным теперь домом на другой стороне пруда стоял обветшавший господский дом, который Осипова покинула в 1820-х годах, переселившись с семейством в бывшее здание полотняной фабрики, украшенное по сему случаю колоннами (на рисунках дом слева). Младшая дочь ее, М. И. Осипова, рассказывала в 1866 г. М. И. Семевскому об этом: «Перестройка дома откладывалась с году на год, едва ли не до тех пор, пока года четыре тому назад от неосторожного выстрела одного юноши сгорело в Тригорском несколько построек, и в том числе погибли руины дома, состоявшего „в вечном подозрении“, что-де наступит же время, когда его перестроят».²⁰

И далее в пушкинской тетради вслед за рассмотренным появляется третий рисунок (л. 59), очень похожий на предшествующий, но уже освобожденный от отвлеченных деталей. Лодку и фигуру рыбака с удочкой Пушкин как бы забывает. Все его внимание обращено к трем холмам,

к жене от 21 августа 1833 г.: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица» (Пушкин. Письма, т. III. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 604).

¹⁸ Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. М.—Л., «Academia», 1934, стр. 288.

¹⁹ Ср. также у Н. М. Языкова: «Гора треххолмная стоит» (Полное собрание стихотворений, стр. 268).

²⁰ См. статью М. И. Семевского «Прогулка в с. Тригорское» в кн.: А. Н. Вульф. Дневники. М., «Федерация», 1929.

к домам. Они слегка сближены теперь, и тщательнее прорисованы и колонны нового жилища Осиповой, и «старый дом» с бельведером.

Подобные случаи тщательной прорисовки даже не пейзажа, а именно строений мало характерны для пушкинской графики. Видимо, это было навязчивое воспоминание, которое захватило Пушкина целиком и в конце концов оформилось в это поэтичное изображение жилища, «где цветут камнями хранимый труд и ум, изящно просвещенный».

При взгляде на него невольно возникает в памяти строфа из пушкинского романа: «Приют, сияньем муз одетый...».

Утверждать, что мысль Пушкина, державшего карандаш в руке над чистым листом бумаги, шла именно таким путем, а не иначе, было бы, разумеется, трудно, поскольку зарождение и развитие пушкинских ассоциаций — процесс, прослеживаемый не всегда и не во всей полноте деталей. Мы знаем, что нередко в этих ассоциациях было много неожиданного для нас и нами не разгаданного. Но в данном случае мы вправе заключить, что высказанное выше предположение справедливо, так много общего в характере анализируемых рисунков и в настроениях Пушкина начала 1830-х годов, когда он вспоминал Тригорское после шестилетнего отсутствия в этих краях.

Э. Ф. Карлова

ВОКРУГ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

1. Шведская «Пиковая дама»

А. Н. Егунов в 1968 г. обнаружил роман на немецком языке с таким же заглавием, как и пушкинская повесть, — «Пиковая дама», правда с подзаголовком «Сообщения из дома умалишенных в письмах» и с пометой «с шведского языка» (*Pique-Dame. Berichte aus dem Irrenhause in Briefen. Nach dem Schwedischen. Berlin, 1826*).¹ Поскольку на обложке книги обозначено имя знаменитого немецкого писателя-романтика Генриха Фридриха Карла де Ламотт-Фуке, хорошо известного русскому читателю пушкинской поры, то исследователь решил, что Фуке и есть автор романа. Помета же «с шведского языка» — мистификация: автор якобы хотел подчеркнуть, что фабула романа, действие которого происходит на туманном романтическом Севере, — экзотическая. А. Н. Егунову не было известно,² что за несколько лет до него на роман «Пиковая дама» как на аналогию пушкинской повести указал В. Набоков в своем комментарии к «Евгению Онегину».³ Таким образом, именно В. Набоков первым назвал автором романа Фридриха Ламотт-Фуке.

А. Н. Егунов лишь начал работу над статьей о романе, успев вкратце пересказать его содержание. Из этого краткого пересказа явствует, что роман «Пиковая дама» несомненно имеет точки соприкосновения с пушкинской повестью, прежде всего благодаря эпизодам карточной игры: «Сцены с картами являются не побочными, а главными в повести». Роковая карта — пиковая дама, сводящая с ума героя, неопытного, неудачливого игрока, трагическим образом изменяет всю его судьбу. В то же время роман по своему сюжету существенно отличается от пушкинской

¹ А. Н. Егунов. «Пиковая дама» Ламотт-Фуке. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., «Наука», 1970, стр. 113—115.

² См.: [М. П. Алексеев]. Немецкая «Пиковая дама». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., «Наука», 1970, стр. 111.

³ Eugen Onegin. A Novel in Verse by A. Pushkin. Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov. Vol. 3. New York, 1964, p. 97.

«Пиковой дамы»: он состоит из писем, которые безумный студент Шенандер, сидя в сумасшедшем доме, пишет умершему другу, рассказывая в них о своей жизни, полной злоключений и несбывшихся надежд. Поскольку письма эти наполнены «срочными излияниями в духе вертеризма»,⁴ А. Н. Егунов предположил, что роман развивает традиции немецкого штурм-уид-дранга, к которому повесть Пушкина никакого отношения не имеет.

Однако роман «Пиковая дама» — не немецкий, а шведский. Об этом читатель начала 1830-х годов мог быть осведомлен из книги путевых заметок французского историка и филолога-скандинависта профессора Жан-Жака-Антуана Ампера; в той части книги, которая озаглавлена «Очерки Севера» (*Esquisses du Nord*), рассказывается о творчестве видных шведских писателей и, между прочим, говорится буквально следующее:

«M. Hiarta a écrit, sous le titre bizarre de „la Dame de pique“, un roman évidemment inspiré par Werter, dans lequel, à la passion telle que Goëthe sait la peindre, se mêle un tour d’imagination excentrique, assez semblable à celui de Jean-Paul, et qui porte l’empreinte d’un génie particulièrement sombre, où l’on sent une tristesse toute scandinave».⁵

«Очерки Севера» Ампера в русском переводе печатались на страницах «Сына отечества» (1834). Интересующий нас отрывок опубликован в номере этого журнала за несколько месяцев до выхода в свет пушкинской «Пиковой дамы», напечатанной в «Библиотеке для чтения» (1834, т. II, № 3, отд. 1). Приводим его текст:

«Г. Гиарта написал, под странным заглавием „Пиковая дама“, роман, очевидно внушенный Вертером, роман, в котором со страстью, какую умеет представлять ее Гете, смешивается попеременно воображение заоблачное, довольно похожее на Жан-Полево и носящее на себе печать гения мрачного, в котором чувствуешь грусть истинно скандинавскую».⁶

Однако Гиарта (Hiarta) — не имя, а один из псевдонимов шведского писателя Класа Йухана Ливийна (*Clas Johan Livijn*, 1781—1844). Его жизнь сложилась таким образом, что он не смог целиком посвятить себя литературному творчеству. Получив университетский диплом юриста, Ливийн сначала служил в армии, исполняя должность полкового аудитора, а затем поступил в военно-придворное управление (*krigshofsrätten*); в 1827 г. он — статский советник, а с 1835 г. и до смерти — генеральный директор департамента тюрем. Судя по необыкновенной, поражающей современников осведомленности Ливийна в вопросах международной политики и юриспруденции, можно предполагать, что он выполнял важные и щекотливые полицейские функции. Видимо, у него имелись причины не афишировать своей персоны; он не печатался под своим именем. Говорили даже, что портрет, украсивший посмертное двухтомное собрание сочинений писателя (1850—1852), изображал не Ливийна, а другое лицо.

С одной стороны, высокопоставленный чиновник, ведающий местами заключения, с другой — человек, не удовлетворенный жизнью и судьбой, дух ищущий и метущийся, Ливийн во многих своих начинаниях опередил современников, но признания не получил. Он был инициатором романтического движения в литературе Швеции, одним из создателей шведского социального и сатирического романа, но оказался в числе забытых писателей. В рукописном собрании Королевской библиотеки хранятся четырнадцать томов его незавершенных произведений: драматических фрагментов, стихотворных и прозаических отрывков, набросков, которые поражают

⁴ А. Н. Егунов. «Пиковая дама» Ламонт-Фуке, стр. 113.

⁵ *Littérature et voyages, par J.-J.-A. Ampère. T. I. Allemagne et Scandinavie. Bruxelles, 1834, p. 155.*

⁶ [Ж. Ж. Ампер]. Очерки Севера. — *Сын отечества*, 1834, т. XVI, № 48, стр. 320. Автор выражает благодарность В. Э. Вапуру, указавшему на эту публикацию.

исследователей психологической глубиной, несвойственной шведской литературе эпохи романтизма, и мастерски скомпанованной интригой. Если бы эти произведения были дописаны и опубликованы, перед Скандинавией открылись бы совершенно новые пути и перспективы литературного развития, но ни одно из этих сочинений не было доведено до конца.⁷

Роман Ливийна «Пиковая дама, повесть в письмах, найденных в Данвикене» («Spader Dame, En berättelse i Bref funne på Danviken»; Данвикен — шведский Бедлам) — единственное значительное завершённое произведение, увидевшее свет при жизни его автора, в 1824 г. Скандинавы не оценили в должной мере и этого романа: «Пиковая дама» Пушкина хорошо известна в Швеции, но ни у кого она не вызвала литературных ассоциаций, связанных с романом Ливийна. Однако в Европе первой половины XIX в. нашлись люди, способные заинтересоваться творчеством этого забытого впоследствии шведского писателя. Одним из них был Ламотт-Фуке, знаток и поклонник скандинавской литературы, владевший шведским языком. В своих романах «История благородного рыцаря Гальми» («Historie vom edlen Ritter Galmy», 1806), «Альвин» («Alwin», 1808) и в знаменитой «Ундине» Фуке широко использовал мотивы северных волшебных сказок и баллад.⁸ Его драматическая трилогия «Герой Севера» («Der Held des Nordens», 1810) — едва ли не самая удачная в романтической литературе попытка творчески переработать сюжет сказания о Нибелунгах по древнегерманским и скандинавским источникам.⁹ Немецкий поэт поддерживал связи с шведским литературным миром;¹⁰ не случайно именно Фуке первым в Западной Европе перевел «Пиковую даму» Ливийна на иностранный язык. На немецком языке роман вышел в 1826 г.

Есть основания предполагать, что на книгу Ливийна обратил внимание и А. С. Пушкин. Высказанное В. Набоковым предположение, что тем или иным путем Пушкин мог познакомиться с „Пиковой дамой“ Ламотт-Фуке, представляется достаточно правдоподобным, хотя точных сведений об этом у нас не имеется.¹¹ Точные данные о переводе романа на иностранные языки отсутствуют, но известно, что все, как прозаические, так и стихотворные, произведения популярного во Франции Ламотт-Фуке многократно переводились на французский язык в 1820—1830-х годах. Таким образом, французский перевод «Пиковой дамы» Ливийна—Фуке, по всей видимости, существует.

Произведение это могло привлечь Пушкина не только примечательными сценами карточного банккета, в которых обыгрывается свойственная картам символическая многозначность. Как и пушкинская «Пиковая дама», роман Ливийна стоит особняком в европейской литературе романтизма: в обоих произведениях романтические каноны и клише поставлены под сомнение или пародированы. Не только из путевых заметок Ампера и из «Сына отечества» Пушкин мог узнать, что роман принадлежит именно автору-шведу, а не Фуке; например, в «Московском телеграфе» за 1825 г. говорилось, что в Швеции «под заглавным листом 1824 года издана в нынешнем году „Spader Dame. En berättelse i Bref funne på Danviken“. Это роман в письмах, найденных в Данвикене (дом сумасшедших близ Стокгольма). Герой сего романа — студент, который умирает в доме сумасшедших и оставляет после себя письма: в них содержится его история. Здесь искусно смешаны привлекательные кар-

⁷ См.: J. Mortensen. Clas Livijn. Ett nyromantiskt diktarfragment. Stockholm, 1913.

⁸ См.: A. Blanck. Den nordiska renässansen i sjuttonhundralets litteratur. En undersökning av den «götiska» poesiens allmänna och inhemska förutsättningar. Stockholm, 1914, ss. 183—184.

⁹ См.: M. K ü m m e r. Der Held des Nordens. Rostock, 1909.

¹⁰ См.: R. G. Berg. Novalis och Fouqué i Sverige. Stockholm, 1924.

¹¹ [М. П. Алексеев]. Немецкая «Пиковая дама», стр. 112.

тины с другими, раздирающими сердце. Читая сей роман со слезами на глазах, надобно громко смеяться».¹²

Пушкину должно было показаться примечательным то обстоятельство, что действие романа происходит в Швеции. А. Н. Егунов отметил, что роман написан в форме дневника «сердечных излияний <...> усугубленных экзотическими видениями».¹³ Видения эти — но понятиям романтиков, характерные для обитателей Скандинавского Севера, играющие в романе важную сюжетную и композиционную роль, — наводят на мысль о духовидце и теософе Сведенборге, одном из предтеч шведского и европейского романтизма. Недаром в повести у Пушкина имеется эпиграф из Сведенборга.

2. Эпиграф к главе V

Главе, в которой покойница-графиня почью является к Германну, чтобы сообщить ему тайну трех карт, предпослан эпиграф: «В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон В***. Она была вся в белом и сказала мне: „Здравствуйте, господин советник!“». Под этими словами подпись: «Шведенборг» (Акад., VIII, 246).

Комментаторы «Пиковой дамы», объясняя этот эпиграф, неизменно пытались затруднения. В алфавитном указателе к академическому полному собранию сочинений А. С. Пушкина напротив имени «Сведенборг, Эммануэль» («Шведенборг») сказано об интересующем нас эпиграфе: «... вымышленная цитата...» (Акад., VIII₂, 1106). По словам Н. О. Лернера, эпиграф этот, «может быть, надо приписать» самому Пушкину.¹⁴ Д. Якубович считал «показательным», что «к пятой главе „Пиковой дамы“ Пушкин дает именно эпиграф из „Шведенборга“»,¹⁵ но прибавлял: «Эпиграф, быть может, вымышлен, у Сведенборга пока не найден».¹⁶

Каков историко-литературный фон этого вымысла, какова его поэтика? На эти вопросы никто не дал удовлетворительного ответа, между тем эпиграфы представляют важную особенность пушкинской поэзии и прозы. Пушкин искусно и тщательно подбирал их из числа заранее подготовленных фрагментов заинтересовавших его письменных и устных источников, использовал «обрывки старого, свои давние наброски и записки».¹⁷ В «Пиковой даме» эпиграфы, будучи «символическими стержнями заданного и подразумеваемого строя значений, делают основными вехами сюжетного движения».¹⁸ Почти все эпиграфы в этой повести являются отрывками анекдотов, хорошо известных пушкинскому окружению. Эпиграф в первой главе — шуточные стихи, сообщенные Пушкиным кн. П. А. Вяземскому еще в 1819 г., но в несколько иной редакции; эпиграф во второй главе — отрывок из разговора Д. В. Давыдова с М. А. Нарышкиной, «слово в слово» переданный Пушкиным; материал для эпиграфа в шестой главе Пушкину мог дать анекдот, пересказанный в старой

¹² Обзорение шведской литературы за 1825 год. — Московский телеграф, 1825, ч. VI, № XXII (декабрь), отд. III (Критика и библиография), стр. 168—169.

¹³ А. Н. Егунов. «Пиковая дама» Ламонт-Фуке, стр. 113.

¹⁴ Н. О. Лернер. История «Пиковой дамы». — В кн.: Н. О. Лернер. Рассказы о Пушкине. Л., «Прибой», 1929, стр. 161.

¹⁵ Д. Якубович. Литературный фон «Пиковой дамы». — Литературный современник, т. 1, 1935, стр. 210.

¹⁶ Там же.

¹⁷ М. Гершензон. Пиковая дама. — В кн.: Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. IV. СПб., 1910, стр. 113.

¹⁸ В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1936, стр. 113.

записной книжке П. А. Вяземского.¹⁹ Можно предположить, что и эпитафия в пятой главе — отрывок из анекдота о Сведенборге, известного Пушкину и его современникам.

Подобный анекдот Пушкин мог прочесть в книге или услышать от знакомых. Хотя сочинения Сведенборга были запрещены духовной цензурой,²⁰ современники Пушкина, его знакомые и друзья читали их во французских и немецких переводах, интересовались западноевропейской литературой и шведском философе. В 1830—1840-х годах на Западе Сведенборг был в большой моде: им увлекались художники, композиторы, поэты, и в их числе Бальзак, тщательно собиравший анекдоты об удивительной жизни и мистических видениях Сведенборга.²¹ На мотивы его произведений сочинялись романы (например, «Серафита» Бальзака (1833—1835), писавшаяся одновременно с «Пиковой дамой») и оратории.²² И в России много говорили о Сведенборге; русские переводы его философских трактатов распространялись в рукописях.²³

Всякого рода парапсихологические эффекты (в том числе видение духов) современники Пушкина связывали с явлениями месмеризма и

¹⁹ Н. О. Лернер. История «Пиковой дамы», стр. 160—161.

²⁰ Запрет был строгим и существовал в России вплоть до революции 1905 г. Цензура не пропускала не только сочинений самого Сведенборга, но и книг и статей о нем. Так, например, П. А. Плетнев, поручивший одному из своих друзей, кн. В. М. Шаховскому, составить статью о Сведенборге для «Современника», писал Я. К. Гроту 7 апреля 1843 г.: «Он (В. М. Шаховской, — Д. Ш.) только боится, что ничего здесь не пропустят о нем (Сведенборге, — Д. Ш.); ибо раз в Москве цензор сказал при одной сведенборговой статье, что хотя тут ничего нет несогласного с православием, однако нельзя пропустить, так как это из Сведенборга» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I. СПб., 1896, стр. 52). Действительно, статья В. М. Шаховского осталась неопубликованной; Я. К. Грот отвечал Плетневу 14 апреля 1843 г.: «Сведенборга потому не может пропустить цензура, что он на Священном писании строит систему неземного мира, не совсем согласную с догматами общего христианского учения...» (там же, стр. 54). Цензура запрещала даже полемику со Сведенборгом; так, содержащая ее книга А. Аксакова не смогла увидеть свет в России и вышла в Германии (Рационализм Сведенборга. Критическое исследование его учения о Священном писании. Александра Аксакова. Лейпциг, 1870).

²¹ См.: Pauline Bernheim. Balzac und Swedenborg. Einfluss der Mystik Swedenborgs und Saint-Martins auf die Romandichtung Balzacs. Berlin, 1914 (Romanische Studien veröffentlicht von Dr. Emil Ebering, H. XVI).

²² А. И. Тургенев записал в дневнике (15/3 марта 1845 г.): «В 4-м часу явился m-me Eugenie Garcia и автор музыки Defresnes (...). Пели m-lle Garcia и m-lle Rassinie — превосходно! Сюжет для сего оратории взят из шведского мистика Сведенборга: в своих небесных похождениях встретил он ангела — деву Долориду, которая трехтысячелетними молитвами умолила бога простить грехи падшему ангелу Идамиелю, предопределенному до его падения быть супругом Долориды» (А. И. Тургенев. Хроника русского. Издание подготовил М. И. Гиллельсон. М.—Л., Изд. АН СССР, 1964, стр. 274—275).

²³ Так, трактат Сведенборга о супружеской любви издан в 1914 г. по рукописи, восходящей к началу XIX в. Этот анонимный перевод «как памятник сведенборгианского течения в России, о котором не многое известно, по которое несомненно существовало наряду с масонством, заслуживает особого внимания» (см. послесловие издателя в кн.: Эммануил Сведенборг. Увеселения премудрости о любви супружеской. Перевод автора неизвестного. Издал... В. Пашуканис. М., 1914, стр. 344).

магнетизма. В известной Пушкину²⁴ статье профессора Д. В. Велланского, напечатанной в «Литературной газете», утверждалось, что видения и сновидения, «из коих многие предвещают будущие случаи в жизни», «суть принадлежности магнитного состояния».²⁵ Здесь на память не мог не прийти Сведенборг; Я. К. Грот писал по этому поводу: «Один немецкий ученый, рассуждая о Сведенборге, приписывал его ясновидение магнитическому состоянию».²⁶

Сведенборгом интересовалось весьма большое число лиц: одно их перечисление занимает в работе П. Н. Сакулина об В. Ф. Одоевском несколько страниц.²⁷ Шведским мистиком увлекался В. И. Даль.²⁸ В. Ф. Одоевский для своего рассказа «Орлахская крестьянка» (1838; опубликован в «Откровенных записках», 1842, т. XX) выбрал эпиграф «из Шведенборга»: «Я предвижу, что многие почтут слова мои за выдумку воображения; я уверяю, что здесь нет ничего выдуманного, но все действительно бывшее и виденное не во сне, а на яву».²⁹ В отличие от эпиграфа к пятой главе «Пиковой дамы» отрывок этот, не составляя историко-литературной загадки, является сентенцией, которой Сведенборг обычно предвораля свои мистические откровения. Материалы о Сведенборге собирал П. А. Плетнев; в его письмах к Я. К. Гроту упомянуты имена многих поклонников шведского теософа.³⁰

Имя Сведенборга изредка появлялось и в подцензурной русской печати.³¹ Он выступает одним из главных действующих лиц в романе

²⁴ См.: М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 82.

²⁵ Акад. Д. Велланский. Замечание на статью литературного французского журнала «Le Furet». — Литературная газета, т. I, 1830, № 16, 17 марта, стр. 128.

²⁶ Я. К. Грот. Путешествие в Швецию в 1847 г. (из дневника, веденного в Швеции). — В кн.: Труды Я. К. Грота, т. 1. СПб., 1898, стр. 519.

²⁷ См.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель, т. 1, ч. 1. М., 1913, стр. 395—397.

²⁸ См.: А. В. Никитенко. Дневник, т. 3. М., 1956, стр. 270.

²⁹ См.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма, стр. 91.

³⁰ 18 ноября 1842 г. Плетнев сообщал Гроту: «Мы отправились на вечер к Александре Осиповне (Ишимовой, — Д. III.). Там был и «К. А.» Петерсон (чиновник, сотрудничавший в «Современнике», — Д. III.). Речь зашла о Сведенборге, о коем прочитали статью из разговорного лексикона. Я поручил Петерсону собрать все, что он может, о сем философе для «Современника» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, стр. 643). 7 апреля 1843 г. Плетнев вновь писал своему другу: «Я давно хлопочу, чтобы составить о нем (Сведенборге, — Д. III.) статью для «Современника», как журнала, посвященного исключительно Скандинавии. Распochина обещала мне достать о нем книги у Андрé Карамзина (сына Н. М.). Но после объявила, что есть некто князь Шаховской и зять его Александр Муравьев, которые давно изучают Сведенборга и готовы для меня написать о нем» (там же, т. II, стр. 52).

³¹ Нам известна рецензия кн. П. И. Шаликова на книгу Сведенборга «О небесах, о мире духов, и об аде» («De coelo et ejus mirabilis, et de Inferno, Ex auditis et visis». Londoni, 1758) во французском переводе (1812 г.). Шаликов признавал «Шведенборга» «исступленным мечтателем», сомневался, в «полном здравьи» ли духовидец и не шутит ли он над читателем, не соглашался «ни за что на свете» верить Сведенборгу, но отмечал, что этого «ученого человека» «пельзя назвать шарлатаном, ибо искренность его видна в каждом слове» (П. И. Ш а л и к о в. Шведенборговы откровения. — В кн.: Сочинения князя Шаликова, ч. 1. М., 1819, стр. 227—231).

К. Ф. Фан дер Фельде «Арвед Гюлленшэрна»³² отрывок из которого в русском переводе напечатан «Московским вестником».³³ На эту публикацию впервые обратил внимание Д. П. Якубович.³⁴ Его предположение, что Пушкин был знаком с этим отрывком, является тем более «доказательным»,³⁵ что первое, дрезденское, издание этого романа имелось в библиотеке с. Тригорского;³⁶ кроме того, в черновике, относящемся к четвертой и пятой главам «Евгения Онегина», Пушкин записал:

от 7 до 9 гл.
из Arwed
Gillenstierna.³⁷

Запись эта требует специального объяснения. Д. Якубович допустил неточность, полагая, что на русский язык переведена лишь седьмая глава «Арведа»;³⁸ на самом деле «Смерть Карла XII» в «Московском вестнике» — перевод и седьмой, и восьмой глав романа: пушкинское указание на это — дополнительное свидетельство высокой филологической культуры Пушкина-читателя. У него названа и девятая глава; все три главы романа посвящены событиям, непосредственно связанным с гибелью Карла XII, поэтому есть основания полагать, что Пушкин читал «Арведа» целиком. Но на каком языке? По словам Д. Якубовича, русский перевод «сделан с оригинала и достаточно точен»; однако произведенное нами сравнение указанных Пушкиным глав немецкого оригинала и французского и русского переводов показало, что русский текст в стилистическом и лексико-грамматическом отношениях (звучание имен, наличие галлицизмов и пр.) ближе к французскому. Вероятно, оригиналом для русского переводчика послужил именно французский перевод романа,³⁹ расхваленный позднее Н. И. Павлищевым на страницах «Литературной газеты».⁴⁰ И Пушкину удобнее было знакомиться с «Арведом» во французском переводе; тем самым поэт мог получить и более отчетливое представление о Сведенборге в обрисовке Фан дер Фельде.

Сведенборг здесь — человек «страшный», «таинственный», «предсказатель чуда и осуществления этого чуда», лицо, окруженное легендами, да и сам этот образ создан на основе легенд о шведском духовидце. Легендарный Сведенборг — толкователь снов и видений, вещей прорицатель, знакомый с тонкостями карточной игры, которой реально существовавший шведский философ отнюдь не увлекался. Сведенборг сделался героем

³² К. F. Fan der Felde. Arwed Gyllenstierna. Eine Erzählung aus dem Anfange des achtzehnten Jahrhunderts. Dresden, 1823.

³³ Смерть Карла XII. (Отрывок из романа Фан дер Вельде «Арвед Гилленштиерна»). — Московский вестник, 1828, ч. VII, № 111, стр. 279—301.

³⁴ См.: Д. Я к у б о в и ч. Литературный фон «Пиковой дамы». — Литературный современник, 1935, № 1, стр. 206—212.

³⁵ [М. П. А л е к с е в]. Немецкая «Пиковая дама», стр. 112.

³⁶ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М., «Academia», 1935, стр. 313.

³⁷ См.: Д. Я к у б о в и ч. Литературный фон «Пиковой дамы», стр. 212.

³⁸ Там же, стр. 210.

³⁹ Arwed Gyllenstierna, histoire du commencement du XVIIIe siècle, traduit de l'allemand, de C. F. Van-der-Felde. A Paris, 1826 (Romans historiques de C. F. Van-der-Velde, traduits de l'allemand, et précédés de notices, par A. Loève-Weimars, vol. 1).

⁴⁰ См. подпись: «Переводчик» Богемской» девичьей войны «П. И. Павлищев». Карл Франц Фан дер Фельде родился в Бреславле 27 сентября 1779 года <...>. — Литературная газета, т. I, 1830, № 23, апреля 21, стр. 185.

гадательных книг и даже слыл их автором.⁴¹ Подобная слава утвердилась и за Мартыном Задекой, что Пушкин, быть может, не случайно отметил в примечании (№ 33) к тем самым главам «Евгения Онегина», в черновых набросках которых упоминают «Арвед Гюлленшэрна»: «Гадательные книги издаются у нас под фирмой Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг» (Акад., VII, 194). Почтенные люди Мартын Задека и Сведенборг стали походить на менее почтенных людей — авантюристов Калиостро и Сен-Жермена; образ последнего присутствует в «Пиковой даме».

Анекдот о посещении асессора Сведенборга (у Пушкина он «светник») «пкойницей баронессой фон В***» в одну из ночей после ее смерти действительно существовал; об этом важном событии в жизни теософа рассказывает современный исследователь К. Р. Сигстед в своей фундаментальной монографии «Сведенборг-эпик».⁴² Содержание анекдота таково: у Сведенборга была родственница, тетка (сестра его матери), по имени Брита, особа хитрая, энергичная, властная, эгоистичная и отчасти демоническая. Светская красавица в молодости, она вышла замуж за родовитого аристократа, богача, капитана Альбрехта де Бема. Капитан оставил ей прекрасное состояние, которым Брита Бем (Brita Behm) отнюдь не намерена была делиться с семьей своей сестры, внешне не прерывая с ней довольно тесных родственных отношений. Оставшись вдовой, Брита доживала свой век в шведской столице, в большом красивом особняке, занимавшем целый городской квартал, ставшем впоследствии достопримечательностью Стокгольма, известном «дворце Русенадлера». Будучи первой дамой столицы, мадам Брита вела великосветский образ жизни и жила на широкую ногу, но, когда отец Сведенборга, епископ Сведберг,⁴³ наезжал в Стокгольм, чтобы принять участие в работе консистории, он лишь изредка удостоивался величайшей чести — «разделить кров» со своей знатной родственницей. У Бриты, в отличие от пушкинской графини, не было воспитанницы, но имелся пасынок, королевский библиотекарь Йухан Русенадлер, проживавший в ее доме и долгие десятилетия дождавшийся наследства.

В 1724 г. асессор Эммануэль Сведенборг оказался лично вовлеченным в бесконечную тяжбу с Бритой по поводу спорных пунктов в завещании капитана Бема. Это судебное дело стоило Сведенборгу, человеку психически неуравновешенному, много сил и нервов и, возможно, повлияло на его рассудок (несколько лет спустя после начала процесса асессор впервые увидел духов). Таким образом, Брита во многом сыграла роковую роль в жизни Сведенборга, подобно тому как и старуха-графиня стала причиной гибели Германна. Далее аналогия между действующими лицами

⁴¹ См., например, «Калиостро, или Гадание по картам. Новый и совершенно неизвестный способ гадания, вполне удовлетворяющий желания загадывающих особ, одобрен знаменитыми гадателями Ленорманом и Сведенборгом» (М., 1843). Очевидно, существовали и более ранние издания этой и подобных книг.

⁴² См.: С. R. Sigstedt. The Swedenborg Epic. The Life and Works of Emanuel Swedenborg. New York, 1952, pp. 68, 80, 97, 256.

⁴³ «Сведберг, человек, отличавшийся необыкновенною ученостью, трудолюбием и благочестивою жизнью, был взыскан милостью Карла XI, Карла XII и Ульрики-Элеоноры. Жена его и дети возведены были этою королевою, еще при жизни его, в дворянское достоинство и приняли фамилию: Сведенборг» (Я. К. Грот. Путешествие в Швецию в 1847 г., стр. 541). Баронессой Брита не была; но ее племянника Эммануэля Сведенборга в западноевропейской литературе часто величали бароном. Так называл его и Бальзак в подготовительных материалах к роману «Серафита» («Le baron Emanuel Swedenborg») (см.: Pauline Bernheim. Balzac und Swedenborg, S. 52).

анекдота и повести становится еще более близкой. Брита Бем, как и пушкинская графиня, дожила до глубокой старости и скончалась в возрасте восьмидесяти пяти лет, в 1757 г. Она дала о себе знать и после кончины: «Сведенборг говорит, что он беседовал с ней через три дня после того, как она умерла; сквозь веки она наблюдала собственные похороны, церемония которых по обычаям тех дней была впечатляющим зрелищем».⁴⁴

К сожалению, в монографии Сигстеда отсутствует точное указание на источник, откуда он почерпнул эти слова шведского мистика. Существует весьма обширный «Духовный дневник» Сведенборга («Swedenborgii Diarium Spirituale»),⁴⁵ но события, в нем сообщаемые, завершаются началом 1740-х годов, между тем Брита Бем умерла более чем на 10 лет позже. Анекдот этот может относиться и к числу легенд, которыми Сведенборг был окружен еще при жизни.

В 1844 г. «Сын отечества» напечатал перевод некоего французского сочинения под заглавием «Сведенборг»; здесь приводится анекдот о том, как Сведенборга посетил призрак умершей возлюбленной;⁴⁶ ссылка на источник отсутствует. Александр Аксаков также пересказывает ряд характерных анекдотов о Сведенборге, но и его ссылки точными не назовешь.⁴⁷ По словам Владимира Соловьева, «известные рассказы о некоторых особых случаях ясновидения и духовидения Сведенборга (<...> сообщение важных тайн умершими лицами) хотя и ссылаются на устные и письменные показания высоких особ, но не имеют достаточно точных и документальных удостоверений и не свободны от противоречий в подробностях».⁴⁸

Интересующий нас анекдот о «Шведенборге» и баронессе мог быть передан Пушкину кем-либо из его родственников, веривших в приметы и привидения. Л. Павлицев рассказывает несколько семейных легенд такого рода: о призраке, навещавшем Надежду Осиповну («Белая женщина»);⁴⁹ о том, как Василий и Сергей Львовичи увидели свою бабушку Чичерину на девятый день после ее смерти; о том, как Лев Сергеевич

⁴⁴ C. R. Sigstedt. The Swedenborg Epic, p. 256.

⁴⁵ Лучшее его издание — на английском языке: The Spiritual Diary of Emanuel Swedenborg, vol. I—V. Translated by Georg Bush and John H. Smithson. London, 1883.

⁴⁶ «Легкий шум, как бы от чьего-то прикосновения к стеклу, послышался за окном, выходящим на кладбище <...> окно растворилось само собою, и белый образ, едва оттенявшийся от повсеместной белизны снегов, медленно проник в комнату <...> Призрак отправился прямо к Эмануэлю и, приблизясь к нему, сбросил с себя покрывало» (Сведенборг. С французского С. Навроцкой. — Сын отечества, 1844, кн. 6—7, стр. 20, отд. IV (Иностранная словесность)).

⁴⁷ «Извлечено из рассказа русского посланника при шведском дворе графа Мусина-Пушкина, из писем и записок датского генерала Туксена, французского ученого академика Тьебо (Thiebault), который лично спрашивал о том у шведской королевы, академика Пернетти, знаменитого Канта, Юнга, Штиллинга и многих других особ» (А. Аксаков. Предисловие. — В кн.: О небесах, о мире духов и об аде, как слышал и видел Эмануэль Сведенборг. Перевод с латинского издания. Лейпциг, 1863, стр. XXX).

⁴⁸ Вл. Соловьев. Сведенборг. — Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. XXIX, СПб., 1900, стр. 80.

⁴⁹ «Женщина эта, как показалось моей бабушке, не шла, а скользила, как бы на коньках <...> Странное <...> существо приближается к ней, наклоняется к дивану, смотрит бабушке моей в лицо и затем, скользя по полу, опять, как бы на коньках, исчезает» (Л. Павлицев. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890, стр. 35—36).

повстречал свою покойную бабушку Марью Сергеевну,⁵⁰ и т. и. Павлищев замечает, что легенды эти «бесчисленны»: «Василий Львович (...) передавал своему брату и Ольге Сергеевне множество других страшных подробностей, распространяться о которых считаю уже излишним».⁵¹ Ольга Сергеевна специально изучала Сведенборга, и Сергей Львович, в библиотеке которого имелось немало мистических сочинений, был чрезвычайно рад этому. «Очень тоже рад, — писал он дочери, — что тебе удалось купить сочинения Сведенборга и Эккартгаузена. В горькие минуты шведский философ и немецкий мистик утешить могут всякого и укрепить в христианском благочестии. Как нельзя более желательно мне обладать познаниями Сведенборга и, подобно ему, летать во сне повсюду, куда бы ни захотел...».⁵²

Отсюда, однако, совсем не следует, что и сам А. С. Пушкин «не был чужд суеверия».

Пушкин с иронией относился к мистическим предрассудкам почитателей Сведенборга. Об этом можно судить по иронической интонации, привнесенной в пятую главу «Пиковой дамы» эпиграфом «пз Шведенборга». Ирония эта не «трансцендентальная», романистическая, а самая реальная, литературно-пародийная, ставящая под сомнение видение духов, — сюжетный штамп в литературе романтизма.

С именем Германна имя Сведенборга поставлено в связь не только потому, что ночью им обоим является привидение титулованной и вдовой покойницы. Пушкину необходимо было обрисовать исторический колорит «Пиковой дамы», подобрать точные «признаки времени».⁵³ Эпиграф «из

⁵⁰ Там же, стр. 38—39.

⁵¹ Там же, стр. 41.

⁵² Там же, стр. 361.

⁵³ По словам М. П. Алексеева, «у Пушкина в момент создания „Пиковой дамы“ мог быть под руками источник, обеспечивавший хронологическую точность при сопоставлении двух, казалось бы столь далеких друг от друга, событий — первого опыта воздухоплавания и открытия гипноза как врачебного средства. Таким источником могла быть ода Г. Р. Державина „На счастье“ (1789). В этой известной оде, написанной шуточным слогом и полной сатирических намеков на события того времени, Державин представляет счастье и переменчивость фортуны в различных образах и применениях, и в частности упоминает модные тогда „монгольферы шар“ и „магнетические“ опыты с предсказаниями будущего» (М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени, стр. 81). Пушкин, работая над повестью, мог припомнить и другое стихотворение Державина — «На балет Зефир и Флоры» (1808), в котором с юмором говорится об учении Сведенборга:

Но могли б мы возвышаться
И к понятию духов,
Их блаженством утешаться
На земли, средь облаков;
Днесь их разность в том лишь с нами,
Что наш связан с телом дух:
Будем, будем мы богами!
Прав ты, прав ты, Шведенбург!

(см.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. II. Издание имп. Акад. наук, СПб., 1872, стр. 682). Судя по этому стихотворению, Державин неплохо разбирался в основах swedenborgианского учения, согласно которому «всякий человек по внутренним началам своим (quo ad interiora) — дух», а по смерти он «вполне сохраняет чувства, память, мысли и любовь (affectiones), принадлежавшие ему в миру, поки-

Шведенборга» добавляет штрихи к психологической характеристике главного героя повести. Упоминание в ее тексте имени Сведенборга, говоря словами М. П. Алексеева, «является следствием глубоко обдуманного артистического расчета», «входит в целую систему подробностей, специально предназначенных» для того, чтобы всесторонне охарактеризовать Германа.⁵⁴ Дело даже не только в том, что Сведенборг также был военным инженером, чего Герману не мог не знать по роду своей специальности (Сведенборг изобрел особую многоцилиндровую машину для перевозки тяжелых пушек под стены крепости, во время осады которой был убит Карл XII). По выражению А. И. Герцена, Сведенборга отличала «холодно обдуманная мечтательность»;⁵⁵ он воплощал черты плоско-рационалистического сознания, присущего Герману и столь чуждого Пушкину.

Кроме того, нельзя, очевидно, образ старой графини в «Пиковой даме» сводить лишь к ее главному прототипу — княгине Голицыной и ей подобным петербургским и московским великосветским старухам. Пушкин в тексте повести назвал еще один возможный прототип графини — шведскую «баронессу фон Б.» — Бриту де Бем. Широта типического обобщения в образе Пиковой дамы поистине всемирна.

Д. М. Шарыкин

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ПУШКИНА В МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ

Первая половина XIX в. была характерна бурным пробуждением национального самосознания в странах Юго-Восточной Европы и на Балканах. В придунайских княжествах создалась для этого особенно благоприятная обстановка. После русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Молдавия и Валахия получили некоторую политическую и экономическую самостоятельность под покровительством России. Русскую администрацию обоих княжеств возглавлял генерал П. Д. Киселев, при котором одновременно с реформами административного порядка были осуществлены меры, способствовавшие развитию общественной и культурной жизни Молдавии и Валахии. Видное место при Киселеве заняли известные писатели, основатели современной румынской литературы, — Георге Асаки и Элиаде Рэдулеску, которым принадлежит заслуга издания первых национальных газет.

В 1829 г. в Бухаресте начала выходить газета Элиаде Рэдулеску «Курьерул ромынеск» («Румынский курьер»). В том же году в Яссах появилась газета Георге Асаки «Албина ромыняскэ» («Румынская пчела»), названная так по образцу петербургской «Северной пчелы». Обе газеты имели большое значение для развития национальной литературы. На их страницах печатались сначала переводы, а потом оригинальные произведения молодых авторов. Немалое внимание уделялось в них русской литературе и откликам на все значительные события русской литературной жизни. В 1830 г. на страницах газеты Асаки появился первый перевод из русской литературы. Это была ода Державина «Бог», переведенная

для одно только земное тело свое» (А. Аксаков. Предисловие. — В кн.: О небесах, о мире духов и об аде, как слышал и видел Эмануэль Сведенборг, стр. IV).

⁵⁴ М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени, стр. 79.

⁵⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. VIII. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 288.

Константином Стамати.¹ Вскоре там же была опубликована статья о Державине,² а в 1838 г. — о Крылове.³

4 марта 1837 г. «Альбина ромыняскэ» под рубрикой «Новости из-за рубежа» известила своих читателей о смерти великого Пушкина: «Русская литература понесла чувствительную потерю со смертью Александра Пушкина, который после непродолжительной болезни скончался 10 февраля на 38-м году своей жизни. Это был один из самых заслуженных поэтов России, известный и в других странах; из его произведений отметим поэму „Цыганка“, созданную им в 1821 году в Бессарабии».⁴

Через несколько дней о смерти Пушкина сообщила (под рубрикой «Россия») и первая газета Валахии: «Русская литература испытала очень чувствительную потерю в связи с безвременной кончиной поэта Александра Пушкина, произведения которого известны и ценятся даже за границей; он умер вчера после очень непродолжительной болезни в возрасте 38-ми лет». Тут же находим добавление: «Смерть знаменитого русского поэта Пушкина произвела огромное впечатление в Санкт-Петербурге. Дуэль, жертвой которой он пал, была неизбежной согласно господствующим в обществе предрассудкам о чести. В связи с этим император оказался настолько отзывчивым, что, как говорят, назначил вдове Пушкина пенсию в 12 000 рублей».⁵

Как мы видим, в эти сообщения вкралась некоторые неточности. Под поэмой «Цыганка» газета Асаки, очевидно, подразумевала поэму Пушкина «Цыганы», созданную им, однако, не в 1821 г., а в 1824 г., после его отъезда из Бессарабии. Интересно отметить, что эта ошибка Асаки соотносится с семейным преданием кишиневских друзей Пушкина Ралли, в имени которых поэт, как известно, встретил табор цыган, описанный в его поэме. Согласно этому преданию, Пушкин заполнял своими стихами и рисунками альбомы сестер Ралли. Среди стихов была и поэма «Цыганка». Альбомы долго хранились в семье, пока самая младшая из сестер, Елена, не вышла замуж за барона Стырча и не уехала в Буковину, где у ее мужа было поместье «Красна».⁶

Газета «Курьерул ромынеск», сообщая 18 марта, что Пушкин умер «вчера», явно публикует запоздалое извещение о кончине поэта, наступившей, как известно, не в марте 1837 г., а 29 января (10 февраля).

Обе газеты продолжали публиковать отклики на смерть Пушкина и позже. Ссылаясь на петербургские газеты, «Курьерул ромынеск» сообщал о подробностях военно-судного дела Дантеса-Геккерна: «Санкт-Петербург. Столичные газеты сообщают, что генерал-аудитор, рассмотрев дело барона де Геккерна, поручика лейб-гвардии кавалергардского полка, нашел его виновным в том, что он незаконно вызвал на дуэль камер-юнкера Александра Пушкина и смертельно его ранил. Дуэль была вызвана поведением Геккерна, который, настойчиво ухаживая за женой Пушкина, вызвал в его доме семейный разлад. Раздраженный этим Пушкин написал

¹ Albina românească, 1830, I, № 12, pp. 52—54.

² Там же, 1832, IV, № 31, стр. 121.

³ Там же, 1838, IX, № 20, стр. 81.

⁴ Там же, 1837, VIII, № 18, стр. 77.

⁵ Curierul românesc, 1837, VIII, № 2, 18 martie, p. 6.

⁶ Этот рассказ я слышала в Бухаресте от престарелого потомка семьи Ралли, Замфира Ралли-Арборе, переселившегося в Румынию в 1875 г. Незадолго до войны я совершила поездку в Буковину, но в имени «Красна» узнала, что сундук с документами и книгами семьи Ралли хранился в семье Хурмузак в Черновицах. Война прервала дальнейшие поиски. См. также: Z. Arbore. Quelques souvenirs sur la vie du poète russe Alexandre Pouchkine. — Revue de Roumanie, 1910, I, № 1, pp. 33—36; З. Ралли-Арборе. Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине. — Минувшие годы, 1908, № 7, стр. 1—6.

отцу Геккерна, нидерландскому посланнику, письмо в резких выражениях, задевающее честь обоих.

В результате генерал-аудитор, согласно статье 139-й военного закона и статье 352-й пятнадцатого тома Свода законов, вынес следующее постановление: поскольку доказано, что Геккерн вызвал на дуэль камер-юнкера Пушкина и убил его, постановлено разжаловать его в рядовые и лишить полученного им звания русского дворянина. Это постановление было представлено 18 марта на утверждение императора, который на нем собственноручно написал: „быть по сему“.

После того как у рядового Геккерна был отобран офицерский патент, он, не будучи русским подданным, был препровожден в сопровождении жандарма до границы.⁷

В 1839 г., в феврале, газета Молдавии «Албина ромыняскэ» сообщила о первом издании полного собрания сочинений Пушкина, осуществленном в 1838 г.: «Опека над детьми покойного Александра Пушкина издала в их пользу в начале ноября произведения великого поэта в восьми томах тиражом 10 000 экземпляров. Все издание было сразу распродано. Предстоит новое издание, в которое войдут стихотворения Пушкина, еще не опубликованные, и его биография. Предполагается, что это новое наследие принесет детям покойного доход в 90 000 рублей ассигнациями».⁸ Аналогичное сообщение появилось и в газете Валахии «Курьерул ромынеск».⁹

Год смерти Пушкина был ознаменован в Молдавии и Валахии первыми переводами из Пушкина. «Курьерул ромынеск» поместил на своих страницах перевод «Черной шали». Это был дебют молодого писателя Костаке Негруци, встречавшегося с Пушкиным в Кишиневе в 1821 г.¹⁰

Бухарестский литературный журнал «Курьерул де амбе сексе», издателем которого был Элиаде Рэдулеску, прибавил к «Черной шали» перевод «Курджали», осуществленный тем же Негруци.¹¹ Перевод «Черной шали» появился также в бухарестском журнале «Курьосул».¹² Позже перевод Негруци был перепечатан в трансильванском журнале «Фоайе пентру минте, инимэ иш лигературэ»,¹³ а в 1841 г. — в яском альманахе «Спикаторул молдо-валах», во французском отделе которого «Черная шаль» была помещена во французском переводе Шарля Дюрана.¹⁴

В год смерти Пушкина в Бухаресте вышел отдельным изданием перевод пушкинских «Цыган», осуществленный молодым писателем Алеку Доничем.¹⁵ Эта небольшая книжка являлась не только своеобразным «венком» на гроб великого русского поэта. Ее появление совпало с началом общественного движения в Молдавии и Валахии за освобождение от рабства цыган. В том же году появилась брошюра известного государственного деятеля и писателя Михаила Когэлничану на французском языке «Очерк о цыганах», явившаяся первым протестом в румынской литературе против рабства цыган.¹⁶ Тогда же в Валахии были освобо-

⁷ Curierul românesc, 1837, № 14, 21 mai, p. 54.

⁸ Albina românească, 1839, X, № 12, 9 februarie, p. 45.

⁹ Curierul românesc, 1839, X, № 16, 1 februarie, p. 61.

¹⁰ Там же, 1837, стр. 81—84.

¹¹ Curierul de ambe sexe, 1836—1838, № 6, pp. 104—116.

¹² Curiosul, 1837, № 3, p. 81.

¹³ Foaiе pentru minte, inimă și literatură, 1838, № 13, pp. 103—104.

¹⁴ Le Glaneur moldo-valaque, 1841, № 3, pp. 82—86.

¹⁵ Alecu Donici. Țiganiі. Piіma a lui A. Pușchin. București, 1837.

¹⁶ Michel de Kogalnitshan. Esquisse sur l'histoire, les moeurs et la langue des Cigans. Berlin, 1837. Подробный разбор книги Когэлничану был сделан в 1838 г. в «Северной пчеле» (№№ 75, 77 и 82). Автор статьи, скрывшийся за подписью «А», был, очевидно, Александр Стурдза. В статье много цитат из пушкинских «Цыган».

ждены цыгане, считавшиеся государственной собственностью. Когда в 1844 г. примеру Валахии последовала Молдавия, там снова вспомнили о пушкинских «Цыганах». В литературе была широко использована цыганская тема, причем в одном из таких произведений (в повести Василе Александри «История одного червонца») не только упоминаются Пушкин и его поэма, но и обильно цитируются по переводу Донича отрывки из пушкинских «Цыган».

К откликам на смерть Пушкина в Молдавии и Валахии относится и художественный очерк Костаке Негруци «Калипсо», опубликованный в 1839 г. в ясской газете «Албина ромыняскэ» и в бухарестской газете «Курьерул ромынеск». Очерк посвящен памяти Пушкина. В нем Негруци рассказывает о своем пребывании в Кишиневе в 1821 г. и о знакомстве с Пушкиным и с воспетой русским поэтом гречанкой Калипсо. Рассказ Негруци был впоследствии включен автором в первый сборник его произведений «Грехи молодости».¹⁷

Е. М. Двойченко-Маркова

¹⁷ C. Negruzzi. Păcatele tinereților. Iași, 1857, pp. 268—271.

IV. ХРОНИКА

НЕКРОЛОГ

Зоя Антоновна Бориневич-Бабайцева

7 октября 1972 г. в Одессе на 87-м году жизни скончалась З. А. Бориневич-Бабайцева, в течение многих лет являвшаяся председателем Одесской Пушкинской комиссии.

Зоя Антоновна родилась 29 декабря 1885 г. (11 января 1886 г.) в семье, занимавшей заметное место в общественно-культурной жизни Одессы. Ее дед Самуил Бориневич, выходец из крестьян, переселился в Одессу в 1831 г. Он оставил после себя воспоминания, являющиеся интересным источником по истории быта столицы «Новороссии» во второй четверти прошлого века.¹ Отец Зои Антоновны, Антон Самойлович Бориневич (1855—1946), еще будучи студентом физико-математического факультета Одесского («Новороссийского») университета, как участник народовольческого движения был в 1879 г. арестован и сослан в Восточную Сибирь. По отбытии ссылки он стал земским статистиком, в 1887 г. вернулся в Одессу, где на протяжении нескольких десятилетий возглавлял городское статистическое бюро. После революции Антон Самойлович еще много лет возглавлял статистические учреждения, а с 1918 г. начал преподавательскую деятельность как профессор статистики в Одесском институте народного хозяйства.

В этой семье, впитавшей в себя лучшие традиции прогрессивной русской интеллигенции, связанной со многими представителями передовых общественных кругов, рано определились общественные и культурные интересы Зои Антоновны, ее тяга к литературе и культурно-педагогической деятельности.

Получив среднее образование в гимназии, которую она окончила в 1904 г., Зоя Антоновна поступила на историко-филологический факультет Одесских высших женских курсов, где преподавали основные профессора Одесского университета. По окончании курсов Зоя Антоновна начала преподавание истории и литературы в женских гимназиях, обнаружив незаурядный педагогический талант.

Но особенно большой размах преподавательская деятельность Зои Антоновны приобрела после утверждения Советской власти — сначала в качестве преподавателя рабфаков и техникумов, а с 1923 г. в высшей школе — в Одесском педагогическом институте и, позднее, в университете. На протяжении многих лет Зоя Антоновна читала курсы теории литера-

¹ С. Бориневич. 1) Кое-что о жизни Одессы в 30-х годах. — В кн.: Из прошлого Одессы. Одесса, 1894, стр. 96—103; 2) Еще два слова об Одессе в 30-е годы. — Там же, стр. 324—329.

туры, общие курсы по истории русской литературы XIX — начала XX в., а также спецкурсы и спецсеминары по Чехову и Пушкину.

Преподавательская деятельность Зои Антоновны продолжалась в высшей школе в течение почти столетия, и ее многочисленные ученики сохранили благодарную память о ней как о замечательном мастере педагогического дела. Ее лекции превращались в подлинную школу нравственного и эстетического воспитания.

Научно-литературная деятельность З. А. Бориневич-Бабайцовой началась в 20-е годы и была сосредоточена вокруг двух тем — Чехов и Пушкин. Но последняя тема постепенно стала основной, и это было в значительной мере стимулировано ее участием в работе организованной в 1924 г. в Одессе Пушкинской комиссии при Доме ученых. 13 марта 1926 г. она сделала доклад «Пушкин и одесские альманахи», опубликованный в том же году во 2-м выпуске издания «Пушкин. Статьи и материалы» Одесской Пушкинской комиссии.

Наибольшая активность Зои Антоновны в области пушкиноведения пришлась на 50—60-е годы, когда она возглавила возрожденную по ее инициативе в 1950 г. Одесскую Пушкинскую комиссию. С этого момента и до дня смерти, т. е. на протяжении почти четверти века, она была бессменным председателем комиссии, с исключительной энергией и ответственностью руководила ее деятельностью. На заседаниях комиссии она была наиболее частым докладчиком, выступала со многими сообщениями, обзорами литературы, делилась результатами своих изысканий и т. д., публиковала на страницах «Временника» Пушкинской комиссии, местных газет и в других изданиях информации о работе комиссии, об очередных пушкинских конференциях и т. п.

Особенно много трудов вложила Зоя Антоновна в организацию пушкинских конференций, которые с 1954 г. проходили попеременно в Одессе и Кишиневе. Она была соредактором двух томов сборников «Пушкин на юге» (т. 1 — 1958, т. 2 — 1961), в которых были опубликованы основные доклады, прочитанные на этих конференциях. Эти два объемистых тома заняли определенное место в пушкиноведческой литературе. Зоя Антоновна была участником пушкинских конференций, проведенных в Ленинграде и других местах.

К сожалению, большая часть чтанных Зоей Антоновной докладов и сообщений не была опубликована. Поэтому оставленное ею литературно-научное наследие очень неполно отражает ее реальную роль как пушкиноведа и организатора пушкиноведческих изысканий в Одессе.

Труды Зои Антоновны в области пушкиноведения (список основных из них приводится ниже) делятся на два цикла. К первому относятся работы, в которых обрисован культурно-общественный «климат» Одессы пушкинской поры, делается попытка показать сумму жизненных наблюдений, которыми обогатил Пушкина год жизни в этом городе. К этому циклу относится упоминавшаяся выше статья «Пушкин и одесские альманахи», содержащая ряд ценных наблюдений, не утрачивая и сейчас своего значения. В нескольких статьях исследовательница анализирует причины высылки Пушкина из Одессы. Она доказательно опровергает укоренившееся в старом пушкиноведении утверждение, что в основе конфликта между поэтом и Воронцовым лежали личные моменты. Для Зои Антоновны нет сомнения в том, что основными и определяющими были здесь политические мотивы и что Воронцов видел — и с полным основанием — в Пушкине «опасную» с позиций самодержавия фигуру.

Свои наблюдения над одесской главой биографии Пушкина Зоя Антоновна обобщила в большой статье «Пушкин в Одессе», опубликованной в сборнике, вышедшем к 150-летию со дня рождения поэта (О. С. Пушкин в Одессе, Одесса, 1949).

Второй цикл пушкиноведческих работ Зои Антоновны посвящен анализу пушкинского творчества так называемого «южного периода». В работах этого цикла она стремилась показать, что именно на юге, и в пер-

вую очередь в Одессе, Пушкин, изживая свой романтизм, превращался в «поэта действительности». Углубленному анализу подвергнуты стихи так называемого «овидиевского цикла», вскрыт их психологический и общественный подтекст.

Обращает на себя внимание то толкование, которое дает исследовательница известному четверостишию в стихотворении «К морю»: «Ты ждал, ты звал... я был окован; Вотще рвалась душа моя: Могучей страстью очарован, У берегов остался я». При комментировании этих строк обычно указывают, что «имеется в виду чувство к Е. К. Воронцовой» (см., например: Акад., II, 669). Но Зоя Антоновна выдвинула очень интересное предположение, что речь идет о привязанности к родине, которую поэт не в силах был покинуть.

Характеристика З. А. Бориневич-Бабайцевой была бы неполной, если бы не отметили бы присущее ей чувство глубокого патриотизма. Во время Великой Отечественной войны она прочла громадное число лекций в воинских частях и в госпиталях. Оказавшись в Одессе в тяжелое время ее оккупации фашистскими захватчиками, Зоя Антоновна поддерживала связи с партизанским подпольем, что и было отмечено награждением ее медалями «За оборону Одессы» и «Партизану Отечественной войны».

Человек большого личного обаяния, большой человеческой доброты, Зоя Антоновна была вместе с тем строга к себе и требовательна. Ей присуще было большое чувство долга. Вокруг нее создавалась атмосфера особо высокой человечности, какой-то душевной приподнятости и отрешенности от будничности. Такой она навсегда останется в памяти ее многочисленных учеников, друзей и товарищей по работе.

Бюро Одесской Пушкинской комиссии

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ З. А. БОРИНЕВИЧ-БАБАЙЦЕВОЙ В ОБЛАСТИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

1. Пушкин и одесские альманахи. — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. (Под ред. М. П. Алексеева). Вып. 2. Одесса, 1926 (Одесский дом ученых. Пушкинская комиссия), стр. 51—69.
2. Пушкин в Одессе. — В кн.: О. С. Пушкин в Одессе. Одесса, 1949, стр. 69—98.
3. Одесский период жизни Пушкина. — В кн.: Пушкинская юбилейная сессия. 150-летие со дня рождения Пушкина. Тезисы докладов. Одесса, 1949, стр. 37—39.
4. Одесские впечатления в творчестве Пушкина после 1824 г. — Збірник Філологічного факультету (Одеського держ. університету), т. IV, Одесса, 1954, стр. 75—89.
5. Овидиев цикл в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкин на юге, вып. 1. Кишинев, 1958, стр. 164—178.
6. Высылка Пушкина из Одессы. — Там же, стр. 264—280.
7. Лирика Пушкина южного периода. — В кн.: Пушкин на юге, вып. 2. Кишинев, 1961, стр. 265—288.
8. Изучение творчества Пушкина в Одессе и в Одесском университете. — В кн.: Юбилейна сесія, присвячена 100-річчю Одеського державного університету. Тези доповідей. Філологічн. науки. Одесса, 1965, стр. 4—7.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА) В 1972 г.

Важнейшим событием для музея явилось решение исполкома Моссовета о передаче музею мемориального здания на Арбате, дом № 53, в котором находилась единственная сохранившаяся в Москве квартира Пушкина. Мемориальная доска на доме гласит: «В этом доме жил А. С. Пушкин с начала февраля до середины мая 1831 г.». Таким образом, литературный музей Пушкина в Москве, созданный сравнительно недавно, обретает и свою мемориальную часть. Работа над этим мемориально-художественным комплексом займет несколько лет.

Подготовительные работы уже начались: составлен план научной работы по изучению непосредственно дома, близлежащего района, Москвы пушкинской эпохи; ведутся консультации с учеными, архитекторами, художниками. Разрабатывается методика сложной работы по созданию мемориальной экспозиции. К этой работе подключается широкая общественность. Нет сомнений, что друзья пушкинского музея во многом помогут, как это было на протяжении всех лет организации московского музея А. С. Пушкина. Музей наметил большой круг совещаний и пушкинских чтений, тематически связанных с организацией нового — мемориального — отдела.

В 1972 г., как и все музеи страны, московский пушкинский музей участвовал во всесоюзном смотре массовой работы музеев, посвященном 50-летию образования СССР. В итоге смотра музей получил диплом первой степени. К 50-летию образования СССР музей осуществил открытие двух выставок: «Увековечение памяти Пушкина. (Пушкинские музеи страны)» и «Пушкин на языках народов СССР». В экспозицию первой выставки входят постановления партии и правительства начиная от первых лет Советской власти, фотографии, путеводители, документы, рассказывающие о становлении и развитии пушкинских музеев в нашей стране, о создании традиции пушкинских праздников поэзии. Материалы выставки охватывают и совсем новые, недавно открывшиеся музеи — в селе Берново Калининской области, в Торжке, «Домик станционного зрителя» в с. Выра Гатчинского района Ленинградской области. Экспозиция «Пушкин на языках народов СССР» существует в музее в течение нескольких лет. В минувшем году она существенно пополнилась переводами Пушкина на языки народов СССР. Сейчас на выставке представлены материалы на 56 языках, среди которых есть языки народов, не имеющих ранее письменности, — нымыланский, лакский, табасаранский и др. В двух выставочных залах музея в мае открылась выставка «Их знал Пушкин. Женский портрет в гравюре и литографии». В экспозицию вошли 53 листа из уникальной гравюрной коллекции Я. Г. Зака. На выставке представлены портреты современника поэта: родных и близких, светских знакомых, актрис, писательниц. В экспозицию включены и наиболее интересные портреты Пушкина, начиная от прижизненного гравюрного портрета работы Н. И. Уткина (1828 г.) и кончая офортами Матэ и Рупдальцева 1890-х годов. В начале 1973 г. выставка экспонировалась в картинной галерее г. Тюмени. Продолжалась работа по созданию музеев в пушкинских местах Калининской области.

В 1972 г. сотрудникам музея удалось осуществить ряд важных публикаций, в большинстве случаев связанных с научной атрибуцией портретов; см.: С. Т. Овчинникова. Рисунок Пушкина [о портрете Е. Вельяшевой на рукописи поэта]. — Литературная Россия, 1972, № 7, 11 декабря; Е. В. Павлова. Прекрасная и добрая [атрибуция и история портрета Е. М. Хитрово работы О. А. Кипренского]. — Художник, 1972, № 4; Е. В. Павлова. Загадка одного портрета [о неизвестном ранее портрете Н. Н. Пушкиной работы И. К. Макарова]. — Литературная газета, 1972, № 22, 31 июня; Л. И. Вуич. Гравер Павлинов. — Альм. «Прометей», № 9.

Дом в Москве на Арбате, в котором жил Пушкин с февраля по май 1831 г.

Событием для музея стала подготовка первого в его истории каталога — «Новая московская изобразительная пушкиниана» (20 печ. листов). Для каталога отобрано 205 наиболее интересных предметов из изобразительного фонда музея, которые будут описаны и проиллюстрированы. Коллектив авторов — Е. В. Муза, И. А. Гладыш, Е. В. Павлова, Л. И. Вуич — сдал рукопись в издательство «Изобразительное искусство». В крупные московские издательства — «Советский композитор» и «Наука» сданы еще две работы сотрудников музея: фотোগрафический справочник «Пушкин в музыке» (авторы — Н. Г. Винокур и Р. А. Каган, объем 20 печ. листов), в котором собрана музыкальная пушкиниана за 150 лет, от пушкинских времен до наших дней, и каталог ценнейшего книжного собрания — библиотеки русской поэзии И. Н. Розанова. Авторы каталога — В. В. Гольд-

берг, И. Н. Поздняева, К. А. Марцишевская, М. В. Яновский, С. В. Роткова, объем 50 печ. листов.

В научной работе минувшего года было несколько направлений: изучение материалов по «московской» теме — Пушкин в московских журналах 1826—1828 гг., пушкинская Москва в работах московских художников 1960—1970 гг. и т. д.; разработка тем, связанных с традицией изучения Пушкина за годы Советской власти, — «Проблемы изучения романа Пушкина „Евгений Онегин“ на современном этапе», «Тема дуэли и гибели Пушкина в новейших работах советских исследователей», «„Модарт и Сальери“ в научной литературе последних лет»; изучение и научная паспортизация коллекции гравюр и литографий Я. Г. Зака — работа, в которой принимал участие весь научный коллектив. Продолжалась практика открытых научных заседаний. Из 11 докладов, состоявшихся в минувшем году, следует отметить доклады кандидата исторических наук Н. Я. Эйдельмана «Новые материалы о гибели Пушкина» (переписка Николая I и голландского короля Вильгельма Оранского, в которой упоминается о дуэли и гибели Пушкина), Т. Г. Цявловской «О некоторых автопортретах Пушкина» — главы из готовящегося 2-го издания книги «Рисунки Пушкина»; доктора филологических наук В. И. Кулешова «Пушкин и славянофилы»; доктора искусствоведения А. Н. Глумова «Песни Великой французской революции и Пушкин»; члена-корреспондента АН Туркменской ССР Э. Б. Мухамедовой «Переводы Пушкина на туркменский язык».

В течение года велась большая научно-консультационная работа. Музей дал свыше 800 консультаций сотрудникам московских и иногородних музеев, работникам издательств, прессы, театров и киностудий. В музее проходили стажировку музейные работники Украины и Белоруссии. Творческая помощь была оказана двум московским театрам — театру на Таганке, работающему над спектаклем о Пушкине «Товарищ, верь», и коллективу цыганского театра «Ромэн», принявшему к постановке пьесы А. И. Гессена «Здравствуй, племя младое...». Следует упомянуть и о вечере «Пушкин в музыке», который прошел в ЖЭК'е № 14 Октябрьского района. Помощь заключалась не только в организации вечера, но и в подготовке стенда с портретами композиторов и перечнем написанных ими произведений, в консультациях по теме доклада. Несколько занятий было проведено с литературным кружком школы № 34 Ворошиловского района, готовящимся к поездке по пушкинским местам Калининской области.

В изобразительных фондах музея сейчас 12 410 единиц основного фонда, 4328 единиц научно-вспомогательного фонда и 102 единицы фонда драгоценных материалов. В минувшем году музей получил 107 даров от 42 лиц. Многие из них представляют большой интерес: редкий литографированный портрет Пушкина, изданный в феврале 1837 г.; две печатки и футляр для карт, принадлежавшие современнику и знакомому Пушкина П. И. Миллеру; модель «Медного всадника» (чугун, каглинское литье XIX в.). Приобретены также две живописные работы Е. П. Бакуниной и ее чернильница золоченой бронзы 1820-х годов, ряд портретов современников Пушкина. Пушкиниана советских художников пополнилась работами И. Л. Шенкера (из серии «Пушкин в Одессе»), Б. П. Кочейшвили (из серии «Живой Пушкин»), иллюстрациями к пушкинским произведениям К. Н. Рудакова, В. А. Милашевского, В. И. Савосина, А. Ф. Бучнева. Новые поступления в библиотеку музея составили в основном дары (1665 книг из 2487 поступивших): издания Пушкина на японском, а также на болгарском, сербском и других славянских языках; ценные книги XVIII—XIX вв. из обменного фонда библиотеки им. В. И. Ленина, среди них дублиеты книг, находившихся в библиотеке Пушкина. Необходимо сказать и о двух приобретениях рукописного отдела: письме А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву, публиковавшемся ранее по копии, так как оригинал считался утраченным, и о даре

А. А. Раменского — книге Степанова «Постоялый двор» (СПб., 1835) с владельческой надписью Пушкина на титульном листе. Книга была послана Пушкиным декабристам в Сибирь.

В 1972 г. музей посетило 79 740 человек. Значительно расширилась лекционная тематика музея. Кроме традиционных тем, читающихся в музее на протяжении многих лет («Поэмы Пушкина», «Лирика Пушкина», «Пушкин в работе над пугачевской темой», «„Евгений Онегин“ — первый русский реалистический роман»), подготовлены новые лекции: «Лирика Пушкина в русском романсе», «Проза Пушкина», «„Евгений Онегин“. Автор и его герои», «Поэты пушкинской поры». Музей считает одной из важнейших своих задач дальнейшую работу с учащимися, факультативно изучающими творчество Пушкина и литературу его эпохи. Школам в этом году были предложены темы лекций: «Пушкин в советском литературоведении», «Поэтическая автобиография Пушкина». Вызвали интерес и циклы специальных экскурсий, предполагающих подробный и углубленный показ экспозиции.

Как и в прежние годы, много внимания уделялось художественной пропаганде. В минувшем году в музее состоялся 51 вечер. Наиболее распространенной и любимой посетителями формой массовой художественной пропаганды являются пушкинские чтения — их было 33. В числе их вечер памяти Пушкина 10 февраля, на котором прозвучала литературно-музыкальная композиция «Пушкин и Москва» (авторы — сотрудники музея А. С. Фрумкина и Н. С. Нечаева); творческий вечер народного артиста РСФСР Д. Н. Журавлева; вечер из цикла «Поэты читают Пушкина»; литературно-музыкальная композиция «Времена года», построенная на произведениях, перелопаченных Пушкиным и документах (автор и исполнитель — В. С. Непомнящий). Новыми по жанру явились пушкинские чтения литературоведческого плана, как например: «Повесть „Выстрел“. Опыт сценического исследования» (чтение — заслуженный артист РСФСР А. Я. Кутепов, литературоведческий комментарий — В. С. Непомнящий). В роли литературоведа-исследователя выступил заслуженный артист РСФСР Я. М. Смоленский («„Евгений Онегин“. Размышления о некоторых деталях в работе над текстом»). К 50-летию образования СССР был проведен цикл вечеров советской поэзии: творческий вечер Кайсына Кулиева, «В созвездии республик» (литературная композиция народной артистки РСФСР В. Поповой), вечер памяти Н. А. Заболоцкого и многие другие.

Н. Г. Винокур

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1972 г.

Главное направление в работе Всесоюзного музея А. С. Пушкина и его филиалов в 1972 г. определялось в первую очередь задачами создания литературной и мемориальной экспозиций Лицея, продолжением исследовательских работ по воссозданию подлинного историко-архитектурного интерьера Музея-квартиры А. С. Пушкина, организацией большой передвижной выставки, посвящаемой музеем 50-летию образования СССР.

Выставка под названием «В те дни ты знал меня, Кавказ» объединила около 200 первоклассных экспонатов. Она рассказывала о двух поездках Пушкина на Кавказ, о прогрессивном влиянии русской культуры на культуру и литературу Кавказа, о судьбе пушкинского наследия в культуре советских народов. В ходе экспонирования выставки в ее последний, советский раздел включались материалы национальных республик, связанные с пушкинской темой. В Тбилиси, Сухуми, Баку и Ереване выставка значительно пополнялась материалами, предоставленными мест-

ными организациями Союзов писателей и художников, книжно-иллюстративными изданиями на национальных языках. Буклеты выходили на русском и национальных языках республик. На выставке сотрудниками музея было проведено 322 экскурсии.

Коллектив музея за организацию выставки в дни Декады литературы и искусства РСФСР в Азербайджане награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета АзССР.

К 50-летию образования СССР музей открыл в залах Камероновой галереи в г. Пушкине выставку «Пушкин в культуре народов СССР». К подготовке этой выставки музей готовился особенно тщательно — были налажены связи с творческими союзами национальных республик и получены интересные материалы, посвященные воплощению пушкинской тематики в культуре народов СССР. В экспозиции были представлены яркий узбекский ковер с портретом Пушкина и издания «Евгения Онегина» в переводах на литовский, армянский, украинский, молдавский и ряд других языков народов СССР, книжная графика, ряд предметов прикладного и декоративного искусства.

Совместно с Высшим художественно-промышленным училищем им. В. Мухиной музей продолжал экспонировать большую передвижную выставку «Ленинградские художники — Пушкину». Ее увидели жители Калинин, Осташкова, Кимр. К 300-летию со дня рождения Петра I в Камероновой галерее на материалах музея была открыта временная выставка «Россия петровского времени в творчестве Пушкина».

В области научно-исследовательской деятельности самой большой и перспективно важной для музея была работа мемориальной группы, созданной по распоряжению Министерства культуры РСФСР. Группа занималась сбором материалов по истории дома № 42 на набережной Мойки. Изучен большой архивный материал, проведена библиографическая работа. Собранные материалы дополнят существующий с 1940 г. историко-архитектурный паспорт дома.

На итоговой научной конференции музея наряду с докладами членов мемориальной группы были заслушаны сообщения С. Л. Абрамович «Почему не закончен роман „Арап Петра Великого“», Р. Г. Жуйковой «Некоторые определения рисунков Пушкина», Л. П. Февчук «„Пушкинские“ изобразительные материалы в Братиславе», Е. С. Шалиной «Иконография А. О. Смирновой-Россет».

10 февраля 1972 г. в Музее-квартире А. С. Пушкина проводилось совместно с Институтом русской литературы АН СССР традиционное торжественно-памятное собрание, посвященное 135-й годовщине со дня гибели поэта. Перед собравшимися выступили писатель Д. А. Гранин, московские литературоведы Н. Я. Эйдельман и В. С. Непомнящий. В исполнении народного артиста РСФСР Л. К. Колосова и заслуженного артиста РСФСР С. Ю. Юрского прозвучали стихотворения Пушкина. В собрании приняли участие хор Ленинградской государственной академической Капеллы им. М. Глинки и инструментальный квартет Малого театра оперы и балета.

Целенаправленной была собирательская работа музея. Среди приобретенных необходимо отметить две серии литографий, посвященных Павловску, работы художницы А. В. Любимовой. Современная пушкиниана обогатилась работами мастеров Прибалтики — народного художника СССР и ЭССР Г. Г. Рейндорфа, молодых латвийских художников И. А. Заринь и Г. К. Лиепинь, азербайджанского живописца А. О. Ахвердиева, графиков из Калининской области Г. Зайцева, И. Воробьевой, С. Никиреева, молодой ленинградской художницы Г. А. Антипиной. Ценными работами пополнился также и дореволюционный отдел музея. В первую очередь необходимо назвать подлинный фрагмент панорамы Невского проспекта работы художника Садовникова. Для будущей мемориальной экспозиции Лицея приобретены различные вещи, которые помогут придать ей убедительный, подлинный характер. Большим событием для музея было откры-

тие в поселке Выра Гатчинского района «Домика станционного смотрителя» (об этом см. ниже, стр. 157). Сотрудничество музея с селом будет продолжено и в дальнейшем — в деревне Кобрино уже восстановлен домик няни поэта Арины Родионовны. Научный сотрудник Н. И. Грановская подготовила литературно-тематический план экспозиции в этом доме, посвященной Арине Родионовне.

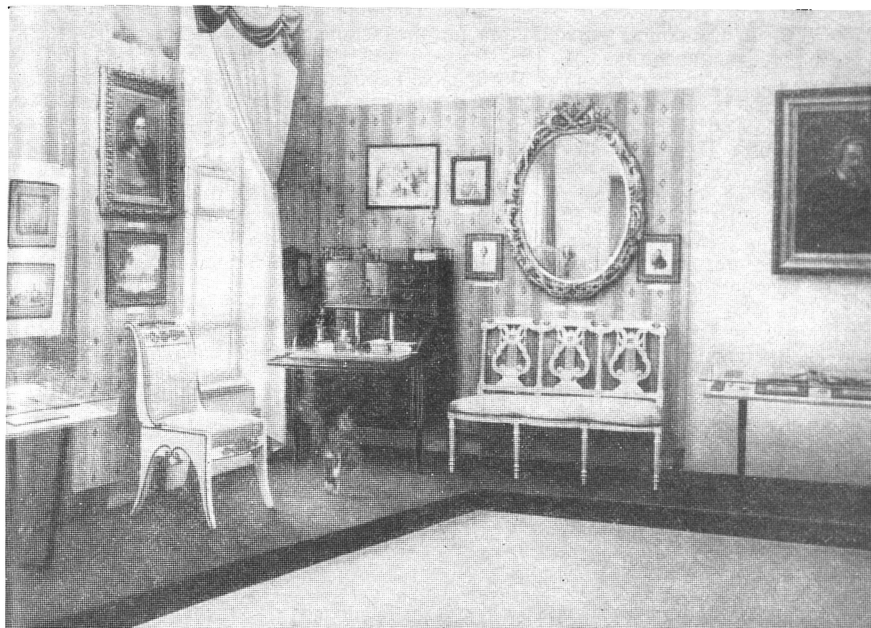
Как и в предыдущие годы, большое внимание было обращено в музее на экскурсионно-массовую и лекционную работу. В 1972 г. филиалы музея посетили 418 тыс. человек, сотрудникам музея проведено 9 тыс. экскурсий. Работа лекторской группы музея обогатилась лекциями по советской тематике: «Пушкин в советской поэзии», «Михаил Светлов», «Александр Твардовский». Помимо лекций, проводимых на предприятиях, в учреждениях и школах Ленинграда и области, музей организовывал вечера в своих филиалах, на которых выступали с научными сообщениями сотрудники музея. Так, уже традиционными стали «Лицейские чтения» в основной экспозиции музея. 161-я годовщина со дня основания Лицея была отмечена докладами Н. И. Грановской, Г. И. Назаровой, А. М. Мухиной об изображениях Царского Села пушкинского времени в рисунках и литографиях. В 1972 г. в издательстве «Аврора» вышла книга Г. И. Назаровой «Нащокинский домик»; в газете «Пушкинский праздник» были опубликованы статьи С. С. Ланды «Рылеев и Кюхельбекер на рисунке Пушкина» и Л. П. Февчук «Пистолеты дуэли Пушкина». В журнале «Аврора» (№ 4) была напечатана статья Г. И. Назаровой «В соседстве с Пушкиным».

Открытие «Домика станционного смотрителя» нашло широкое освещение в печати. В ленинградских газетах и журналах неоднократно печатались статьи научных сотрудников музея Л. П. Февчук, Е. С. Шалиной, Г. И. Назаровой, Н. И. Голлер и других, рассказывающие о музее и его собрании. Завершился год очередной стажировкой работников литературно-мемориальных музеев страны на базе Всесоюзного музея Пушкина. Стажировка была посвящена изучению проблем экспозиции в мемориальных музеях. С теоретическим докладом перед участниками семинара выступил заведующий экспозиционным отделом С. С. Ланда.

А. И. Милина

МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В г. ТОРЖКЕ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

3 июня 1972 г., в дни Всесоюзного праздника поэзии, в городе Торжке, в бывшем доме Олениных, открылись две выставки, посвященные А. С. Пушкину. Пушкин бывал проездом в Торжке более двадцати раз. В городе сохранились здания, связанные с именем поэта: знаменитая гостиница Пожарского (ныне клуб им. Парижской Коммуны) и дом Петра Алексеевича Оленина, сына президента Академии художеств А. Н. Оленина. По семейным преданиям потомков Олениных, Пушкин не раз бывал в этом доме у Петра Алексеевича и Марии Сергеевны Олениной (урожденной Львовой). В трех залах небольшого старинного особняка размещены выставки «Пушкин в творчестве советских художников» (из фондов Московского государственного музея А. С. Пушкина) и «Пушкин и тверской край» (из фондов Калининского областного краеведческого музея и Народного музея г. Торжка). Материалы выставки «Пушкин и тверской край» рассказывают о связях Пушкина с семьей Олениных, в частности о его знакомстве с П. А. Олениным и М. С. Олениной, поселившимися в начале 1830-х годов на Ямской улице в Торжке. В экспозиции подлинные портреты П. А. Оленина (работы художника А. Лашина)

Раздел экспозиции «Пушкин и Оленины» в музее А. С. Пушкина в г. Торжке Калининской области.

и М. С. Олениной (работы художника К. П. Мазера), а также вещи последней, ранее находившиеся в этом доме, переданные в музей правнучками Олениных — М. П. Гортынской и С. С. Поповой.

Комплексы музейных экспонатов посвящены пребыванию Пушкина в селе Грузины Новоторжского уезда и тверским знакомым поэта — П. А. Плетневу, Г. Г. Гагарину, И. Е. Великопольскому и др.

В выставку включены интересные экспонаты: портреты Марка и Агафоклеи Полторацких, основателей Грузин (копии XVIII и начала XIX в. с оригиналов Г. Д. Левицкого), портрет хозяйки гостиницы Дарьи Евдокимовны Пожарской, работы художника Неффа (собственность Калининской картинной галереи), золотшвейные изделия новоторжских мастериц, предметы крестьянского быта Новоторжского уезда Тверской губернии прошлого века, гравюры и литографии с видами Торжка, Твери, тверских деревень. Выставки положили начало новому музею А. С. Пушкина в городе Торжке (филиалу Калининского областного краеведческого музея). Постоянная экспозиция будет создана к 175-летию со дня рождения поэта. Над ней работают коллективы Московского государственного музея А. С. Пушкина и Калининского областного краеведческого музея. Открытие музея в Торжке явилось крупным событием в культурной жизни области. Оно проходило в торжественной обстановке. Гостями праздника были советские поэты Л. Ошанин, А. Стройло, Д. Патерсон. В Доме культуры состоялись пушкинские чтения.

4 июня Пушкинский праздник поэзии был продолжен в селе Бернове, где перед многотысячной аудиторией выступили ответственный секретарь калининской писательской организации А. Ф. Гевелинг, секретарь Стариц-

кого райкома КПСС З. П. Михайлова, преподаватель Торжокского педучилища В. Ф. Кашкова, учительница погорельской средней школы А. П. Цветкова и гости праздника.

В эти же дни в поселке Погорелое Городище, который Пушкин посетил в 1829 г., была установлена мемориальная доска. Здесь на празднике поэзии побывали сотни калязинцев.

6 июня Пушкинский праздник поэзии начался в городе Калинин. В центре города, на Театральной площади, был открыт бюст великого поэта (скульптор — Е. Ф. Белашова). Митинг открыл секретарь горкома КПСС А. В. Скрипников. Сердечно прозвучали выступления гостей праздника — И. Л. Андроникова, С. С. Наровчатова, В. А. Коротича. Праздник поэзии на калининской земле завершился большим пушкинским вечером в областном центре.

Кю дню Всесоюзного пушкинского праздника поэзии издан буклет «Пушкин и Торжок» (составитель В. Ф. Кашкова). Калининский университет выпустил первый сборник «Пушкинские чтения на Верхневолжье» (Калинин, 1972).

См.: Музей А. С. Пушкина в селе Бернове. Путеводитель. Калининское обл. управление культуры. Калинин, 1974; А. Пьянов, М. Ильин. Пушкинские места Верхневолжья. М., «Моск. рабочий», 1971; А. Пьянов. «Пушкинское кольцо» Верхневолжья. — Юность, 1972, № 6, стр. 65—69.

Л. А. Казарская

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА В с. БОЛЬШОЕ БОЛДИНО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1972 г.

14 мая 1972 г. облисполком Горьковского Совета депутатов трудящихся принял решение, направленное на развитие Музея-заповедника А. С. Пушкина в с. Большое Болдино и на улучшение обслуживания туристов. Намеченные в решении мероприятия предусматривают реставрацию заповедного парка, воссоздание всех построек усадьбы, капитальный ремонт старой ветряной мельницы у въезда в Болдино и многое другое. Решением райисполкома музею был передан бывший барский дом А. А. Пушкина, старшего сына поэта, расположенный в дер. Львовка (в 8 км от Болдина), на родовой вотчинной земле Пушкиных. В соответствии с решением в 1972 г. интенсивно велась реставрация здания крепостной конторы Пушкиных, где, по преданию, сообщенному последним владельцем усадьбы, останавливался поэт в один из приездов. Сотрудники музея работали над планом экспозиции будущего музея в крепостной конторе и планом реконструкции дома-музея А. С. Пушкина. В горьковском областном историческом архиве были найдены ревизские сказки с Болдино (1834 и 1850 гг.), документы из истории постройки болдинской церкви, сведения о соседях и т. д.

Для поисков старинных бытовых предметов, записи местных преданий сотрудники музея выезжали в экспедиции по окрестным деревням: Кудеяровка, Львовка, Лобаски. Необходимые музею экспонаты разыскивались также в Горьком, Москве, Ленинграде. Несомненный интерес представляют собой такие поступления, как вышивка бисером (1-я половина XIX в.), находившаяся, согласно преданию, в болдинском имении Пушкиных, напольные часы красного дерева из соседнего имения Ермоловых, икопа из крепостной конторы Пушкиных. Музей приобрел гравюры С. Галактионова (виды Петербурга) и работы советских художников на пушкинские темы: А. Арапова, Л. Фейнберга, В. Милашевского и др.

Всего в течение года фонды музея пополнились 1010 единицами хранения; книжное собрание музея также увеличилось на 306 книг. Из наиболее ценных поступлений следует отметить сочинения Пушкина издания 1837—1838 гг., лицейские учебники — «Курс поллитической истории» Кайданова 1817 г., «Курс математики» Войтковского 1809—1811 гг., сочинения Ф. Богдановича 1818 г. и некоторые другие.

Юбилейная дата года — 50-летие образования СССР — определила характер многих сторон деятельности музея. Была организована книжная выставка «Пушкин и народы СССР», на которой были представлены издания Пушкина на разных языках народов СССР, стихи советских поэтов, посвященные Пушкину. Дарственные надписи на книгах из Мордовии, Татарии, Чувашии и других республик отразили дружественные связи музея с этими республиками.

173-я годовщина со дня рождения Пушкина праздновалась 10—11 июня. На памятном вечере в районном Доме культуры научным сотрудником музея Л. А. Чесновой был прочитан доклад «Всесоюзный пушкинский праздник поэзии — праздник дружбы народов». Затем выступили поэты: Белоруссии — А. Вертинский и П. Макаль, Марийской республики — А. Михайлов, Мордовии — П. Любаев, и др. Заслуженный артист РСФСР А. Р. Палеев рассказал о своей работе над образом Пушкина в театре и кино; демонстрировались отрывки из кинофильмов с его участием. В заключение был показан польский художественный фильм «Несостоявшаяся дуэль» (по повести Пушкина «Выстрел»). 11 июня на народном гулянье в роще «Лучинник» присутствовало более 3000 человек. После поэтической части праздника состоялся большой концерт самодеятельности (см.: Большое Болдино. — Советская Россия, 1972, 7 июня (информация); «Звучат стихи». — Правда, 1972, 12 июня; А. Андреев. Большое Болдино: пушкинский праздник. — Горьковская правда, 1972, 15 июня; Ю. Евгеньев. Болдинские встречи. — Горьковский рабочий, 1972, 15 июня).

Традиционный праздник «Болдинская осень» проводился 10 и 11 сентября. На торжественном вечере, посвященном 142-й годовщине первого приезда Пушкина в с. Болдино, 10 сентября, собравшихся приветствовали научный сотрудник музея Пушкина и Чайковского в Каменке (УССР) А. Марущенко, директор кишиневского дома-музея Пушкина В. Субботин, татарский поэт Рустам Кутуй, куйбышевские поэты В. Соколов, И. Никульшин и др. Во втором отделении вечера состоялся концерт, в котором участвовали артисты Горьковской государственной филармонии. 11 сентября с большим успехом прошел литературный концерт лауреата всероссийского конкурса артистов-чтецов А. Познанского, выступившего с новой программой «Болдинская осень». Для участников праздника были организованы автобусные экскурсии по пушкинским местам и встреча с болдинским народным хором (см.: Ю. Левина. В Болдино пришла осень. — Горьковская правда, 1972, 8 сентября; И. Сильващук. И снова болдинская осень. — Там же, 12 сентября; Т. Гераскина. Наш Пушкин. — Советская Мордовия, 1972, 12 сентября). 12—13 сентября состоялась «Болдинские чтения» — третья научная конференция музея. Первый день конференции был посвящен теме «Пушкин и народы СССР». А. Марущенко в своем докладе «Пушкин в Каменке» остановилась на биографических и творческих связях поэта с Каменкой, отметив, что эти связи способствовали усилению интереса Пушкина к Украине. Доклад проф. Г. Ф. Богача был посвящен теме «Пушкин и молдавский фольклор». Казанский краевед Н. Васильев уточнил маршрут поездки поэта в Казань (1833). О связи поэта с Тверским краем говорила в своем докладе старший научный сотрудник Государственного музея А. С. Пушкина в Москве А. Фрумкина; особое место в докладе было уделено и информации о создании нового музея в с. Берново.

Второй день конференции открылся докладом журналиста В. Русакова «А. А. Пушкин — сын поэта». Сообщение кандидата исторических

наук Р. Овчинникова «Похождения болдинского пугачевца» познакомило слушателей с архивными документами об участии в пугачевском восстании крепостного крестьянина сельца Кистенева Ефима Глушшева, принадлежавшего Л. А. Пушкину и ушедшего на оброчные заработки в Яицкий городок осенью 1773 г. Хотя в «Историю Пугачева» не вошли местные болдинские предания о пугачевщине, но, как утверждает докладчик, Пушкин безусловно учитывал их при изображении стихий народного востания в поволжских губерниях. Итоги изучения истории крепостной конторы болдинской усадьбы Пушкиных были изложены в сообщении научного сотрудника музея Л. Мальшкиной. Сопоставление документов, чертежей, фотографий, собранных воспоминаний позволили выявить историю здания, уточнить архитектурные детали для реконструкции его более раннего облика; наличие преданий (вполне правдоподобных, по мнению докладчика), рассказывающих о том, что в конторе останавливался сам поэт, обуславливает интерес к истории этого здания. Выступление кандидата исторических наук Н. Я. Эйдельмана (Москва) было посвящено обзору новых пушкинских материалов и проблеме поисков не найденных еще текстов и рукописей поэта. На конференции присутствовала интеллигенция Больше-Болдинского и Починковского районов, городов Горького и Саранска, пушкинисты других городов (см.: И. Сидоров а. О чем говорят пушкинисты. — Ленинская смена, 1972, 26 сентября). Ряд работ, прочитанных на конференции, принят Волго-Вятским издательством для публикации в горьковском краеведческом сборнике, в специальном разделе «Болдинские чтения».

25 января в музее состоялся юбилейный вечер, посвященный 90-летию болдинского краеведа-пушкиниста Ивана Васильевича Киреева, многие годы занимавшегося собиранием материалов по истории Болдина и преданий о поэте. По инициативе музея юбилей И. В. Киреева был широко отмечен общественностью района и области. Вечер открылся словом директора музея Ю. И. Левинной, охарактеризовавшей юбиляра как хранителя и собирателя пушкинских памятников, как человека, любящего свой край; затем И. В. Кирееву были вручены почетные грамоты Горьковского областного управления культуры и Больше-Болдинского райисполкома. С приветствиями выступили представители советских и общественных организаций Болдина и Горького, были оглашены многочисленные телеграммы и письма — от Д. Д. Благого, потомков Пушкина, горьковской писательской организации, других пушкинских музеев страны (см.: М. Фролов. Болдинский старожил. — Горьковская правда, 1972, 29 января). Записи преданий и рассказов И. В. Киреева в литературной обработке журналиста И. В. Сидоровой были изданы в сборнике «Предания и песни болдинской старины», вышедшем в Волго-Вятском издательстве (г. Горький) в 1972 г. тиражом 15 000 экземпляров. Публикуемые в сборнике предания и старинные народные песни сопровождаются научными комментариями и примечаниями, составленными работниками музея (см.: Книга народных преданий. — Горьковский рабочий, 1972, 24 августа; Ю. Андрианов. Болдина живая сторона. — Там же, 1973, 4 января).

В течение года музей вел большую массовую научно-просветительную работу, обслужив всеми ее формами 97 582 человека. Проводились тематические вечера, лекции, утренники для младших школьников, литературные радиопередачи, работали детские пушкинские кружки; музей организовал несколько передвижных фотовыставок, которые обслуживали сельское население района. Посещаемость музея по сравнению с предыдущими годами markedly увеличилась; в течение года в парке и доме-музее заповедника побывало 49 656 человек и была проведена 1541 экскурсия. Работа музея освещалась в местной печати и по радио.

Ю. И. Левина

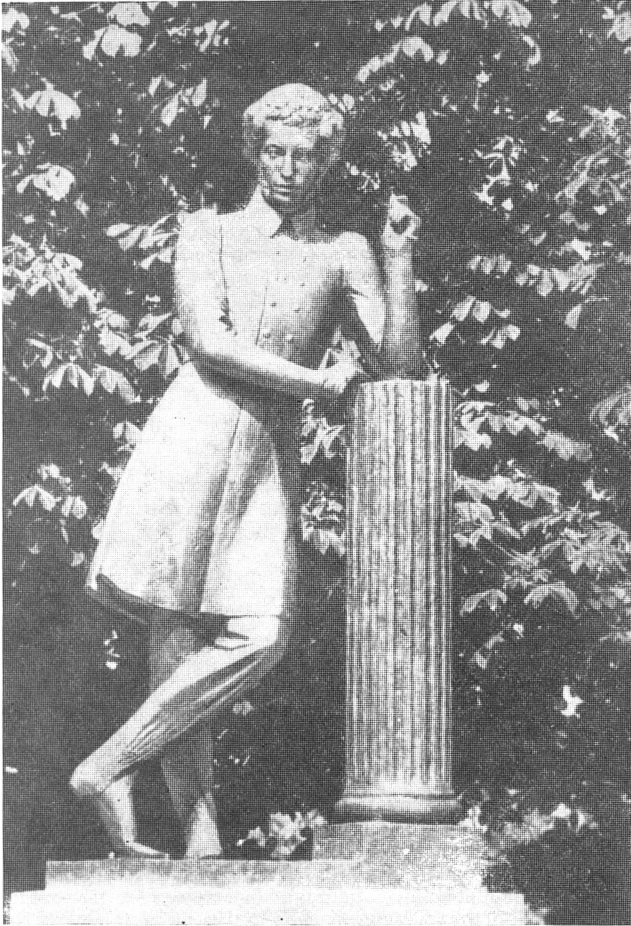
ПУШКИНСКИЕ ДНИ В МОЛДАВИИ

В 1970—1971 и 1972 гг. в Молдавии проходили празднества, связанные с памятью о Пушкине. Особенный размах приобрели пушкинские дни в 1970 г., когда в республике широко отмечалось 150-летие со времени приезда великого русского поэта в Молдавию. Статьи во всех газетах и журналах, выступления ученых, писателей по радио и телевидению, публичные лекции, научные конференции в Академии наук Молдавской ССР, в Союзе писателей Молдавии, в Кишиневском университете и других вузах республики — вот далеко не полный перечень юбилейных мероприятий, проведенных в республике в эти дни. В Союзе писателей Молдавской ССР была открыта экспозиция, посвященная 150-летию приезда Пушкина в Молдавию. На выставке были представлены произведения живописи, графики молдавских художников. Завершились эти дни большим праздником поэзии в с. Пушкино Ниспоренского района, в Доме-музее А. С. Пушкина, размещенном в бывшем доме молдавского боярина Константина Ралли, где летом 1821 г. бывал Пушкин и откуда он ушел бродить с цыганским табором (в районе сел Юрчены и Варзарешты) (см.: Новый народный Пушкинский музей. — Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., «Наука», 1968, стр. 90).

На этом пушкинском празднике поэзии в с. Пушкино выступили ученые, поэты Молдавии; учитель молдавского языка М. Тергуде прочитал «Черную шаль», хор старшекласниц школы с. Пушкино спел «Узника», старая крестьянка-молдаванка продекламировала стихи Пушкина.

В 1971 г. продолжались мероприятия, связанные с 150-летием приезда поэта в Молдавию. Читались лекции, проводились вечера русской и молдавской поэзии. В этом году был осуществлен ряд мер, принятых по сохранению пушкинских мест в Молдавии. Так, решением Совета Министров Молдавской ССР взяты под государственную охрану бывший дом боярина Варфоломея, где бывал Пушкин, дом М. Кацки, где была мадонская ложа «Овидий», членом которой состоял Пушкин, дом вице-губернатора Т. Крупенского, «домашний театр» которого посещал поэт, и другие памятные места, связанные с пребыванием Пушкина в Молдавии. На всех этих зданиях в торжественной обстановке были открыты мемориальные доски.

В июне 1972 г. на молдавской земле состоялась Дни литературы и искусства РСФСР. Делегация писателей, художников, ученых Российской Федерации, возглавляемая заместителем Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемазовым, приняла участие в пушкинском празднестве в с. Пушкино Ниспоренского района, связанном с 173-летием со дня рождения Пушкина и открытием в селе памятника поэту работы скульптора, заслуженного художника РСФСР Олега Комова. В статье, посвященной работам О. Комова, Борис Полевой пишет о новом воплощении образа поэта в скульптуре: «...на памятнике в Молдавии это легкий, стройный, порывистый юноша той поры <...> Монумент очень лаконичен. Молодой поэт стоит, опираясь на обломок античной колонны. Не только в пристальном взоре его, но в движении фигуры, в том, как левая его рука, небрежно опираясь о колонну, застыла в незавершенном, будто остановленном внезапной мыслью движении, — во всем этом жгучая живость натуры, порывистость, выражаясь пушкинским языком, „Пламенной младости“. Как мне кажется, в этой своей работе скульптору повезло — как бы проникнуть в ту пору пушкинской биографии <...> Пылкой молодостью как бы дышит этот новый пушкинский монумент. И размещен он в Молдавии необыкновенно удачно» (Б. Полевой. Пушкиниана в скульптуре. — Советская культура, 1973, 23 ноября). На митинге выступили поэт Михаил Дудин, писатель, академик АН МССР Андрей Луцак, председатель исполкома сельского Совета Д. А. Унгуриану, ученица 9-го класса средней школы Валентина Бешир. Памятник открыли председатель правления Союза писателей РСФСР Сергей Михалков и первый секретарь

Памятник Пушкину в с. Пушкино Молдавской ССР.
Скульптор О. К. Комов. Фотография.

правления Союза писателей Молдавии Павел Боцу (см.: О. Комов. Слышу шаги поэта. — Московский комсомолец, 1972, 6 июня; Ю. Грибов. Вечный родник. — Советская Россия, 1972, 8 июня; Ю. Гогоберидзе, В. Широкий. Праздник дружбы, праздник поэзии. — Советская культура, 1972, 8 июня; Наш Пушкин. — Советская Молдавия, 1972, 8 июня).

Б. А. Трубецкой

«ДОМИК СТАНЦИОННОГО СМОТРИТЕЛЯ»

15 октября 1972 г. в деревне Выра Гатчинского района Ленинградской области открылся «Домик станционного смотрителя» — музей, посвященный истории дорожного быта России первой трети XIX в. и повести Пушкина «Станционный смотритель».

В пушкинское время через Выру проходил большой почтовый тракт. Он шел от Петербурга в западные губернии России. Выра, стоявшая на 69-й версте на этом пути, была третьей станцией от столицы, где путники меняли лошадей. Как типичная почтовая станция, она имела два корпуса, северный и южный, — два одноэтажных домика, сложенных из кирпича, оштукатуренных и выкрашенных в розовый цвет. Домики выходили фасадом на дорогу и соединялись между собой кирпичной оградой с большими воротами в середине. Через них на широкий мощный двор въезжали кареты, коляски, возки и брччки путешествующих. Внутри двора находились конюшни, амбар, пожарная каланча, коновязи и колодец. Восстановленный теперь северный корпус станции служил и жилищем смотрителя, почему за ним и сохранилось название «Домик станционного смотрителя».

Великий русский поэт много путешествовал. Путь, проделанный им по России, равен 34 тысячам километров. В повести «Станционный смотритель» Пушкин говорит устами своего героя: «В течение двадцати лет сряду извездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела».

Поэт проезжал через Выру и останавливался здесь не менее 13 раз. Возникает предположение, что имя главному герою повести он дал от названия этой станции — древнерусского села Выра. В этих местах сложились народные предания, утверждающие, что именно здесь жил герой пушкинской повести и отсюда проезжий гусар увез красавицу Дуню; что похоронен Вырин здесь же на местном кладбище. «Домик станционного смотрителя» вызывает большой интерес у многочисленных туристов, тем более что находится по-прежнему на большой дороге — Киевском шоссе (и дороге на Псков и в Пушкинский заповедник). «Домик станционного смотрителя» восстановлен колхозом им. В. И. Ленина (председатель П. С. Терещенко, архитектор колхоза А. А. Семочкин) и первичной организацией Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры при Государственном оптическом институте им. С. И. Вавилова (большая заслуга в восстановлении домика принадлежит в особенности одному из ее членов — токарю И. Д. Ларину). Экспозиция «Домика станционного смотрителя» создана Всесоюзным музеем А. С. Пушкина. Экспозиция воспроизводит интерьер почтовой станции первой трети XIX в. по повести Пушкина «Станционный смотритель», по архивным документам и материалам Центрального музея связи СССР. При входе, как полагалось в такого рода «присутственных местах», рядом с портретом царствующего императора помещались «высочайшие утвержденные» правила: «Какому чину и поскольку выдавать лошадей», «О подорожных и сборе с оных», расписания «В какое время и поскольку лошадей и в какие экипажи запрягать должно», правила «О прогонных деньгах» и даже правила «для желающих принести жалобу в обидах, причиненных на станциях», а также постановления «для проезжающих на почтах», гласящие: «Станционные смотрители, которые не имеют классных чинов в ограждение обид, пользуются по высочайшей воле 14 классом» — и запрещающие проезжающим чинить «станционным смотрителям оскорбления и притеснения и почтарям побой».

Эти документы одновременно служат яркой иллюстрацией к повести Пушкина. Важное место в интерьере станции занимают описанные Пушкиным лубочные картинки «Как мыши kota хоронили» и «Спор мороза с красным носом», а также сюита дубков, несущая в повести особое смысловое задание, — «История блудного сына». Эти картинки широко

Музей «Домик станционного смотрителя» в деревне Выра
Ленинградской области.

бытовали в то время. В домике воспроизведено скромное убранство бывшей почтовой станции: стол смотрителя с книгой для записи подорожных, залавки, стулья, диваны для проезжих; их сундуки, чемоданы, дорожные шкатулки; здесь же кровать смотрителя «с пестрой занавескою», а на окнах «горшки с бальзамином» — цветами, которые выращивала героиня повести Дуня. В экспозиции показаны материалы о путешествиях Пушкина по России и о работе поэта над повестью «Станционный смотритель», карта его путешествий, стихи, посвященные дорогам, и ямщицкие песни того времени. Здесь же «Дорожные жалобы» — рассказ самого поэта о бесконечных своих странствиях: «то в кибитке, то в карете, то в телеге, то пешком»; стихотворение «Зимняя дорога», поэтический размер которого воспроизводит ритм езды:

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит. . .

Ни огня, ни черной хаты. . .
Глушь и снег. . . Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одна. . .

«Домик станционного смотрителя» — это памятник ушедшего дорожного быта, раскрывающий страницы родной истории, страницы жизни и творчества великого русского поэта.

См.: Домик станционного смотрителя. — Вечерний Ленинград, 1972, 14 октября; Е. Холщевинова. В гостях у Самсона Вырина. — Ленинградская правда, 1972, 15 октября; А. Ежелев. Домик смотрителя. — Известия, 1972, 7 октября; Н. Грановская. Домик станционного смотрителя. — Литературная газета, 1972, 18 октября; В. Ивачев. Осень в Пушкинских Горах. — Литературная Россия, 1972, 13 октября; А. Августинюк. Домик станционного смотрителя. — Гудок, 1972, 21 ноября.

Н. И. Грановская

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Автограф стихотворения Пушкина «Княгине З. А. Волконской». (Из книги: *La princesse Zénaïde Wolkonsky. De la Russie Imperiale à la Rome des Papes. Rome, 1966*). (Стр. 8—9).
2. З. А. Волконская. Портрет работы Луи Берже (Louis Berger). 1828 г. Акварель. (Из книги: *La princesse Zénaïde Wolkonsky...*). (Стр. 8—9).
3. Черновой автограф стихотворения Пушкина «Надеждой сладостной младенчески дыша...». ИРЛИ АН СССР, ф. 244, оп. 1, № 834, л. 30. (Стр. 45).
4. Шарль-Луи Дидло. Портрет работы А. О. Орловского. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва. (Стр. 120).
5. Дидло. Рисунок Пушкина из «Лицейской тетради». ИРЛИ АН СССР, ф. 244, оп. 1, № 829, л. 78. (Стр. 121).
6. Н. И. Гончарова. Портрет работы неизвестного художника. 1810-е годы. Холст, масло. Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Ленинград. (Стр. 122—123).
7. Н. И. Гончарова. Рисунок Пушкина в альбоме Е. Н. Ушаковой. ИРЛИ АН СССР, ф. 244, оп. 1, № 1723, л. 55а. (Стр. 122—123).
8. Тригорское. Рисунок Пушкина. ИРЛИ АН СССР, ф. 244, оп. 1, л. 58 об. (Стр. 126—127).
9. Тригорское. Рисунок Пушкина. ИРЛИ АН СССР, ф. 244, оп. 1, л. 59. (Стр. 126—127).
10. Тригорское. Рисунок Пушкина. ИРЛИ АН СССР, ф. 244, оп. 1, л. 59 об. (Стр. 126—127).
11. Дом в Москве на Арбате, в котором жил Пушкин с февраля по май 1831 г. Фотография. (Стр. 146).
12. Раздел экспозиции «Пушкин и Оленины» в музее А. С. Пушкина в г. Торжке Калининской области. (Стр. 151).
13. Памятник Пушкину в с. Пушкино Молдавской ССР. Скульптор О. К. Комов. Фотография. (Стр. 156).
14. Музей «Домик станционного смотрителя» в деревне Выра Ленинградской области. Фотография. (Стр. 158).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Предисловие	5
-----------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Р. Е. Терехина. Автограф послания Пушкина к З. А. Волконской и его история	5
В. Б. Сандомирская. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова	16
К. Н. Григорьян. Из элегической поэзии Пушкина начала 1820-х годов. (К истории текста стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша»)	36
М. Ф. Мурьянов. Пушкин и Песнь песней	47
Н. В. Вулих. Образ Овидия в творчестве Пушкина	66
Я. Л. Левкович. Заметки Жуковского о гибели Пушкина	77

II. ОБЗОРЫ

В. В. Зайцева. Пушкиниана 1972 года	84
---	----

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

В. Э. Вацуро. Из разысканий о Пушкине. 1. Пушкинский анекдот о Павле I. 2. «Побежденная трудность». 3. Пушкинская поговорка у Лермонтова. 4. К истории пушкинского экспромта	100
В. П. Степанов. Литературные реминисценции у Пушкина. 1. «Записки» С. А. Порошина и «Сказка о золотом петушке». 2. «Сочиненья Эмина» в «Домике в Коломне»	109
В. В. Крамер. Из истории ранних французских переводов Пушкина	115
Я. М. Боровский. Необъясненные латинские тексты у Пушкина	117
Р. Г. Жуйкова. Два малоизвестных рисунка Пушкина. 1. Портрет Шарля-Луи Дидло. 2. Портрет Н. И. Гончаровой	119
Э. Ф. Карлова. Тригорское в рисунках Пушкина	124
Д. М. Шарыпкин. Вокруг «Пиковой дамы». 1. Шведская «Пиковая дама». 2. Эпиграф к главе V	128
Е. М. Двойченко-Маркова. Отклики на смерть Пушкина в Молдавии и Валахии	138

IV. ХРОНИКА

Некролог. З. А. Бориневич-Бабайцева	142
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1972 г.	145
Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1972 г.	148
Музей А. С. Пушкина в г. Торжке Калининской области	150
Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области в 1972 г.	152
Пушкинские дни в Молдавии	155
«Домик станционного смотрителя»	157
Список иллюстраций	159